

**Академия военно-исторических наук
(Верхне-Волжское отделение)**

**ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»**

**Вестник
Верхне-Волжского
отделения Академии
военно-исторических
наук**

VII

**Ярославль
2008**

УДК 902 63.3(2)622
ББК ~~63.3(0)62~~
В 387

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор
В.В. Швецов, доктор исторических наук, доцент

В 387 Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук [Текст]: материалы научной конференции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 164 с.

Редакционная коллегия:

В.Т. Анисков – заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, председатель Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук (главный редактор);

М.В. Новиков – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военно-исторических наук (отв. ред.);

С.Н. Картавый – кандидат исторических наук, доцент, действительный член АВИН, ученый секретарь Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук.

УДК 902
ББК 63.3 (0) 62

ISBN 978-5-87555-447-X

© ГОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет м. К.Д. Ушинского»,
2008.

© Авторы материалов, 2008

Виктору Тихоновичу Анискову – 80 лет

Выход в свет очередного номера "Вестника" совпал с казуном знаменательного юбилея его главного редактора - Виктора Тихоновича АНИСКОВА. Но это лишь приятный для нас повод к тому, чтобы в честь 80-летия известного ученого, старшего нашего коллеги и наставника, пусть в самой краткой форме, тем не менее, весьма собирательно отобразить его творческий путь.

Он – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, почетный профессор, около 40 лет возглавлявший кафедру истории России ЯрГУ, действительный и почетный член ряда отечественных и зарубежных академий, Международный Человек Года в номинации Кембриджского /Великобритания/ университета, дипломат Международного радио Китая, обладатель многих общероссийских, региональных, областных и иных наградных знаков, грантов, академических и вузовских отличий.

Широко известному деятелю науки и высшей школы, бесменный трудовой стаж которого в вузовской аудитории и исследовательских центрах превышает 55 лет, в разное время были адресованы сотни благодарственных и поздравительных обращений всех уровней государственных, общественно-политических, научно-академических и др. структур - от министров и ректоров, от гражданских организаций и воинских подразделений, от академиков РАН и ведущей профессуры "по цеху", от бывших и современных учеников.

Ни один учебно-научный год, как отмечал сам Виктор Тихонович, не проходил для него в "падающем" режиме: непрерывная лекционная и иная преподавательская деятельность с благодарственными откликами студентов, творческое методическое и методологическое начало, очень высокие аттестационные показатели, массовое учебно-исследовательское реферирование, с выходом на

межвузовские отношения, гибкий межаттестационный учет успеваемости. И всё это с бережным сохранением достижений отечественной высшей школы. За полвека на ниве высшего образования и разностороннего общественного просвещения его основательные знания и редкий социальный опыт соприкоснулись с десятками тысяч будущих специалистов и иных слушателей.

Предельно насыщенной, всегда нарастающей выступала и научная деятельность учёного. Ко времени последнего юбилея профессора общее число историографических работ, связанных с его научным именем, достигло 540 наименований. При этом лишь за последнее пятилетие библиография В.Т. Анискова пополнилась 70-ю новыми произведениями, 25-ю рецензиями. Ему принадлежит более 30 монографий и учебных пособий. Под его научной редакцией и с долевым участием опубликовано около 70 других обобщающих изданий. Их сводный объем ныне превышает 30 тысяч страниц.

Общее число и объем публикаций, разумеется, очень важный и в данном случае редкостный показатель. Но он станет еще более впечатляющим, если иметь в виду саму сущность выполненных исследований, их признанность научной общественностью. К настоящему времени на труды Виктора Тихоновича в разные годы опубликовано более 100 развернутых рецензий, профессиональных отзывов, оценочных статей, причем не только во многих региональных печатных органах, но и практически во всех самых авторитетных в стране общественно-исторических и академических журналах. Что же до сопутствующих откликов и научных ссылок, то их число бесконечно нарастающее. Капитальные труды удостоились десятков самых высоких оценок, послуживших основой для обсуждения многих дискуссионных проблем. Некоторые из них, например, монография "Крестьянство против фашизма. 1941 - 1945. История и психология подвига", вышедшая в Москве /2003 г./ в издательстве "Памятники исторической мысли", привлекла к себе внимание специалистов еще в стадии её макетных представлений. Затем это основательное итоговое сочинение /35 п.л./, признанное одним из лучших историко-психологических работ столь важной проблематики, стало предметом коллективного обсуждения, открытого группой ведущих профессоров Академии военно-

исторических наук /С.-Петербург/ на страницах ряда научных журналов России.

Питерский дискуссионный акцент вовсе не стал случайным: он охватил видный ряд крупных специалистов военной истории - М.И.Каратуева /президента АВИН/, Н.Я.Гребенева, И.П.Горелова, Н.Д.Козлова, М.И.Фролова, других лидеров академии, разумеется, и видных членов её Верхне-Волжского отделения. В целом деятельность ученого за минувшее десятилетие организационного и научного становления АВИН получила очень высокую оценку. В Ярославле региональное отделение все последние годы неизменно базируется в ЯГПУ. Его возглавляет В.Т. Анисков, а научно-издательскую сторону столь же успешно курирует М.В.Новиков. Оба они, а также действительные члены академии профессора С.Г. Осьмачко и М.А. Рутковский удостоены медали "За заслуги" - высшей награды АВИН.

Обращаясь вновь к общей характеристике персональной исследовательской деятельности нашего юбиляра, нельзя, хотя бы самым кратким образом, не вычлнить его наиболее крупные научные интересы. На первом месте - общая и социальная история России XX столетия. Затем - история и психология советской российской деревни, особенно периода Великой Отечественной войны, и последующих ее судеб. Сквозное и концептуальное место занимают историография и методология новейшей истории страны и краеведения, общее и особенное в отечественной истории в контексте регионального проявления, политический и конфессиональный смысл происходившего, зачастую влиявший в попутные, а то и в самостоятельные научные сюжеты.

Из былых трудов концептуальные выводы наиболее полно отражены в известных многотомных академических изданиях, вышедших в Москве, Ленинграде, Новосибирске: пятитомных "Истории Сибири с древнейших времен до наших дней", "Истории крестьянства Сибири", "Истории советского крестьянства" (охватывающей все регионы СССР в том числе Дальний Восток, Верхнее Поволжье), другие. В них В.Т.Анисков представлен не только как редактор, ответственный за выпуск целых томов, но и как автор ведущих разделов, глав, введений и заключений. К числу важнейших выводов ученого следует отнести выстраданный и не всеми принятый вывод о социально-крестьянском характере Победы в

Великой Отечественной войне, ибо до 80% личного состава Красной Армии 1941-1945 гг. составляли прямые и "вчерашние" сельские выходцы.

Шокирующим выглядел, например, его вывод о совершенно иной периодизации нашего сельскохозяйственного производства военных лет, который вовсе не согласовывался с официально господствовавшими тогда оценками. А всесторонне обоснованное заключение о самом тяжком году на селе, каким стал для него 1943 г., и немного лучшем последующем, вовсе не вписывалось в догматическое представление "о всеобщем и комплексном переломе не только на фронтах войны, но и во всей военной экономике, включая сельское хозяйство". Историографии также известно, что даже после успешной защиты своей докторской диссертации в Томском университете (1967) соответствующий диплом Виктор Тихонович получил лишь после трехкратного отстаивания своих научных положений - на экспертной комиссии, пленуме и президиуме ВАКа. Им были отклонены всякие "компромиссные" предложения, в том числе и намерения об оформлении защитного варианта диссертации в форме "закрытого" заседания.

В конечном итоге объективно-новаторские взгляды авторитетного исследователя агрокрестьянской проблематики не только устояли, со временем стали доминирующими, но и на современном этапе стали общепринятыми. В этой связи мы не можем не сослаться на заключение такого ведущего научного центра, как Институт истории Сибирского отделения РАН: "Многие обобщения В.Т.Анискова, являясь классикой как позитивного консерватизма, так и должного новаторства, вошли в научную и учебную литературу, а также в энциклопедические издания. Современные монографии поддержаны российскими и региональными грантами. Персональные биобиблиографические сведения содержатся в отдельных книжных изданиях и спецвыпусках".

Подобные же оценки мы видим и в позиции Уральского отделения РАН: "Предстоящий юбилей - повод приветствовать и благодарить известного исследователя за постоянно нарастающий творческий вклад в историческую науку, за созданную им научную школу, за уникальную деятельность по подготовке профессиональных кадров в лице многих десятков кандидатов и докторов наук". Нельзя не упомянуть об увлечении В.Т. Анискова в последние годы

краеведческими исследованиями. Прежде всего отметим оригинальную, пробную, порой неоднозначную и потому весьма интересную и значимую серию из 3-х книг, изданных в 2005-2007 годах: "Россия революционная, красно-белая, нэповская...", "Россия обновленная, мобилизационная, громящая фашизм...", "Россия восстановленная, в зените мощи, надломе вех...". Все они увидели свет в едином и сквозном методологическом обрамлении. Они выделяются редкой ныне научной публицистичностью и общей правдивой яркостью авторского слова. В сущности, перед нами единая историческая трилогия, посвященная целостной восходящей и социально-мессианской роли небывалой ранее власти в её центральном и региональном проявлении.

Одновременно с так называемой "трилогией" было реализовано пробное, а затем и второе дополненное издание уникальной книги о православии на Ярославской земле от крещения до наших дней, которую наш "Северный край" с полным правом назвал учебно-методическим пособием для преподавателей школ, техникумов, а также малой энциклопедией по истории православия в крае. Помимо всего этого при его авторском участии и редакторстве были опубликованы три очередных выпуска нашего "Вестника" и около 50 научных статей и докладов в научной печати.

Радовали, конечно, и успехи собственных учеников, которые обильно пополняли научную школу. Почти все соискатели разных степеней и званий заботились о своем научном руководителе и консультанте, который постоянно выступал перед ними оппонентом, рецензентом, редактором, долгие годы в качестве председателя диссертационных советов и почти всегда - заведующим кафедрой.

Нам, пожалуй, трудно подсчитать, сколько сотен его начинающих коллег так или иначе оказались приобщенными к научной деятельности. Но известно, что более 70 учеников выдающегося историка получили учёные степени и звания. Свыше 20 их них стали докторами наук, профессорами. За ним сложилась авторитетнейшая научная школа, состоящая из многих десятков исследователей разных поколений. Только в Ярославле успешно трудятся 12 докторов исторических наук - ведущими профессорами, заведующими кафедрами, деканами, руководителями крупных подразделений, проректорами. Они прошли защиту в созданном и воз-

главлявшемся В.Т. Анисковым долгие годы диссертационном совете.

Очень приятно осознавать, что столь яркую научную личность весьма сложно в чем-то переоценить - ну разве что в её же ближайших намерениях относительно подготовки и переиздания уже упомянутых выше крупных монографических форм. На наши сомнения по поводу очевидной перегруженности собственных заданий самого исполнителя последовал четкий и краткий ответ: "Повременил бы со всем, заменивши с вашей поддержкой всего лишь одним - новым изданием известной и редкостной ныне книги "Крестьянство против фашизма. 1941 - 1945. История и психология подвига".

Искренне пожелаем нашему Виктору Тихоновичу, и без того не обиженному Божьей милостью, дальнейшего крепкого здоровья, новых творческих достижений, посвящаемых им своей альма-матер, истинного благополучия и счастья.

*Верхне-Волжское отделение
академии военно-исторических наук*

Формирование нравственности офицеров в армии дореволюционной России

В системе подготовки и воспитания офицерских кадров в армии дореволюционной России большое внимание уделялось формированию духовно-нравственных качеств, в течение столетий служивших тем стержнем, той мощной основой, на которой базировались впоследствии профессиональные качества целой социальной прослойки, любимой и уважаемой в обществе, – русского офицерства. Именно офицеры с присущими им понятиями о долге и чести являлись основой могущества Вооруженных Сил царской России. Девизом российского офицерства той эпохи были слова: «За Веру, Царя и Отечество!»

Необходимо отметить, что формирование столь мощного духовно-нравственного фундамента не проходило в одночасье, а являлось плодом функционирования четко отлаженной системы, в которую будущий офицер попадал с пеленок. Ни для кого не секрет, что офицерская служба со времен Петра I являлась в основном прерогативой класса служилых людей – дворянства. Именно у представителей дворянства, первоначально обязанного своему благосостоянию верной службе государю, с детства закладывались те духовно-нравственные основы, на которых формировались будущие защитники Отечества. И не удивительно, что многие понятия из кодекса дворянской чести перекочевали в кодекс чести офицерской. С детства, слушая рассказы старших о былых сражениях, славных подвигах своих предков во имя веры, царя и Отечества, видя на стенах портреты дедов и прадедов в военной форме при орденах и медалях, ребенок укреплялся в своем желании вырасти похожим на них – кумиров своей мечты! В качестве примера можно привести маленького Мишу Скобелева – будущего знаменитого «Белого генерала», которого до шести лет воспитывали дед, Иван Никитич, полный генерал, кавалер двух Георгиевских крестов, и отставной солдат, прошедший вместе с дедом не одну войну.

Формированию духовно-нравственного облика будущих офицеров в немалой степени способствовали и традиции обучения детей в дворянских семьях. Помимо общеобразовательных предметов и обязательного знания иностранных языков (тот же М.Д. Скобе-

лев знал восемь иностранных языков), дворянские дети не были чужды любви к искусству и пониманию его. Многие из них умели музицировать (играть на рояле или гитаре), петь, рисовать, сочинять стихи. Один из характерных примеров – офицеры-сослуживцы М.Ю. Лермонтова по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку: друг поэта А.И. Арнольди писал акварелью, и его талантливые произведения составляли «украшения выставок»; другой молодой офицер – М.И. Цейдлер – славился как карикатурист, рассказчик анекдотов и... талантливый скульптор, который учился в мастерских известных российских скульпторов И.П. Витали и Н.С. Пименова; их товарищ, Н.И. Краснокутский (впоследствии в 1856 г. ставший командиром Гродненского гусарского полка), был замечательным лингвистом – владел свободно десятью языками, много занимался живописью, музыкой и был всегда душой полковой молодежи [1].

Важную роль в формировании мировоззрения, духовно-нравственных начал личности будущих офицеров в детстве играла религия, многие заповеди которой, в том числе почетность военной службы по защите своего Отечества, становились жизненными правилами для детей и взрослых.

Следующей ступенью в формировании будущих офицеров становились *кадетские корпуса*, через которые прошла значительная часть офицеров дореволюционной России. 29 марта 1805 года для управления военными учебными заведениями (в их состав входили и кадетские корпуса) был учрежден «Совет военно-учебных заведений», председателем которого стал один из великих князей с правами министра. В основу Устава о военно-учебных заведениях было положено указание императора Николая I, которое гласило: «Воспитанник кадетского корпуса должен стать христианином, верноподанным, добрым сыном, надежным товарищем, скромным и образованным юношей, исполнительным, терпеливым и расторопным офицером» [2]. По воспоминаниям бывших выпускников именно кадеты традиционно пользовались наибольшей любовью членов царской фамилии. Большинство великих князей и государей относились к воспитанникам подшефных корпусов как к своим детям, сочетая строгость воспитания с отеческой заботой.

Образовательный и культурный уровень кадетских корпусов был значительно выше среднего уровня гражданских учебных заве-

дений. И не удивительно, что из числа кадетов вышла целая плеяда ученых, писателей, художников, поэтов, композиторов, мореплавателей и даже отцов церкви – людей, ставших творцами русской науки и культуры. Вся обстановка жизни, распорядок дня, отношение воспитателей и преподавателей, традиции корпуса формировали «крепкое мировоззрение, основанное на вере в Бога, на преданности царю и Родине и готовности сложить за нее голову». По словам кадета-писателя Г. Месняева, эти слова имели «огромную нравственную силу, которая помогла им отрастить свои крылья для того, чтобы лететь к славе и чести, к тяжелому подвигу, к жертвам, страданию и смерти» [3].

Однако кадетские корпуса не могли полностью удовлетворить потребность российской армии в офицерах. Так, перед революцией 1917 года 30 корпусов ежегодно выпускали не более 1600 новых юнкеров. Тем не менее, как отмечали позднее прошедшие кадетскую школу, ее выпускники «давали закваску всей юнкерской массе, пропитывали ее духом, который каждый кадет выносил с собой из корпусных стен и которым, незаметно для себя самих, насквозь проникались те, кто приходил в военные школы из гражданских учебных заведений. На этих кадетских дрожжах и поднималось пышное тесто корпуса офицеров Российской императорской армии» [4].

Следующей ступенью в формировании духовно-нравственных качеств русского офицества становились *военные училища*. И если в кадетских корпусах воспитанники чувствовали себя еще детьми, пусть и затянутыми в военную форму, то в юнкерском училище быстро наступала пора взросления. Вот как вспоминает в своих мемуарах момент первого знакомства молодых юнкеров с командиром роты капитаном Никоновым бывший выпускник 1-го Военного Павловского училища генерал П.Н. Краснов: «Господа младший курс, - начал Никонов мягким баритоном, - завтра, 1-го сентября, вы будете зачислены на действительную военную службу рядовыми. Прошу понять, что это не шутка. Ваши детские годы с их шалостями окончены. Круто провинитесь, – сами на себя пеняйте – солдатом в полк, а то еще хуже бывает. До офицерских погон далеко, для них многому нужно научиться, их нужно еще и выслужить (курсив мой – С.В.). Желая вам с достоинством носить славное имя юнкера 1-го Военного Павловского училища» [5]. Каждое военное училище так же, как и кадетский корпус, имело свой неповторимый дух

и традиции, передающиеся среди юнкеров из поколения в поколение. Некоторые из таких «неписаных правил» в настоящее время были бы причислены к неуставным взаимоотношениям. Так, в элитном Николаевском кавалерийском училище существовал так называемый «щук». Юнкера младшего курса, на училищном жаргоне «сугубые звери», с момента своего прихода по строевой части поступали в полное распоряжение старшего курса, представители которого были для них ближайшим начальством. Их приказания должны были выполняться немедленно и беспрекословно. Причем каждый юнкер младшего курса должен был просить кого-либо из старшекурсников (как правило, выпускников того же кадетского корпуса) взять себя в «племянники» для обучения традициям. Один из распространенных способов «воспитания» молодежи заключался в следующем: при входе в помещение юнкера старшего курса «молодые» должны были вскакивать и принимать стойку «смирно» до разрешения сесть. Это было довольно утомительно, но подобная традиция, по мнению самих юнкеров, приучала в любом старшем видеть начальство и давала «правильное понятие о дисциплине, ибо невнимание к старшему в военной школе приучало к недостаточному вниманию к старшим вообще» [6]. В жесткой форме проводилось обучение строевой подготовке и верховой езде. Подобное отношение со стороны начальства и юнкеров старшего курса особенно приветствовалось в течение первых двух месяцев после зачисления молодого юнкера, до принятия военной присяги. Не все выдерживали подобное испытание. Часть «новобранцев», особенно из числа гражданской молодежи, писали рапорта об отчислении из училища. После принятия присяги отношение к первокурсникам несколько менялось. Как пишет в своих воспоминаниях А. Марков, «щук» хотя и продолжался, но «утратил острый характер испытания и экзамена» [7].

В казачьей сотне, обучавшейся в том же училище, существовали свои традиции, несколько отличавшиеся от юнкерских. Здесь действия «хорунжих» - казачьих юнкеров старшего курса — были направлены на воспитание и поддержание в своей молодежи «казачьей лихости и любви к боевому прошлому казачьих войск».

В другом, не менее известном в дореволюционной России 1-м Военном Павловском училище, учрежденном императором Павлом I в качестве Военно-Сиротского дома, по воспоминаниям самих юнкеров, «царил дух строгой солдатчины». Строгая, непритязатель-

ная обстановка военной казармы, некрашенный дощатый пол и голые стены с небольшими литографиями с фрагментами военных подвигов, жесткая дисциплина, требовательность командиров, иногда доходившая до придирчивости, закаляли характеры будущих офицеров. «Цуку», как форме издевательства старших над младшими, здесь не было места. В отношении нарушителей воинской дисциплины со стороны командования устанавливался настоящий террор. Вот какой пример приводит в своих воспоминаниях П.Н. Краснов: «Юнкер К. прибыл из отпуска в два часа ночи вдребезги пьяным. На другой день в приказе по училищу ему было объявлено 30 суток смешанного ареста и перевод в третий разряд по поведению. Из-под ареста юнкер К. попал в лазарет с пролежнями по телу от спанья на голых нарах и совершенно разбитый. Такой «террор» не располагал к выпивке ни внутри, ни вне училища» [8]. И все же, несмотря на серьезные воспитательные меры физического характера, наибольшая ставка в воспитании юнкеров делалась на развитие их духовно-нравственных качеств. Начиная с прислуги и заканчивая младшими и старшими командирами, к юнкерам обращались подчеркнуто-уважительно на «Вы». Вот один из примеров разговора командира роты с провинившимся юнкером:

– Что это у вас, батенька мой, орел на шапке не туда глядит и башлык не в порядке? – язвительно сказал курсовой офицер, а ...ротный командир спросил: «Где были?»

Молчание.

– Где пили?

– У товарищей... Своих воронежских... Студентов.

– Кругом, – командует курсовой офицер. – Кругом. Шатаетесь, батенька мой. Отчетливей надо... Головка кружится.

Голос ротного командира:

– Скажите фельдфебелю – пять суток ареста с исполнением служебных обязанностей за неаккуратный вид при явке из отпуска...

Тут не напьешься [9].

Выпуском из училища не заканчивалось духовно-нравственное воспитание молодых офицеров. Попадая в полк они, по сути, попадали в полковую семью, в которой многим из них приходилось служить до выхода в отставку. Каждый полк имел свои традиции и правила поведения, которые неукоснительно соблюдались.

Вместе с тем существовали и общие правила поведения для «господ офицеров», которые издавались в виде отдельных брошюр и пользовались большой популярностью. Одно из таких изданий – «Советы молодому офицеру» ротмистра В.М. Кульчицкого выдержало шесть изданий и стало настольной книгой многих молодых офицеров. Правила поведения, написанные по примеру суворовской «Науки побеждать» в виде кратких афоризмов, легко запоминались и могли служить руководством в различных жизненных и служебных ситуациях. Особенно они были полезны, как подчеркивал автор, русским офицерам – участникам Первой мировой войны, многие из которых в результате ускоренного обучения не прошли полного курса обучения в кадетских корпусах и военных училищах.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что благодаря совершенной системе обучения и воспитания в дореволюционной России формировалась мощная прослойка офицерства, являвшаяся не только основой боевой готовности армии и флота, но, по выходу в отставку, и опорой государственной власти в гражданском обществе. Многие из опыта наших предков было бы полезно перенять и при подготовке современных российских офицеров.

Библиографический список

1. Марков, А. Кадеты и юнкера [Текст]. – М.: Военное издательство, 2001. – С. 7.
2. Там же. – С. 10.
3. Там же. – С. 8.
4. Краснов, П. «Павлоны». 1-е Военное Павловское Училище полвека тому назад. Воспоминания [Текст]. – Париж: Издание Главного Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 1943. – С. 19.
5. Марков, А. Кадеты и юнкера [Текст]. – М.: Военное издательство, 2001. – С. 83.
6. Там же. – С. 84.
7. Краснов П. «Павлоны». 1-е Военное Павловское Училище полвека тому назад. Воспоминания [Текст]. – Париж: Издание Главного Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 1943. – С. 34.
8. Там же.

Военно-учебные заведения Ярославля до начала 50-х гг. XX в.: краткий исторический очерк

Элементарное общее и военное образование давал детям военных поселенцев *батальон военных кантонистов*, который располагался в Ярославле с 20-х г. XIX в. С 1859 г. на этом месте создается *училище военного ведомства*, готовившее военных писарей. Число учащихся в ней доходило до 500 человек. С 1866 г. училище было преобразовано в *военно-начальную школу*, а с 1868 - 1869 учебного года - в *военную прогимназию*, готовившую учащихся к поступлению в юнкерские училища. Срок обучения в прогимназии составлял 4 года, а число учащихся - 400 человек. В числе ее директоров был известный военный педагог, полковник Н.П. Нечаев, возглавлявший прогимназию в 1880-1885 гг. Преобразование прогимназии в военную школу было осуществлено в 1885 г. Эта *Ярославская военная школа* должна была готовить неуспевающих учащихся кадетских корпусов для дальнейшего обучения в средних специальных военно-учебных заведениях. Последний класс школы был выпущен в 1901 г.

Ярославский кадетский корпус открылся в 1895 г. путем преобразования военной школы. На обучение в него принимались в основном дети офицеров и военных чиновников в возрасте от 10 до 12 лет. С 1905 г. существовал пансион-приют, куда принимались мальчики с 8 лет, но вскоре он был закрыт. В корпусе в течение 7 лет обучались юноши от 10 до 20 лет. Организационно кадеты делились на 7 классов (14 отделений), сведенных в 3 роты. Постоянный состав включал в себя директора, инспектора классов, 3 ротных командиров, 16 офицеров-воспитателей, 10 штатных преподавателей и врача. Число кадетов составляло от 400 до 500 человек, причем почти все они обучались за казенный счет. Корпус выполнял и благотворительные функции, давая воспитание сыновьям убитых и умерших офицеров, из неполных и бедных семей и др. Основными учебными дисциплинами являлись Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, география и история. Важное место уделялось физической и начальной военной подготовке. Первый выпуск состоялся в 1902 г. Выпускники корпуса направлялись для получения среднего специального военного образования в военные училища. Традиционно значительная часть ярославских

кадетов продолжала обучение в Александровском военном училище в Москве, а также в артиллерийских и инженерных военных училищах.

Многие воспитанники Ярославской военной прогимназии, а затем военной школы и кадетского корпуса отличились в годы Первой мировой войны. По неполным данным, около 20 из них были награждены высшим военным орденом Святого Георгия, в том числе штабс-капитан В.П. Резухин, поручики В.А. Бржозовский, В.К. Кистер, подпоручики Л.Л. Коркуц, В.Н. Кох и др. По меньшей мере, пять питомцев Ярославской военной прогимназии стали генералами. Наиболее известны из них герой обороны крепости Осовец К.В. Катаев и командир бригады И.А. Добржанский. Оба генерала являлись и Георгиевскими кавалерами. Выпускник Ярославской военной школы 1900 г. М.С. Матиясевич в Первую мировую войну командовал полком, а в Красной Армии был командармом на Восточном фронте. Выпускник Ярославского кадетского корпуса 1910 г. М.В. Виктор в 1937 г. возглавлял Военно-Морские Силы РККА.

В августе 1917 г. корпус начал преобразовываться в военную гимназию, где преподавательскую и воспитательную работу должен был вести гражданский персонал. Но уже в конце того же года по решению новой власти корпус был расформирован. Многие кадеты примкнули к Белому движению, а воспитанник корпуса полковник Д.Д. Тарасевич стоял у истоков формирования белой Добровольческой армии. Директорами корпуса являлись генерал-майоры И.Ю. Добошинский (с 1895 по 1902 гг.), А.И. Калишевский (с 1902 по 1905 гг.), Н.Е. фон Борделиус (с 1905 по 1908 гг.), И.О. Латур (с 1908 по 1911 гг.), Н.Ф. Рафалович (с 1911 по 1917 гг.). Последний из них в дальнейшем преподавал в советских военно-учебных заведениях [1].

В советский период достаточно долгое время в Ярославле не было ни одного военно-учебного заведения, а на территории бывшего кадетского корпуса расквартировали воинские части. В годы Гражданской войны это был караульный батальон, а после ее завершения — 52-й Ярославский стрелковый полк. В 1935 г. в этом же комплексе зданий формируется *Ярославская военно-хозяйственная школа* (с 1937 г. — *Ярославское военно-хозяйственное* (затем интендантское) *училище*), которая располагалась в городе вплоть до эвакуации в г. Омск в декабре 1941 г. За период с 1935 по июль 1941 г. здесь было подготовлено около 4 тыс. офицеров. До сентября 1941 г. училищем

командовал генерал-майор М.Е. Михайлов, а затем до конца войны – генерал-майор В.Ф. Белов [2]. Трое выпускников училища в годы Великой Отечественной Войны стали Героями Советского Союза (А.И. Крайнов, М.А. Самарин, Г.А. Скияр), а по меньшей мере двое – генерал-майорами (Ю.В. Бубнов и А.И. Крайнов).

В мае 1941 г. из Новоград – Волынского (Житомирская область) в Ярославль было переведено местное военно-пехотное училище, вскоре переименованное в *Ярославское военно-пехотное училище*. Первоначально оно размещалось в казармах им. Нахимсона (Нахимсонских казармах) по адресу Большая Октябрьская, 67, где до этого был расквартирован химический полк. В начале 1942 г. училище перебазировалось в казармы бывшего кадетского корпуса. На новом месте оно начало работу в крайне сложных условиях Великой Отечественной войны, имея большой недокомплект командного и преподавательского состава, а также ограниченную материальную базу. Вместо существовавшего ранее двухгодичного срока обучения училище перешло с июля 1941 г. на шестимесячный срок. Кроме ускоренной подготовки курсантов, получавших по выпуску звания младшего лейтенанта или лейтенанта в зависимости от успеваемости, в училище готовили на двухнедельных курсах политбойцов. На эти курсы набирались наиболее сознательные красноармейцы, направлявшиеся после завершения обучения на самые сложные участки фронта. Не сдавшие выпускные испытания (экзамены) курсанты получали, как правило, сержантские звания и направлялись в строевые части. Кроме того, вплоть до 1943 г. целые курсантские роты и батальоны отправлялись на наиболее сложные участки фронта, где курсанты сражались в качестве сержантов и рядовых. Осенью 1943 г. при училище были открыты трех-четырёхмесячные курсы переподготовки офицеров, которые не имели военного образования. Из трех довоенных циклов дисциплин: общеобразовательного, социально-экономического и военного – первый был фактически упразднен, а второй сведен до минимума. По существу, курсантам преподавались только основные военные дисциплины: тактика, огневая подготовка, материальная часть оружия, строевая подготовка, рукопашный бой, воинские уставы, инженерное дело, связь, химическое дело. Училище было четырехбатальонного состава, а число учащихся доходило до 2500 человек, при этом отдельные выпуски превышали 1300 офицеров. Таким образом, уже к концу 1942 г. училище окончили почти

5 тыс. офицеров и 4 тыс. политбойцов, а почти 3 тыс. курсантов были досрочно отправлены на фронт рядовыми и сержантами. При этом учащиеся выполняли большой объем хозяйственных работ в Ярославле, а курсантские подразделения являлись резервом командования Московского военного округа.

В 1943 г. ситуация стала меняться к лучшему. К концу этого года срок обучения был увеличен до 12 месяцев, а число фронтовиков среди курсантов и командного состава доходило соответственно до 75% и 80%. 2 июня 1943 г. училищу было присвоено имя генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова (1899-1943 гг.). Генерал был уроженцем Ярославской губернии, командармом и умер в мае 1943 г. К концу этого года учебные программы стабилизировались, а требования к выпускникам повысились. Большинство из них выпускались младшими лейтенантами. Число курсантов уменьшилось до 1500 человек. Наконец, в 1945 г. училище перешло на двухлетний срок обучения, что соответствовало довоенному стандарту. Осенью того же года училище было переведено по прежнему месту дислокации в Нахимсонские казармы. Всего за годы Великой Отечественной войны в Ярославском военно-пехотном училище было подготовлено более 7 тыс. офицеров, 4 тыс. политбойцов, более 5,5 тыс. курсантов было отправлено на фронт рядовыми и сержантами. Кроме того, более 1,5 тыс. офицеров-слушателей прошли училищный курс обучения. Большинство выпускников на фронте показали себя с самой лучшей стороны. По оценочным данным, они водили в бой до 300 тыс. человек. 6 выпускников стали Героями Советского Союза. Это майоры В.В. Альбетков, С.А. Самков, старшие лейтенанты К.Г. Смирнов и Л.С. Черкас, лейтенанты В.С. Симон и А.А. Философов. Старшина Т.В. Шурпенко, проходивший обучение в училище в 1943 г., также получил это высокое звание. Ряд курсантов поступили в училище, уже имея Золотую Звезду Героя (П.А. Елисов, В.Д. Евдокимов и др.) [3].

В августе 1946 г. училище перешло на трехлетний срок обучения и двухбатальонный состав. До 1957 г. оно продолжало готовить офицеров, а число выпускников за послевоенный период превысило 2 тыс. человек. Следовательно, в период нахождения в Ярославле в 1941-1957 гг. военно-пехотное училище подготовило около 10 тыс. офицеров, не считая прошедших переподготовку и другие формы обучения. Среди них были не только десятки старших офицеров и генералов, но и член Союза писателей СССР В.А. Рыбин,

видные специалисты в области стрелкового оружия Л.С. Черкас и А.И. Шульга и др.

Начальниками Ярославского военно-пехотного училища были полковники И.Н. Макаров (до июня 1941 г.), Г.П. Лиленков (с июня по июль 1941 г.), Д.И. Голубев (с 1941 по 1943 гг.), генерал-майор П.А. Еремин (с января по август 1943 гг.), полковник М.В. Виноградов (с 1943 по 1944 гг.), генерал-майор П.Г. Бородкин (с 1944 по 1945 гг.), полковник Н.А. Барнашев (с сентября по декабрь 1945 г.), генерал-майор М.С. Младенцев (с 1945 по 1954 гг.). Наиболее примечательными руководителями училища являлись генерал-майоры П.А. Еремин и С.И. Младенцев. Первый из них, П.А. Еремин (1897- после 1945 гг.), еще в 1916 г. окончил военное училище, а в 1929 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны он командовал сначала полком, а затем стрелковой дивизией, был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Училище он возглавил после тяжелого ранения на фронте. В сентябре 1943 г. П.А. Еремин был переведен из Ярославля начальником Харьковского суворовского военного училища. С.И. Младенцев (1900-1969гг.) был участником Гражданской войны, а после нее дважды прошел обучение на Курсах усовершенствования командного состава. В 1940 г. майор С.И. Младенцев получил звание Героя Советского Союза за умелое командование полком при прорыве линии Маннергейма в ходе войны с Финляндией. После этого он был назначен начальником Московского пехотного училища, вместе с которым участвовал в боях за Москву с октября 1941 г., а затем был назначен командиром соединения. В числе его боевых наград было два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды [4].

В годы Великой Отечественной войны в Ярославле находилась еще целый ряд военно-учебных заведений. Это, прежде всего, *2-е Пулеметно-минометное училище*, начавшее работу в марте 1942 г. и расформированное в сентябре 1945 г. Вскоре оно переименовывается в *Ярославское пулеметно-минометное* (с июня 1943 г. – стрелково-минометное) *училище*. С апреля 1945 г. до своего расформирования оно именовалось 2-м Ярославским военно-пехотным училищем. Располагалось оно в Нахимсонских казармах, из которых накануне было выведено Ярославское военно-пехотное училище. Первоначально оно имело пятибатальонный состав (2 минометных и

3 пулеметных батальона), а срок обучения составлял 5,5 месяцев. Одновременно в нем обучалось до 2500 человек. Уже в 1942 г. из училища было выпущено 1967 офицеров, а 500 курсантов были направлены на фронт рядовыми. В июле 1943 г. число курсантских батальонов уменьшилось до трех, а в июне 1944 г. — до двух батальонов. С июня 1943 г. училище перешло на годичный срок обучения, но его работу усложняла постоянная отправка целых курсантских рот и батальонов на фронт в качестве ударных воинских частей. Всего за 1943 г. в качестве рядовых и сержантов на фронт было отправлено 2650 курсантов, тогда как выпуск офицеров составил всего 659 человек. Только в 1944 г. работа училища вошла в нормальное русло. Всего за годы своей работы в нем было подготовлено около 4 тыс. офицеров и более 3100 курсантов были досрочно направлены на фронт. Из-за того, что работа училища начиналась практически с нуля, в его деятельности было немало трудностей. Командованием оно рассматривалось как резерв обученных рядовых и сержантов, готовых к немедленному откомандированию на самые тяжелые участки фронта. Но все трудности были преодолены, а выпускники училища достойно показали себя на фронте. Среди них был будущий генерал-лейтенант Н.А. Неелов, ставший в 70-х гг. XX в. заместителем командующего войсками Московского военного округа по вузам и боевой подготовке. В училище учился Герой Советского Союза Н.И. Шкулипа. Начальниками училища были полковники Г.И. Мажурин (с марта по октябрь 1942 г.), И.И. Муров (с 1942 по 1943 гг.), генерал-майор И.П. Репин (с 1943 по 1945 гг.). Примечательно, что И.И. Муров (1902-после 1945 гг.) еще в годы Гражданской войны получил орден Красного Знамени, а второй такой же орден получил уже за участие в Великой Отечественной войне [5].

С декабря 1941 по август 1944 гг. в Ярославле находилось эвакуированное из Ленинграда *Высшее инженерно-техническое училище ВМФ*. Оно готовило элиту инженеров флота, а срок обучения в нем составлял 5,5 лет. С началом войны срок обучения сократился до трех лет, а краткосрочные курсы при училище стали годовыми. В Ярославле оно располагалось в бывшей Пироговской школе, ныне на пересечении улиц Кирова и Андропова, где сейчас находится один из корпусов Ярославского государственного университета. Училищу также было отведено здание флотского экипажа на набережной Которосли и корпус бывшего автомобильного техникума.

Среди преподавателей училища, эвакуированных в Ярославль, было более 10 профессоров, в том числе начальник кафедры математики, подполковник Л.В. Канторович (1912-1986). Это был выдающийся советский математик и экономист, ставший первым и единственным отечественным лауреатом Нобелевской премии по экономике (1975 г.). В Ярославле было проведено три выпуска, давших в целом несколько сотен офицеров. Стажировку курсанты проходили на предприятиях Ярославля. Почти весь первый и второй курсы в августе 1942 г. были отправлены для краткосрочного обучения в Ленинградское военно-инженерное училище, которое тогда находилось в Костроме, а в мае 1943 г. они были направлены на фронт. Среди них оказались И.И. Дмитриев и М.А. Малиев, ставшие Героями Советского Союза. В Ярославле завершили обучение будущие известные инженеры и педагоги генерал-лейтенант Н.К. Макеко, полковники С.М. Бельшев, А.И. Калаев, Ю.Н. Щербаков и др. В период войны в училище обучалась единственная девушка-курсант Е.Д. Карбышева, дочь известного военного инженера, генерал-лейтенанта Д.М. Карбышева. Училищем командовали полковники-инженеры С.К. Михайлов (до августа 1942 г.) и Ф.Я. Бугров (с августа 1942 г. до конца войны) [6].

С февраля 1943 по июнь 1945 гг. в Ярославле располагалось *Ленинградское училище военных сообщений им. М.В. Фрунзе*. Оно размещалось на ул. Свободы в зданиях Казарм, в которых позднее находилось железнодорожное военное училище и железнодорожный полк. Курсанты этого училища принимали активное участие в хозяйственной жизни Ярославля. В районе Красного Перекопа они построили двухкилометровую узкоколейку, а затем отдельную семикилометровую ветку в районе станции Всполье с семью железнодорожными мостами. На них легла основная тяжесть нейтрализации неразорвавшихся немецких авиабомб, сброшенных на город. Осенью 1944 г. курсанты училища принимали активное участие в обустройстве набережной Волги в районе Стрелки. Всего в 1943-1945 гг. училище окончили более 3 тыс. офицеров, среди которых Герой Советского Союза И.Ф. Корольков, Герои Социалистического Труда М.В. Анников, И.Е. Бизюкин, И.П. Гарковенко, Н.Ф. Грицаенко, М.Н. Дегтярев, Н.Ф. Жуков, П.М. Ковальский, И.Я. Сук. Весь период нахождения училища в Ярославле его начальником был генерал-майор Г.П. Гапоненко [7].

Практически на протяжении всего периода Великой Отечественной войны в Ярославле функционировали *Интендантские курсы МВО*, готовившие руководящий состав для тыловых служб.

Таким образом, с начала 1946 г. в Ярославле на достаточно длительный срок осталось только Ярославское военно-пехотное училище. Остальные военно-учебные заведения были либо расформированы, либо вернулись к прежнему месту дислокации. В 1951-1956 гг. в здании Казарм на ул. Свободы функционировало *Военное железнодорожное училище*. В 1945-1951 гг. на месте бывшего кадетского корпуса действовало *Ярославское военно-политическое училище им. В.И. Ленина*. Наконец, в 50-х гг. XX в. начинается собственно история двух и ныне расположенных в Ярославле высших военно-учебных заведений. Но это уже другая страница истории.

Библиографический список

1. См.: Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1634. – Оп. 1. – Д. 7,28,48,56-60,246,394,427 и др.
2. См.: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 33. – Оп. 11452. – Д. 41. – Л. 147-158.
3. См.: ЦАМО. – Ф.60105. – Оп.35203. – Д.1-12, 26. – Оп.35204. – Д.12.
4. См. подробнее: Лупшиков, А.М. Ярославское военное пехотное училище в годы Великой Отечественной войны (Исторический очерк училища) [Текст]. – Ярославль, 1989.
5. См.: ЦАМО. – Ф.60106. – Оп.35203. – Д.4; – Оп.35205. – Д.3, 23-25.
6. См.: Баранов, Н.П. Высшее военное инженерно-техническое Краснознаменное училище (Исторический очерк). 1939-1964 гг. [Текст]. – Л., 1964. – С.7-73.
7. См.: ЦАМО. – Ф.60290. – Оп.35617. – Д.29, 37; – Оп.35618. – Д.64, 80; – Оп. 71599. – Д.1.

© А.Р. Хаиров

Становление оборонной промышленности в 20-е годы

Учитывая исторический опыт, в том числе Парижской коммуны, большевики считали, что конец их режима может наступить в результате внешней агрессии. В силу указанных причин и исходя из опыта Гражданской войны партия считала защиту СССР и укрепление ее обороны своим важным делом. Поэтому развитие оборонной промышленности стало одним из приоритетных направлений в по-

литике партии. На это указывают многочисленные решения и постановления партийных органов. Так, проходивший в сентябре 1927 г. XV съезд ВКП (б) указал на необходимость укрепления обороноспособности СССР, что было учтено в директивах по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Большое значение для развития оборонной промышленности имело постановление ЦК ВКП (б) "О состоянии обороны СССР" от 15 июля 1929 г., в котором ставились задачи скорейшего выпуска новых типов самолетов и моторов, разработки и производства современных типов артиллерии, требовалось в короткий срок добиться создания и внедрения в армии современных типов танков и бронемашин.

В целом за годы мирного строительства в стране сложился оборонный комплекс (существенно отличавшийся от военно-промышленного комплекса капиталистического типа). Главным распорядителем выступал СТО. Основным потребителем были армия и флот. Производителем стала государственная промышленность, которую обслуживала военная наука. Всю эту конструкцию цементировала, контролировала и направляла Коммунистическая партия. Она определяла цели и задачи деятельности страны в интересах общества и государства, исходя из них, определяла основные направления работы и конкретные планы и задания, а через членов партии претворяла их в жизнь и контролировала исполнение. В организационном плане это выглядело так. В народном комиссариате военных и морских сил (разделившемся позднее на наркомат обороны и наркомат военно-морских сил) действовали управления (позднее главные управления) по видам вооруженных сил: артиллерийское управление (АУ), военно-химическое управление, управление военно-воздушных сил (УВВС), управление мото-механизации (УММ), военно-техническое управление, управление снабжения. Они определяли виды боевой техники, боеприпасов, снаряжения, необходимых войскам, одновременно испытывали их на полигонах, хранили на складах и ремонтировали на своих базах и в мастерских. В начале всем производством ведал высший совет народного хозяйства (ВСНХ), в который входили главки, такие как Главное военно-промышленное управление, Главметалл и др. Им подчинялись тресты (ЦУГАЗ, авиатрест, снарядный трест и др.), объединявшие конкретные предприятия: Ярославский автозавод, Ковровский пулеметный завод, Рыбинский моторостроительный завод, Ярославская су-

доверфь и др. Например, в Военно-Промышленное Управление входили такие тресты, как орудийно-арсенальный, оружейно-пулеметный, военно-химический, патронно-трубочный и др. [1]. Позднее на базе ВСНХ стали образовываться промышленные наркоматы, которые и объединили все производство с его дальнейшей специализацией. Прежде всего, это был народный комиссариат тяжелой промышленности, к которому перешли соответствующие главки и тресты. Военизированная наука обслуживала комплекс, разрабатывая и проверяя новые виды вооружений и боеприпасов. Основными научными заведениями были специализированные научно-исследовательские институты, такие как Центральный научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт (НАМИ) и Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), а также такие лаборатории и научные группы, как ГИРД (группа исследования реактивного движения, положившая начало созданию ракетной техники), на предприятиях работали конструкторские бюро (КБ) и конструкторские цеха. Зародилась вся эта система в 20-е годы, а становление ее произошло уже в 30-е.

В конце гражданской войны Ковровский пулеметный завод выпустил последнюю (четвертую) из заказанных партию автоматов. Встал вопрос о его консервации. Постановлением ЦПАЗ от 13 июля 1921 г. заводское правление было распущено, управление предприятием стало централизованным (управляющим назначили А.М. Бурухина, техническим директором Н.И. Жукова). Изобретатель отечественного автомата В.Г. Федоров полностью переключился на конструирование оружия, оставаясь лишь главным консультантом завода. В октябре 1921 г. положение с финансированием и снабжением настолько осложнилось, что встал вопрос о временном закрытии предприятия. Но было признано, что пулеметное и подобное производство очень важно для вооружения Красной Армии, а потому и перспективно с точки зрения его дальнейшего развития и улучшения. Завод сохранили. До октября 1925 г. здесь изготовили автоматов и пулеметов Федорова 3200 шт. Одновременно велись работы по созданию новых образцов стрелкового вооружения. Мощности Ковровского предприятия стали явно недостаточны, поэтому началось строительство и оборудование новых корпусов и реконструкция старых, продолжавшиеся до середины второй пятилетки [2].

Задача оборонного комплекса - не только вооружить армию, но и разрабатывать новые виды оружия и боеприпасов. Поэтому его непременной составной частью изначально являлись профильные научные учреждения и конструкторские бюро, как правило, при самих заводах. Так, еще в июле 1921 г. Главное управление военной промышленности рекомендовало создать на Ковровском заводе отдел новых конструкций во главе с В.Г. Федоровым. В итоге на базе образцовой мастерской здесь было организовано первое в стране Проектно-конструкторское бюро стрелковой автоматики (ПКБ). В него входили чертежная для разработки проектов и опытная мастерская для изготовления и отладки экспериментальных образцов. Здесь под руководством В.Г.Федорова и В.А. Дегтярева трудились слесари-экспериментаторы Г.С. Шпагин, С.Г. Симонов, А.И. Кузнецов и др.

Бюро приступило к созданию новых образцов стрелкового оружия. В мае 1922 г. на базе Федоровского автомата было создано несколько ручных пулеметов, в том числе первый в стране 6,5-мм авиационный пулемет с "магазином" на 25 патронов. В следующем году появился спаренный авиационный пулемет. В январе 1925 г. артиллерийский комитет принял уже разработанный в ПКБ танковый пулемет. В октябре 1924 г. состоялись первые испытания трех пулеметов системы В.А. Дегтярева. Комиссия во главе с С.М. Буденным дала им высокую оценку. Летом 1927 г. на вооружение армии был принят 7,62-мм ручной пулемет системы Дегтярева (ДП), а на его базе созданы авиационные (ДА и ДА-2) и танковый (ДТ) пулеметы. В.Г. Федорова отозвали в Москву для работы в Артиллерийском комитете и академии имени Дзержинского, а во главе ПКБ остался В.А. Дегтярев.

Вскоре Ковровский завод превратился в крупное головное оборонное предприятие. Еще в ноябре 1927 г. военная приемка получила от него первые 10 ручных пулеметов Дегтярева из первой партии в 100 штук. А уже в начале 1928 г. была принята вся партия, и завод стал быстро наращивать снабжение армии пулеметами ДП. В 1928 г. его уже именовали Инструментальным заводом № 2 (ИНЗ-2). Предприятие выполнило заказ на 2500 пулеметов.

Другие предприятия перешли на выпуск гражданских изделий при сохранении определенного потенциала для оборонного производства. Ярославская судостроительная верфь стала делать гражданские суда на заказ, хотя по-прежнему подчинялась Главному

управлению военной промышленности (ГУВП). Она освоила производство речных катеров, и эта специализация сохранилась за ней и в годы Отечественной войны, когда ярославские катера играли уникальную роль в речных военных операциях. Началась и реконструкция верфи: в марте 1923 г. собрание коллектива с участием представителей ГУВП одобрило план ее завершения. В конце 1924 г. на правах самостоятельного предприятия верфь перешла в подчинение ВСНХ. Но работы по развитию и реконструкции этого важного оборонного предприятия не прекращались [3].

Подобное происходило и с другими металлообрабатывающими предприятиями. После окончания войны и ликвидации Северного фронта встал вопрос о ликвидации завода Якобсона и Лифшица. Но его сохранили, объединив с гвоздильным заводом (бывшим заводом Гроссмана). Так на их основе 25 ноября 1921 г. в Ярославле возник Механический комбинат, специализировавшийся на производстве паровых машин, станков, лебедок и пр. В 1925 г. комбинат стал называться "Пролетарская Свобода" [4]. Летом 1921 г. транспортная комиссия Совета труда и обороны (СТО) ознакомилась с производством и состоянием заводских сооружений Рыбинского "Феникса". Завод оставался недостроенным и недооборудованным, поэтому 1 января 1922 г. "Феникс" был поставлен на консервацию. Затем он стал производить изделия для области, в 1925 г. объединился с другим рыбинским заводом ("Металлист") и приобрел новую специализацию [5]. Но его техническая база имела хорошую возможность целевого назначения для нужд обороны, что и было реализовано впоследствии. В ходе индустриализации многие небольшие металлообрабатывающие предприятия были реконструированы в крупные машиностроительные заводы, ставшие мощным резервом и составной частью оборонного комплекса.

В 1921 г. встал вопрос о будущем ярославских автомобильных заводов. В апреле в государственный автомобильный трест (ЦУГАЗ) входили 5 автозаводов, в том числе 3-й государственный (бывший "Русский Рено") в Рыбинске и 1-й Ярославский авторемонтный завод (бывший В.А. Лебедева). Заводы оставались небольшими: на рыбинском работали 360 человек и двигатель в 400 л.с., на ярославском - 487 человек и 3 двигателя в 700 л.с. [6]. 5 мая 1924 г. была изготовлена первая автомашина, но запас запчастей быстро заканчивался. В апреле 1926 г. на Ярославском заводе отремонтиро-

вали последний автомобиль. Вскоре оборудование "Русского Рено" передали на хранение на артсклад, а вопрос о судьбе самого завода решался в Рыбинском и Ярославском исполкомах. В 1925 г. в Рыбинск прибыла специальная комиссия во главе с В.Н. Павловым - председателем правления авиатреста. Последовало специальное письмо заводчан на имя председателя ВСНХ Ф.Э. Держинского, и судьба предприятия была решена окончательно. Рыбинский "Русский Рено" решили переключить на производство авиационных моторов. Со склада вернули оборудование, прибыли новые специалисты, в том числе новый директор И.С. Михайлов. Быстро смонтировали инструментальный, частично - литейный и механические цеха, начали поступать новые станки. Через четыре года завод дал стране первый авиамотор.

С 1923 г. решением Госплана и СТО Ярославский автозавод переоборудовался под выпуск грузовиков. 6 ноября 1925 г. из заводских ворот вышли первые две ярославские "трехтонки" Я-3. Производство расширялось: за 1926-1927 г. выпуск достиг уже 80 машин, в 1928 - 120. Развивалось и судостроение. На верфи вошел в строй новый элинг, рассчитанный на одновременную постройку 10 катеров. Это дало возможность довести ежегодное производство до 80 судов, хотя ее реализовали только через несколько лет. Заботились о производстве не только центральные, но и местные власти: например, 16 марта 1925 г. Ярославский губсовнархоз особо рассматривал вопрос о расширении мотосудоверфи и принял перспективные решения [7].

Советские военачальники предсказывали, что будущая война будет войной моторов, что собственно и произошло, поэтому развитию машиностроения уделялось первостепенное внимание. Решению этой проблемы, помимо других, служила индустриализация страны. В выступлении на XV съезде ВКП (б) нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов сказал: "Помимо пятилетки по хозяйственному строительству мы имеем пятилетний план строительства Вооруженных Сил. План этот предусматривает, прежде всего и главным образом, всемерное усиление технических средств Красной Армии" [8]. И далее: "Пятилетний план народного хозяйства должен исходить из неизбежности вооруженного нападения на СССР и, следовательно, из необходимости в меру материальных ресурсов организации такой обороны Советского Союза, которая обеспечивала бы победоносный отпор объединенным силам наших вероятных против-

ников. Индустриализация страны предопределяет обороноспособность СССР" [9].

В усиление технической оснащенности армии вносили свой вклад предприятия Верхнего Поволжья. Для их укрепления в первый год пятилетки была создана Ивановская промышленная область в составе Ярославской, Костромской и бывшей Иваново-Вознесенской областей. Это позволило объединить перспективные в экономическом отношении верхневолжские административные структуры с целью концентрации их капитальных вложений и наращивания темпов промышленного развития. Так, по крайней мере, объяснялись мотивы проведенного преобразования. Здесь была развита легкая промышленность - крупные текстильные предприятия, переработка продуктов сельского хозяйства. Ярославская и Владимирская области имели к тому же довольно мощные металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия. Теперь усиливалась возможность перераспределения накоплений, создаваемых в легкой промышленности, где происходил быстрый оборот капитала, и направить их на развитие отраслей тяжелой промышленности. Успех такого подхода можно видеть на частном примере Рыбинского района. Если вначале по размерам промышленности он занимал последнее место в Ивановской промышленной области, то в конце первой пятилетки положение в корне изменилось. Сумма вложений в его промышленное строительство возросла до 150 млн. руб., что со временем вывело его на третье место в Верхневолжье.

На ускорение развития оборонной промышленности повлиял ряд обстоятельств. Конфликт на КВЖД в 1929 г. показал реальность военной угрозы. 15 июля ЦК ВКП (б) принял постановление "О состоянии обороны СССР", в котором говорилось, что уровень развития военной промышленности не позволил в достаточном количестве обеспечить армию новейшей боевой техникой [10]. Соответственно был скорректирован пятилетний план развития авиационной промышленности [11]. В соответствии с ним развернулось строительство новых и совершенствование старых авиационных и авиадвигательных заводов. Это, конечно, затронуло и Рыбинский машиностроительный завод. Но не только.

В довоенные пятилетки новое капитальное строительство и реконструкция старых предприятий тяжелой промышленности велись повсеместно и широким фронтом. В Костроме машиностроительный

завод "Рабочий металлист" (бывший "Пло") начал выпускать дорожные машины и экскаваторы. Ковровские железнодорожные мастерские превратились в экскаваторный завод. В Рыбинске Железнодорожные мастерские стали крупным заводом дорожных машин, а механический завод "Феникс" превратился в современный завод полиграфических машин. В Ярославле развернулся Тормозной завод (на базе эвакуированного в гражданскую войну из Петрограда завода "Вестингауз"). Ярославские железнодорожные мастерские стали крупным паровозоремонтным предприятием [12], а Урочские железнодорожные мастерские превратились в Урочский вагоноремонтный завод.

В 1928 г. в Ярославле появилась мостобаза, ставшая впоследствии заводом металлических изделий № 50. В 1932 г. начал снабжать электромоторами страну Ярославский электромашиностроительный завод (концессия с фирмой АСЕА была расторгнута, и предприятие стало государственным) [13]. Ярославль гордился мощным резиноасбестовым комбинатом. Еще бы: и первый в мире стал производить собственный каучук, избавившись от зависимости в импорте [14], и начал делать свои шины для автомобилей и самолетов [15]. Шинный "обувал" артиллерию, бронев автомобили, самолеты, делал обрешиненные детали для танков и многое другое. В состав комбината входил и механический завод [16] со своим металлообрабатывающим производством, которое в годы войны выпускало снаряды.

В Костроме заявил о себе завод автокранного оборудования им. Л.Б. Красина. В годы войны он не только делал боеприпасы, но и обслуживал нужды резиновой промышленности. Был реконструирован Кольчугинский 1-й государственный завод по обработке цветных металлов им. Орджоникидзе [17]. В Коврове реконструировали топочный завод. Вступил в строй Ивановский завод торфяных машин, на Ивановском заводе текстильного машиностроения построили литейный цех [18]. Становился гигантским Ярославский автомобильный завод, для которого выпускал приборы Владимирский завод "Автоприбор". Здесь же развернул работу завод прецизионного оборудования [19], а в Иванове вступил в эксплуатацию электромеханический завод.

Бурно развивалась химическая промышленность. Расширили производство Владимирский, Ивановский (им. П.С. Батурина), Кинешемский (им. М.В. Фрунзе) химические заводы, а также Константиновский нефтеперегонный завод в Тутаеве. Увеличил производст-

во Ярославский лакокрасочный завод "Победа рабочих" [20]. Увеличили производство электроэнергии Ивановская и Ярославская ГРЭС. Но электричества столь крупному промышленному региону явно не хватало, поэтому началось строительство Рыбинского водохранилища, Угличской и Рыбинской ГЭС [21]. Для обеспечения их необходимыми механизмами возвели механический завод Гидростроя [22] (строительство вел НКВД, для чего был создан Волголаг).

Вот такими предприятиями была представлена тяжелая, химическая и энергетическая промышленность региона. Она служила прочной базой всех оборонных производств, и забота о них стала первоочередной задачей. Хотя не было отдельных крупных заводов по созданию танков, самолетов и тяжелой артиллерии, но на предприятиях региона делались для них все необходимые компоненты. Для авиации производились авиамоторы, авиационные пушки, пулеметы, боеприпасы к ним, шины и камеры, авиационная смазка, лаки, грунты, эмали, матерчатые и деревянные части, резина для прокладки бензобаков, разные приборы. Для танков изготавливались электромоторы, прорезиненные катки, траки, пулеметы, запчасти к моторам, краска. Без таких и подобных компонентов не могла бы действовать никакая военная техника.

Большую роль в создании оборонной промышленности играл наркомат тяжелой промышленности. В его состав входили Главметалл, Главмашстрой, Главэлектро, Главное управление авиационной промышленности (ГУАП), Главное управление судостроительной промышленности, Главное военно-мобилизационное управление (ГВМУ), контролировавшее производство боеприпасов, главное управление химической промышленности. Главкам подчинялись тресты: Гомза (Центральное правление государственных машиностроительных заводов), авиатрест, производивший самолеты, орудейно-арсенальный трест, снарядный трест, Спецмашстрой, делавший танки и бронетехнику, военно-химический трест, изготавливавший боевые отравляющие вещества и противогазы, и т.д. Военное производство с самого начала было теснейшим образом связано с тяжелой индустрией. Концентрация ее заводов в рамках одного наркомата позволила осуществить широкую кооперацию и разумную специализацию в зависимости от наличия трудовых ресурсов и технической оснащенности. Многие запчасти и составляющие военной

техники производились на гражданских предприятиях, имевших необходимые сырье, оборудование и специалистов.

Это помогало концентрировать материальные и людские ресурсы на ударных производствах, перераспределять и маневрировать средствами в зависимости от необходимости и дефицита. Подчинение одному наркомату освобождало от излишней бюрократической переписки, помогало оперативно получать сырье и денежные средства, размещать оборонные заказы на гражданских предприятиях безотносительно их выгодности, переводить заводы на спецпроизводство и осуществлять быструю мобилизацию экономики. Задания на военную продукцию размещались как разовые спецзадания, а также на постоянной основе, для чего создавались спеццеха и спецпроизводства. Это опять-таки способствовало быстрой мобилизации заводов для военных нужд.

Тесная кооперация и взаимопроникновение производств сохранились и в дальнейшем. Танки делались, например, на тракторных заводах, на одних и тех же предприятиях выпускались боевые и гражданские самолеты и корабли. Военные заводы изготавливали ширпотреб. Так, заводы стрелкового оружия делали мотоциклы, а химические предприятия выпускали компоненты для взрывчатых веществ. Такое изначальное соседство и связи в рамках единого наркомата позволило безотносительно к ведомственной принадлежности выполнить общую задачу. Наркомат тяжелой промышленности разукрупнили позднее: из него выделились наркоматы оборонной, машиностроительной и собственно наркомат тяжелой промышленности. Они, в свою очередь, тоже разделились на наркоматы (ими стали бывшие главки).

Так появились наркоматы авиационной (НКАП) и судостроительной (НКСП) промышленности, наркоматы вооружения (НКВ) и боеприпасов (НКБ), наркоматы тяжелого (НКТП), общего (НКОМ) и среднего (КНСМ) машиностроения, наркоматы химической (НКХП) и резиновой (НКРП) промышленности. Но их заводы по-прежнему выполняли заказы друг друга, а в случае необходимости целые предприятия передавали в другое подчинение или на базе старых создавали новые наркоматы. Так, в годы войны на базе наркоматов машиностроения были созданы наркоматы танкового и минометного вооружения. В результате столь тесного переплетения военного и гражданского производств весьма трудно выделить чисто

военные, узко специализированные заводы и потому в едином оборонном комплексе практически следует рассматривать всю тяжелую промышленность, делавшую военную технику и боеприпасы полностью или в наборе их комплектующих.

Важнейшим оборонным предприятием региона стал Рыбинский машиностроительный завод № 26 (бывший "Русский Рено"). [23] Его реконструкция проходила в 1928 г. [24] и в основном завершилась к 12-й годовщине Октября. [25] Она велась без остановки завода, а его дальнейшее расширение, капитальное строительство новых цехов, испытательной станции, лаборатории и прочего продолжалось на протяжении всего существования предприятия. Но реконструкция 1928 г. выделялась особо, ибо в ее результате фактически появился совершенно новый завод передовой технологии, поэтому в докладе Рыбинского совета 23 октября 1936 г. он назван ведущей новостройкой города. Большое значение заводу придавало и высшее руководство страны. Прежде всего, это было связано с мотором М-17. СССР долгое время не имел надежных авиамоторов, пригодных для производства серийных самолетов. Их закупали за рубежом: в 1925 г. у немецкой фирмы "БМВ" было куплено 160 моторов, 200 - у французской "Лорен - Дитрих", столько же продала нам Англия [26]. У германской "БМВ" была куплена и лицензия на производство моторов БМВ-6 (мощностью 500 и 680 л.с.), а позднее - на производство БМВ-7,2 (мощностью 700 л.с.). Вместе с лицензиями приобретались чертежи, технология, необходимое оборудование, запчасти, фирма обучала наших специалистов. Лицензионные моторы БМВ-6, получившие у нас номер М-17, как раз и производились на Рыбинском заводе. В 1928-1929 гг. приемщиком моторов из Германии был Б.С. Хухарев, ставший начальником отдела качества продукции на заводе № 26 [27]. Первые 10 моторов этой серии были собраны в октябре 1928 г.

Не все, конечно, проходило гладко. Для налаживания производства на завод привлекали старые опытные кадры. На заводе работали В.Е. Фохт - старый специалист в области оборонной промышленности, М.В. Ходушин, И.О. Безродный, Н.П. Бердов и Б.М. Тырычев - бывшие офицеры прежней армии, успешно осуществлявшие руководящую роль [28]. Но кадровый дефицит ощущался всюду, ибо к началу 1929 г. на предприятиях Ярославской области доля инженеров и техников к общему числу работавших немногим превышала

1%, причем лишь четверть из них имели высшее образование [29]. Примечательно другое - большинство директоров Рыбинского машиностроительного завода имело высшее образование, в то время как еще к началу 1930 г. свыше 90% директоров других предприятий города имели только низшее образование. Так, И.С. Михайлов окончил Промакадемию, И.И. Побережский и С.П. Абрамов закончили Военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, В.П. Баландин - выпускник Московского института инженеров транспорта, А.А. Завитаев - Киевского политехнического института, П.Д. Лаврентьев - Харьковского технологического, А.И. Карлик - института им. Я.М. Свердлова [30].

Примечания

1. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина [Текст]: документы высших органов партийной и государственной власти. - М., 2003. - С. 161
2. Подробнее об этом см.: Шабалин, А.П., Григорьев, В.А. Революцией признанный [Текст]: очерки истории Ковровского орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени завода им. Дегтярева. - Ярославль, 1977.
3. Подробнее см.: Беляков, Ю., Макаров, А. Корабли уходят в море [Текст]: очерки истории Ярославского судостроительного завода. - Ярославль, 1979.
4. О его становлении см.: Козлов, А.Д., Стерин, М.И., Суворов, Ю.И. Заводу "Пролетарская Свобода" 100 лет [Текст]. - Ярославль, 1981.
5. Об истории завода см.: Забелин, Б.А., Забелина, Т.А. Этапы большого пути [Текст]: очерки истории Рыбинского завода полиграфических машин. - Ярославль, 1982.
6. Справочник и адресная книга "Вся Россия" на 1923 г. [Текст]. - М., 1922. - С. 387.
7. ГАЯО. - Ф.Р-372. - Оп.1. - Д.1261. - Л.42.
8. Пятнадцатый съезд ВКП (б) [Текст]: стенографический отчет. Т.2 - М., 1962. - С. 991.
9. Там же. - С. 993.
10. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. Бобылев П.Н., Бокарев В.П., Липицкий С.В., Мониин М.Е. - М., 1987. - С. 137.
11. Советская военная энциклопедия [Текст]. Т.1 - С.28.
12. См. Завод - наша гордость. Ярославский электровозоремонтный завод имени Бещева [Текст]. - Ярославль, 1987.

13. Подробнее см.: Беляков, Ю.П. Время больших свершений [Текст]: очерки истории Ярославского электромашиностроительного завода. – Ярославль, 1981.
14. См.: Митькова, Т.Н. Первенец СК. Из истории Ярославского завода синтетического каучука [Текст]. – Ярославль, 1965; Макаров, А.И. Полвека ярославскому каучуку [Текст]. – Ярославль, 1982.
15. См.: Зимин, И.А., Кузьмин, В.В. Ярославскому ордена Ленина шинному заводу 25 лет. 1932-1957 [Текст]. – Ярославль, 1957.; Флягин, Р.А. Ярославскому шинному - 50 лет. 1932-1982 [Текст]. – Ярославль, 1982.
16. См.: Мы с "Полимермаша" [Текст]: очерки истории Ярославского завода полимерного машиностроения. – Ярославль, 1981.
17. См.: Индустриальное развитие Центрального промышленного района. 1926-1932 г. [Текст]. – М., 1969.
18. См.: Индустриальное развитие Ивановской области. 1926-1941 [Текст]: сборник документов и материалов. – Ярославль, 1976.
19. См.: Очерки истории Владимирского объединения "Техника" [Текст]. – М., 1975.
20. Ярославль химический. История Ярославского ордена Трудового Красного Знамени лакокрасочного завода "Победа рабочих" [Текст]. – Ярославль, 1976
21. Тачалов, С. Рукотворное море. Записки гидролога [Текст]. – Ярославль, 1982.
22. Позднее стал заводом Рыбинскабель.
23. Поскольку ему не посвящено отдельного исследования, мы рассмотрим его историю подробнее.
24. ЦДНИ ЯО. – Ф.603. – Оп.1. – Д.54. – Л.80.
25. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883-1937 [Текст]. – С. 279.
26. Дьяков, Ю.Л., Бушуев, Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер [Текст]. – М., 1992. – С.142.
27. ЦДНИ ЯО. – Ф.603. – Оп.2. – Д.86. – Л.3.
28. ЦДНИ ЯО. – Ф. 603. – Оп.1. – Д.185. – Л.11; – Оп.2. – Д.86. – Л.7
29. ЦДНИ ЯО. – Ф. 229. – Оп.1. – Д.266. – Л. 6-7.
30. ЦДНИ ЯО. – Ф.263. – Оп.38. – Букв. – П. – Л.4; – Ф.272. – Оп.35. – Д. 24, 666, 4357, 7502. – Лл.3.

© Д.Н. Малахов

Медицинское обеспечение Красной Армии в 30-е гг. XX века

Военно-санитарная служба Красной Армии до Великой Отечественной войны являлась самостоятельной структурой. Она вошла

в состав тыла РККА только в августе 1941 г.[1]. Но опыт медицинского обеспечения боев 30-х годов имел большое значение для совершенствования как медицинской техники, так и организации лечебной, эвакуационной, профилактической и пр. деятельности военных медиков[2].

Во время боев на КВЖД войска, действовавшие в штатах мирного времени, не имели достаточного количества медперсонала, а полевых лечебно-эвакуационных средств не было вовсе. Поэтому все раненые, в том числе и легко, не нуждавшиеся в эвакуации в тыл, вывозились в госпитали Читы, Иркутска и Хабаровска. В начале 1930 г. начальник Военно-Санитарного управления докладывал в РВС, что «полевая военно-медицинская организация Красной Армии не способна обеспечить бесперебойную эвакуацию и лечение раненых и больных даже при минимально допустимых... потерях..., она лишена гибкости»[3]

2 сентября 1938 г. Управление полевого снабжения 1-й армии сделало вывод о том, что медицинская помощь в 39-м корпусе во время боев на Хасане была неудовлетворительной[4]. Для подобной оценки имелось достаточно оснований. Так, руководство санитарной эвакуацией не было налажено до 8 августа, когда представители армейского санитарного отдела появились в районе боев. Интересно то, что еще 30 июля 1938 г. начальник отдела предложил армейскому руководству выслать в Краскино хирургическую группу усиления, а также развернуть там дополнительно 200 коек для приема раненых. Армейские начальник штаба и член военного совета не поддержали этого предложения, чтобы «не создать паники»[5].

Штаты санитарной службы к началу боев были укомплектованы не полностью (в 40-й дивизии – на 40%), при этом обязанности начальника санитарной службы дивизии исполнял старший лекарский помощник. Начальника санитарной службы 39-го корпуса также не было, а санитарные тылы дивизий находились в стадии реорганизации. Санитарные двуколки не могли быть полностью выведены в район боевых действий из-за нехватки лошадей. Коэффициент технической готовности санитарного автотранспорта не превышал 30%. Войсковые санитарные инстанции были укомплектованы медицинским имуществом на 50%; вовсе не было лабораторных комплектов, шин, некоторых препаратов, инструментов, хирургических перчаток и т.п.

8 августа 1938 г. командование Краснознаменного Дальневосточного фронта приказало от мобилизовать санитарный поезд, 4 эвакуационных и 1 полевой подвижный госпитали. Выполнение этого приказа было отложено Генеральным штабом РККА до 10 августа. Затем около 2-х суток потребовалось, чтобы выполнить все мобилизационные мероприятия [6].

Таким образом, лечебно-профилактическое обеспечение операции на Хасане строилось на выделении отдельных лиц и команд, а не путем введения в дело заранее подготовленных санитарных учреждений. В связи с этим санитарная эвакуация осуществлялась по сути без плана. Неблагополучность медицинского обеспечения боевых действий на Хасане отметили нарком обороны и начальник Генерального штаба, вынужденные 8 августа 1938 г. отдать приказание военному совету фронта, командованию армии и корпуса «принять меры к эвакуации всех раненых с поля боя, а также разгрузить от раненых госпиталя путем эвакуации» [7].

На Халхин-Голе санитарная служба действовала гораздо более эффективно. Достаточно сказать, что около 76% раненых и больных удалось вернуть в строй. Был получен ценный опыт действий санитарной службы в боевой обстановке: осуществлялся перевод врачей из батальонного в полковой пункт медицинской помощи; в дивизионном пункте медицинской помощи организовывалось госпитальное отделение, соединявшееся с пунктом сбора легкораненых; создавались полевые хирургические госпитали со специализированными отделениями; организовывались батальоны выздоравливающих, перевязочно-питательные пункты на путях эвакуации и т. д. [8].

В то же время халхингольский опыт показал и существенные недостатки санитарной службы. Отсутствовали план обеспечения боевых действий, подготовленные помещения госпиталей. Выявилась крайняя нехватка санитарно-хозяйственного имущества (палатки, носилки, белье, посуда и пр.), медикаментов и инструментов.

Потребовалось количественно и качественно усилить медицинский состав. Из СССР прибыли квалифицированные врачи, много хирургов, в том числе выдающиеся деятели отечественной военной медицины М.Н. Ахутин [9], Н.Н. Еланский, которые смогли выработать и ввести в практику единую систему лечения раненых. Всего для усиления хирургической работы в район боев было направле-

но 4 группы хирургов (37 чел.), 30 врачей других специальностей, 12 фармацевтов и 32 лекарских помощника.

Кроме того, сеть лечебных учреждений, сама по себе недостаточная, была сориентирована в юго-восточном направлении (Халхин-Гол – восточное направление)[10].

Медицинское обеспечение Красной Армии в войсковом районе в ходе советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. имело некоторые особенности. Отсутствовала, например, единая схема организации военно-санитарной службы, так как отдельные участки фронта значительно отличались по различным аспектам один от другого[11].

Прежде всего надо отметить, что в чрезвычайно тяжелых климатических и природных условиях театра военных действий оказание первой медицинской помощи военнослужащим, а также вынос и вывоз раненых с поля боя были сильно затруднены. При этом в первый период боевых действий (декабрь 1939 – январь 1940 г.) сказывалось отсутствие опыта работы у медицинского персонала, что приводило к высокому числу потерь среди личного состава медицинской службы. За весь период боевых действий в 56-й стрелковой дивизии (сд) 8-й армии санитарные потери среди санинструкторов по отношению к штатному числу личного состава санитарной службы составили 61 проц., а санитаров – около 50 проц.; в 139 сд – санинструкторов 32,7 проц., санитаров около 19 проц. Когда санитары пытались приблизиться к раненым, их обстреливали финские снайперы, замаскированные в чаще деревьев. С.А. Семека, начальник отделения санитарного отдела Ленинградского военного округа (ЛВО), приводил такой пример: в 674-м стрелковом полку (сп) при попытке вынести раненого командира получили ранения два санитаря, два бойца и санинструктор роты [12]. На открытой местности по глубокому снегу очень трудно было даже подползти к раненому. Не всякому по плечу оказалась такая тяжелейшая физическая нагрузка. Поэтому нередко в снегу рыли траншеи, по которым и эвакуировали пострадавших.

С поля боя раненых выносили преимущественно так называемые носилочные звенья, которые придавались батальонам из взвода санитаров-носильщиков полка и эвакуационной роты медико-санитарного батальона (МСБ). Санитарные инструкторы и санитары рот оказывали первую медицинскую помощь на месте и затем оттаскивали пострадавших в укрытия. При медленном темпе продвиже-

ния подразделений они нередко сами выносили с поля боя раненых. Однако санитаров-носильщиков постоянно не хватало, несмотря на то, что их звенья усиливались за счет музыкантов, личного состава дегазационных взводов, транспортных рот и др. Часто в период интенсивных боев, когда санитарные потери были особенно велики, командование в помощь им выделяло строевых бойцов.

В среднем на стрелковый дивизион приходилось 2 — 3 носилочных звена. Взвод санитаров-носильщиков полка, как правило, использовался централизованно для выноса раненых из батальонов. Примерно две трети санитаров-носильщиков эвакуационной роты медико-санитарного батальона распределялись по полкам и батальонам, одна же треть оставалась работать в дивизионных пунктах медицинской помощи (ДПМ), где также всегда ощущался недостаток санитаров.

Испытывали войска нужду и в средствах выноса и вывоза раненых с поля боя. Не хватало, в частности, так называемых лыжно-носилочных установок; имевшиеся же в условиях севера оказались малопригодными, поскольку были слишком высоки, и погруженный на них раненый становился легкодоступной мишенью для противника. Кроме того, лыжно-носилочные установки постоянно опрокидывались, зарывались носками лыж в снег и даже, если наезжали на кусты, деревья, валуны, просто разваливались. Оправдывали они себя только при перевозке раненых по дорогам, ледовому покрову рек и озер. Наиболее приемлемым средством для эвакуации раненых с поля боя оказалась лодочка-волокуша. Лежащий в ней раненый не возвышался над поверхностью грунта, волокуша легко скользила по снежному покрову, была прочной и свободно преодолевалась заросли в условиях лесисто-болотистой местности.

Во время боев на укрепленных рубежах противника во многих дивизиях прибегали к вывозу раненых на танках. Использовались также бронешитки, которые применялись пехотой при продвижении к позициям противника. По их образцу был изготовлен щиток для оттаскивания раненых, снабженный полозьями, благодаря чему он, когда его тянул за собой ползающий в тыл санитар, мог скользить как вперед, так и назад. Представление о значении тех или иных транспортных средств для обеспечения выноса (вывоза) раненых с поля боя дают данные, полученные путем опроса 132 раненых, находившихся в ленинградских госпиталях: вынесено на носилках 29 че-

ловек (22 проц.), вывезено на лодочках-волокушах 49 человек (27 проц.), на лыжно-носилочных установках – 38 человек (29 проц.), на танках – 16 человек (12 проц.)[13]. Таким образом, основным транспортным средством для вывоза раненых с поля боя оказались лодочки-волокуши.

Имели место изменения в организации этапов медицинской эвакуации, вызванные активностью боевых действий на отдельном направлении, а также наличием материально-технических ресурсов и личного состава военно-санитарной службы. В частности, серьезно варьировался масштаб хирургической помощи на этапах медицинской эвакуации, что зависело, по мнению начальника Санитарного управления Красной Армии Е.И. Смирнова, от количества потерь в частях и соединениях в отдельные дни. При малых потерях посты санитарного транспорта чаще всего не развертывались, а тяжелораненые доставлялись непосредственно на батальонные пункты медицинской помощи (БПМ)[14].

Санитарные отделения батальонов находились, как правило, на удалении от 200 до 1500 м от переднего края. В условиях наступательного боя они работали под открытым небом, неотрывно следуя за батальонами и оказывая помощь ходу; в оборонительном бою БПМ развертывались в выделенных службой тыла лагерных палатках, землянках, сохранившихся сараях или других строениях; при небольших темпах наступления, более или менее частых временных задержках продвижения батальона санитарные отделения развертывали БПМ, которые затем свертывались и подтягивались ближе к действующим подразделениям, находясь в готовности к немедленному развертыванию [15]. Личный состав санитарных отделений должен был организовывать вынос раненых с поля боя, оказывать им первую медицинскую помощь, согревать и кормить раненых, осуществлять первичную медицинскую сортировку и подготовку пострадавших к эвакуации на полковой пункт медицинской помощи (ППМ).

В условиях наступления медицинская помощь раненым в БПМ оказывалась прямо под открытым небом, на плащ-палатках или на одеялах, разложенных на снегу, из-за чего объем ее был минимальным: наложение повязок (в тех случаях, когда они не были наложены); проведение иммобилизации при переломах конечностей; введение сердечных и обезболивающих средств; наложение, если

требовалось, жгута. В сильный мороз, когда снежный покров был достаточно глубок, оказывать даже такую несложную первую помощь было трудно: ампулы замерзали, их приходилось отогревать в руках; обнажать тело в области ранения было крайне затруднительно и, кроме того, это нередко приводило к переохлаждению раненого. При стабилизации боевой обстановки БПМ развертывались в лагерных палатках с печами, землянках, уцелевших строениях. Тогда объем первичной медицинской помощи удавалось увеличить: более качественно производилась транспортная иммобилизация, в том числе наложение шин Томаса-Виноградова; выполнялись простейшие противошоковые мероприятия; проводилась медикаментозная терапия, направленная на профилактику гангрены и столбняка. Крайне редко, но производилось и переливание консервированной крови. Немаловажное значение имело и то, что в таких условиях можно было как-то согреть и накормить раненого горячей пищей, хотя бы приготовить чай с галетами.

Полковые пункты медицинской помощи в зависимости от боевой обстановки развертывались в удалении от линии фронта от 2 до 6 км, иногда и более (15 – 17 км), как это было, например, во время боев на льду Выборгского залива [16]. Размещались ППМ в палатках, блиндажах-землянках, шалашах, реже – в уцелевших зданиях. В составе ППМ развертывались обычно приемно-сортировочное, перевязочное и эвакуационное отделения. Иногда несколько полковых пунктов медицинской помощи располагалось рядом, и их действия объединялись под руководством одного из старших полковых врачей.

В ППМ накладывались повязки, если они не были наложены ранее или утрачивались в пути, меняли их или производили подбинтовку, когда они ослабевали или сильно пропитывались кровью. Плохо наложенные шины менялись, а если их не было – накладывались. По назначению врача делались инъекции сердечных и обезболивающих средств. Противостолбнячная сыворотка вводилась главным образом при обширных поражениях. В качестве противошоковых мероприятий проводились инъекции сердечных и обезболивающих средств, раненому давали водки, чтобы он согрелся. Большое значение придавалось хорошо выполненной иммобилизации. Переливание крови на большинстве ППМ производилось редко из-за слабой подготовки врачей или отсутствия ампул с кровью. В дни наиболее активных боевых действий в ППМ поступало 200 – 400

человек. Большой приток раненых нередко приводил к сокращению объема оказываемой помощи [17].

Дивизионные пункты медицинской помощи (ДПМ), развертываемые медико-санитарными батальонами, успешно выполнили одно из важнейших требований военно-полевой хирургии – приближение квалифицированной хирургической помощи к раненому. Относительная безопасность тыла при превосходстве нашей артиллерии и авиации позволяла развертывать ДПМ на расстоянии 4 – 6 км от ППМ. В зависимости от боевой обстановки, условий местности и наличия дорог это расстояние сокращалось или увеличивалось до 20 – 25 км [18]. По данным М.Н. Ахутина, С.И. Банайтиса, В.И. Попова и А.Н. Львова, в ДПМ оперировалось 60 – 66 проц. поступивших раненых.

Руководство военно-санитарной службы принимало срочные меры по коренному улучшению работы этапов медицинской эвакуации, прежде всего дивизионного звена. Важнейшей задачей являлась выработка единых установок по хирургической обработке огнестрельных ран. Допускавшиеся хирургами ошибки уже в начальный период войны рассматривались на конференциях Ленинградского военного округа, в армейских корпусах, медико-санитарных батальонах и дивизионных госпиталях. Огромную роль в улучшении хирургической работы сыграла активная деятельность армейских хирургов-консультантов. Важное значение имело также издание в короткие сроки ряда директивных документов по данным вопросам.

Решение задач государственной важности по восстановлению боеспособности и трудоспособности раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии во многом зависело от руководящих кадров военно-санитарной службы. Во главе Санитарного управления Красной Армии в рассматриваемое время стоял дивизионный врач Е.И. Смирнов, главным хирургом был Н.Н. Бурденко. Главным хирургом созданного в начале января 1940 года Северо-Западного фронта назначили П.А. Куприянова. Возглавлял медицинскую службу фронта П.Д. Диваков. Руководили медицинской службой санитарных отделов армий: 7-й – Г.С. Вохмянин (затем Д.Н. Верховский), 8-й – И.А. Клюсс, 9-й – М.М. Гурвич, 13-й – Ф.Г. Баранов и 14-й – В.С. Гурвиц.

Среди хирургов-консультантов медицинской службы армий были видные военно-полевые хирурги: С.И. Банайтис (7-я армия),

М.Н. Ахутин (8-я), А.А. Вишневский (9-я). Академик Н.Н. Бурденко придавал большое значение работе армейских консультантов: «Консультант не должен сидеть в кабинете или в управлении начальника санитарной службы фронта, армии, корпуса, а должен работать в хирургических учреждениях и особенно там, где имеются слабые хирурги, а они их должны знать... Нужно учить, показывать, самому делать операции, а также нужно заставлять при себе делать операции и методически помогать товарищам на деле»[19].

Были приняты меры по увеличению числа хирургов в ДПМ за счет перевода автохирургических отрядов (АХО) из армейских госпиталей в дивизии, а также групп усиления. Следует отметить, что АХО выполняли не только чисто хирургические задачи, усиливая пропускную способность МСБ и дивизионных госпиталей (ДГ), но и проводили огромную организационную работу. Вошло в практику прикомандирование АХО к МСБ и ДГ вновь прибывших на фронт соединений, не имевших боевого опыта и оказавшихся беспомощными в вопросах организации и постановки хирургического дела.

Определяющую роль в оказании квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым имела подготовка и укомплектованность полевых медицинских учреждений хирургическими кадрами. К сожалению, в первый период войны численность привлеченных медицинских работников оказалась недостаточной. Однако, используя ресурсы гражданского здравоохранения, удалось в короткие сроки удовлетворить резко возросшую потребность в медицинских кадрах, особенно во врачах дефицитных специальностей – нейрохирургах, окулистах, челюстно-лицевых хирургах, обеспечить лечебные учреждения необходимым медицинским имуществом для работы в полевых условиях. Правда, мобилизация гражданских врачей привела к ухудшению медицинского обслуживания населения страны.

Дивизионный госпиталь являлся ближайшим к войскам полевым лечебным учреждением, основным предназначением которого являлось оказание квалифицированной медицинской помощи раненым и больным; обеспечение эвакуируемым отдыха, питания и подготовка их к дальнейшей эвакуации; лечение временно нетранспортабельных тяжелораненых и тяжелобольных; оказание медицинской помощи лицам, не требующим дальнейшей эвакуации из-за легкости ранения (заболевания).

По опыту советско-финляндской войны ДГ использовались различным образом, на Карельском перешейке в 7-й и 13-й армиях из-за незначительной протяженности грунтового пути эвакуации они находились в резерве или развертывались в непосредственной близости от ДПМ. В таких случаях на ДГ переключался весь поток раненых или в них направлялись лица преимущественно с полостными ранениями и нетранспортабельные раненые, благодаря чему обеспечивалась возможность свертывания и перемещения МСБ вслед за войсками.

Стремление оказать квалифицированную медицинскую помощь в войсковом тылу привело к идее организации за счет прежде всего ДГ непосредственно за ДПМ достаточно мощного промежуточного этапа медицинской эвакуации – госпитального коллектора, где на данном этапе должны были осуществляться прием, размещение и сортировка всех эвакуируемых из ДПМ раненых, оказание им квалифицированной медицинской помощи, временная госпитализация не подлежащих по тяжести состояния эвакуации в тыл, обеспечение эвакуируемым отдыха и питания [20].

Впервые такой госпитальный коллектор был создан в 8-й армии. В период подготовки к решительному наступлению в населенном пункте Сальми, находившемся примерно в 150 км от станции снабжения, были развернуты три ДГ. В дальнейшем их предполагалось заменить полевыми подвижными госпиталями (ППГ), чтобы дивизионные госпитали могли передвигаться за войсками. Один из ДГ предназначался для приема легкораненых и оказания им медицинской помощи, два других – для тяжелораненых. В этих госпиталях оказывалась также специализированная медицинская помощь раненым в голову, грудь и живот (конечно, если были хирурги соответствующих специальностей). Кроме того в коллекторе имелись палаты для соматических и инфекционных больных, а также изоляторы для лиц с анаэробной инфекцией.

Активность хирургов была высока. В МСБ оперировалось до 70 проц. раненых от общего числа поступивших, в ДГ – около 30 проц. Медперсонал работал самоотверженно и мужественно [21].

После окончания Советско-финляндской войны, в 1940 – 1941 гг., когда создавалась новая организационно-штатная структура медицинской службы, были разработаны штаты, сформулированы задачи и принципы работы войсковых полевых, инфекционных и

сортировочно-эвакуационных госпиталей. В соответствии с накопленным опытом, показавшим нецелесообразность рассредоточения госпитальных средств по войсковым соединениям, ДГ были ликвидированы и вместо них созданы так называемые войсковые подвижные госпитали (ВПГ). В результате завершился процесс свертывания госпиталей в составе войсковой медицинской службы, наравне с этим началось увеличение числа полевых лечебных учреждений армейского подчинения[22].

Примечания

1. См.: Великая Отечественная война 1941 – 1945 [Текст]: энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 152.
2. Развитие системы санитарной эвакуации РККА в межвоенный период, особенно этапного лечения раненых с эвакуацией по назначению, подробно исследовано в отечественной историографии. В связи с этим автором будут преимущественно рассматриваться фрагменты боевого опыта, полученного медслужбой в 1929 – 1940 гг.
3. Цит. по: Очерки истории советской военной медицины. – Л.: Медицина, 1968. – С. 153.
4. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 36.
5. См.: Там же. – Д. 112. – Л. 16, 161.
6. См.: Там же. – Л. 154, 158, 161, 162, 171.
7. Там же. – Д. 1. – Л. 15.
8. См.: История второй мировой войны 1939 – 1945 [Текст] – Т. 2. – М.: Воениздат, 1974. – С. 219.
9. См.: РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 32 – 35.
10. М.Н. Ахутин во время боев на Хасане исполнял обязанности главного хирурга группы войск 1-й Особой Краснознаменной армии. Он также командировывался в район боевых действий на Халхин-Гол и в Финляндию.
11. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2220. – Л. 93; Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 28-33.
12. Ахутин, М.Н. Хирургический опыт двух боевых операций. [Текст] /М.Н. Ахутин. – Куйбышев, 1940. – С. 11.
13. Архив Военно-медицинского музея (ВММ). – Ф. 6342. – Оп. 44859. – Д. 2. – Л. 10-11.
14. Там же. – Л. 20.
15. Смирнов, Е.И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939 – 1945 [Текст]/Е.И. Смирнов. – М., 1976. – С. 75.
16. Гладких, П.Ф. Медицинская служба Красной Армии в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 (История строительства). Кн. первая. Накануне. 11 мая 1939 г. – 22 июня 1941 г. [Текст]/П.Ф. Гладких. – СПб., 1995. – С. 39.

17. Очерки истории советской военной медицины [Текст] – Л., 1968. – С. 178.
18. Там же. – С. 179.
19. Гладких, П.Ф. Указ. соч. [Текст]. – С. 38.
20. Ахутин, М.Н. Указ. соч. [Текст]. – С. 12.
21. Архив ВММ. – Ф. 1. – Оп. 7401. – Д. 1. – Л. 14-15.
22. Завалишин, Н.И. Госпитальные коллекторы на грунте (по опыту войны с белофинами) [Текст] / Н.И. Завалишин // Труды Куйбышевской ВМА. Куйбышев, 1940. – Т. 2. – С. 142.

© С.Г. Осьмачко

Негативные идеологические стереотипы в идеологической работе в РККА (опыт 1929-1941 гг. и современность)

Анализ позволяет выделить несколько военно-идеологических стереотипов, сыгравших отрицательную роль в военно-патриотической психологической мобилизации населения и армии¹ в 30-е гг. XX в. Рассмотрим их подробнее.

1. Переоценка собственной военной мощи, абсолютизация боевого потенциала РККА

В 30-е гг. утверждение, что любой враг будет немедленной уничтожен, причем малой кровью и на его же территории, приобрело самодовлеющий характер. Тем самым СССР, РККА объявлялись фатально победоносными.

Еще в 1929 г., анализируя итоги боев на КВЖД, член военного совета ОДВА Н.Е.Доненко резко критиковал «шапкозакидательские настроения», проявившиеся «у известной части комсостава»: мол, один наш боец «стоит двадцати пяти китайцев» и пр. [1] Уже через несколько лет подобное критическое заявление было бы невозможным: в 30-е гг. поток хвалебных оценок нашей военной мощи постоянно нарастал. Тон задавало руководство страны. В 1934 г., выступая на XVII съезде ВКП(б), И.В.Сталин заявил: «Те,

¹ Негативный военно-идеологический стереотип – малодоказуемое утверждение, имеющее беспрекословный нормативный характер для оценки военной сферы. Военно-патриотическая мобилизация - внедрение в сознание населения, военнослужащих установки на необходимость качественного и своевременного выполнения боевых задач.

которые попытаются напасть на нашу страну, - получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно им было совать свое свиное рыло в наш советский огород» [2]. В 1938 г. в период боев у оз. Хасан красноармейской самодеятельности были рекомендованы частушки С.С.Школьника «Ты, Араки, не скули», в которых имелся и такой куплет: «Разобьем врага мы силой /Хлеще, чем в 20-й год./ Если сунет свое рыло /В наш советский огород» [3]. На XVIII съезде партии Сталин ввел в обращение понятие «двойной ответный удар», сказав, что «мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны» [4]. Еще более безапелляционно выражались силовые наркомы – К.Е. Ворошилов («Красная Армия представляет собой гигантскую силу ..., враг будет накоротке смят и уничтожен ..., наша Красная Армия является первоклассной армией, лучшей, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией... Товарищи! Наша армия несокрушима»), Л.П.Берия («Пусть знают враги, что наш великий Советский Союз неприступен, что непобедима и с каждым днем крепнет и развивается окруженная сталинской заботой наша героическая Красная Армия») или начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников [5].

К 20-летию РККА и РККФ отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) выпустил обязательные к массовому распространению тезисы, в которых все, что касалось оборонной сферы государства, оценивалось только в превосходных степенях [6]. К этой же дате был издан сборник стихов «Непобедимая» (сост. И.П.Уткин), в предисловии которого говорилось: «Могуча и непобедима Красная Армия. Как грозная скала высится Советский Союз среди капиталистического моря. Фашистские поджигатели войны - трусливые шакалы ... трепещут перед Красной Армией, боятся напасть на Советский Союз, ибо знают, что получают сокрушительный отпор» [7].

Такой же подход был зафиксирован в руководящих боевых документах того времени. Полевой Устав РККА 1936 г. содержал следующее положение: «Всякое нападение на социалистическое государство ... будет отбито всей мощью Вооруженных Сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию нападавшего врага». В Полевом Уставе РККА 1939 г. говорилось: «На всякое нападение врага СССР ответит сокрушающим ударом

всей мощи своих Вооруженных Сил ... Если враг навяжет нам войну, РККА будет самой нападающей из когда-то нападавших армий [8].

В 30-е гг. в практике войсковой воспитательной работы распространялось ошибочное мнение о Красной Армии: будто бы в «будущей войне ей придется драться не столько техникой, сколько превосходством революционной активности и классового самосознания ее бойцов и командиров» [9]. Подобные теории решительно критиковал М.Н.Тухачевский. Однако в пропаганде примитивный ура-патриотизм продолжал существовать, нанося значительный вред воспитанию воинов. Это отмечали в своих мемуарах многие видные военачальники [10] и простые граждане. Так, участник советско-финляндской войны Б.Медовой вспоминал о декабрьских днях 1939 г.: «Восхваление Красной Армии в те дни на радио и в печати достигло невиданного размаха. В уличных репродукторах гремели с утра до вечера военные марши...Сводки Генерального штаба продолжали перечислять названия финских хуторов ... Мы все ликовали, ожидая сообщений о взятии Хельсинки. Распространилось мнение, что его возьмут к 21 декабря, ко дню 60-летия Сталина. Вот это будет торжество» [11]. Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. А через несколько дней (23 и 24 декабря) в центральной печати можно было увидеть взаимные приветствия Сталина и Гитлера.

2. Пренебрежительное отношение к армиям вероятных противников, убежденность в политической неустойчивости их тыла

На XVII съезде партии Сталин высказался определенно: «Предстоящая война с буржуазией будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника ... многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям ... Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападавших, к революции в ряде стран ..., и к разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран» [12].

Подобная позиция использовалась в пропагандистской работе и позже: 17 апреля 1941 г. видный советский идеолог академик Е.С.Варга сделал доклад в Военно-политической академии им. В.И.Ленина, в котором, в частности, утверждал, что в результате

будущей войны в некоторых буржуазных странах власть будет ослаблена, ее захватит пролетариат и обязанность СССР - прийти к нему на помощь [13]. Те же мысли содержались в докладе «Современное международное положение и внешняя политика СССР», подготовленном в середине мая 1941 г. лекторской группой ГУШКА для закрытых военных аудиторий [14].

Таким образом, даже неудачи финской кампании не изменили этого официозного стереотипа. А ведь финский тыл оказался прочным: затея с созданием просоветских «народных» правительства и армии Финляндии провалилась. Работа с пленными и населением противника не только в Финляндии, но и на Халхин-Голе, фактически потерпела поражение [15]. А в уже упоминавшемся выступлении Н.Е.Доненко (1929 г.) прямо отмечалось: в армии плохое отношение к китайцам; хотя их много проживает в Дальневосточном крае, нет ни одного добровольца или коммуниста-китайца в ОДВА [16].

Нарком обороны СССР Ворошилов на XVII съезде партии дал следующую установку: «Только безграничной тупостью, только глубоким невежеством и обреченностью можно объяснить мечты наших врагов о каких-то завоеваниях на наш счет ... Только ограниченность и глупость, которые, очевидно, являются неизбежным следствием обреченности капитализма, могут внушить этикие мысли нашим классовым врагам» [17]. Естественно, что пренебрежение к противнику, высмеивание его было свойственно всем пропагандистским инстанциям.

В содержании воспитательной работы были и правильные подходы. В качестве примера следует привести директиву ПУРККА от 12 сентября 1939 г., рекомендовавшую использовать на политзанятиях книгу «Бои у Хасана», знакомить воинов с противником (элементарные сведения об экономике, армии и пр.), учить гуманному отношению к населению на вражеской территории [18]. Но еще 19 апреля 1938 г. ПУРККА своей же директивой определил режим использования книг «Бои у Хасана» (ставилась задача при политотделах соединений провести собрания актива с целью изучения опыта воспитательной работы в боевой обстановке, книгу изучить на собраниях начсостава, красноармейцам читать отдельные фрагменты) и «Работа военного комиссара в республиканской армии Испании» (предполагалось обсудить на совещаниях

при политотделах соединений). Причем названные издания должны были находиться в полках и ротах для ознакомления с ними командиров и политработников. Книгу «Бои у Хасана» разрешалось упоминать в открытой печати (оба издания имели гриф секретности) [19].

С одной стороны, в ходе боев в Финляндии ПУРККА заявлял, что «основной задачей пропаганды и агитации в боевой обстановке является мобилизация всего личного состава на успешное выполнение боевого приказа ... с наименьшими потерями» [20], что безусловно верно. С другой стороны, 25 января 1940 г. этот же орган потребовал от войск действующей армии не популяризировать тематику боев: преимущественно использовать материалы о героях, в устной пропаганде стремиться к описанию отдельных эпизодов; тактику противника показывать только в дивизионной печати и «принять меры ..., чтобы эти газеты ... по прочтении уничтожались» [21].

Таким образом, даже тщательно отсортированная информация о положительном опыте воспитательной работы в боевой обстановке имела конкретный адрес подачи и строго контролируемый ареал распространения. А не выдержавшие проверки боем негативные идеологические стереотипы средствами пропаганды по-прежнему доносились до самых широких слоев населения и армии.

Такое положение дел обозначало резкое несоответствие декларируемого и реального в боевой практике, что не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии воюющих частей. Так, конфликт на Хасане вскрыл крупные недочеты в боеготовности ОКДВА. Но эта информация была закрыта, а в пропаганде использовались ложные положения. Например, после того как 1 августа японские подразделения овладели высотами Заозерная и Безымянная, наши средства массовой информации заявили, что захвачены 4 км советской территории [22]. Участник боев Колмаков, выступая на совещании командно-политического состава Посьетского погранотряда, отметил, что это сообщение привело к путанице, боевым действиям против своих войск, потерям [23]. Далее, 8 августа 1938 г. «Известия» опубликовали следующее сообщение штаба 1-й (Приморской) армии: «Советские части очистили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты». А в это время наши войска вышли только на

южные склоны вышеупомянутых высот, а на сопках Пулеметная, Черная, Богомольная противник оставался вплоть до 15 августа 1938 г. [24]

В совершенно секретном приказе наркома обороны СССР № 0040 от 4 сентября 1938 г., посвященном итогам хасанских боев, отмечались «огромные недочеты в состоянии Краснознаменного Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов ... оказалась на недопустимо низком уровне. Воинские части оказались раздерганными и небоеспособными, снабжение... не организовано» [25]. А проведенный по горячим следам боев партактив участников боевых действий принял приветствие Сталину: «Наш дорогой друг, вождь и отец! ... Части группы, вдохновляемые Вашим именем, доказали всему миру готовность нашего народа с оружием в руках отстаивать каждый вершок родной земли ... Заверяем Вас в том, что самурайская гадина в случае повторения своих захватнических попыток получит новый сокрушительный удар» [26].

У воинов, принимавших участие в боях, подобная пропагандистская риторика могла вызвать лишь скорбное недоумение и растерянность. От остальных информация о недостатках скрывалась. Из войсковых частей, местных комсомольских организаций во все инстанции во множестве шли письма высокого патриотического содержания. Так, в первые же дни конфликта молодежь с.Стрелы Ростовского района Ярославской области выразила следующее пожелание: «Мы все как один с оружием в руках готовы защищать Родину ... и просим взять нас досрочно на военную службу» [27].

Воевавшим бойцам и командирам «сверху» предписывались «правильные» мысли и оценки военных действий, зачастую весьма далекие от реальности. Результатом этого противоречия стали многочисленные случаи критических высказываний участников боев. Ими активно интересовались политработники и НКВД. В «Информационной сводке об отрицательных высказываниях командно-начальствующего и красноармейского состава за время боевых действий в районе реки Халхин-Гол с июля по 1 октября 1939 г.» зафиксированы 894 случая (антисоветские высказывания, «неправильные» оценки боевой техники - своей и противника, недовольство руководством, службой в боевой обстановке, угрозы начсоставу, проявления трусости и пр.) [28].

По данным действовавшей на Халхин-Голе 90-й военной прокуратуры, 8 чел. были осуждены за антисоветскую агитацию. Наиболее показательным делом осужденного военным трибуналом красноармейца 247-го отдельного автобронетанкового батальона 7-й мотобронетанковой бригады Сергея Александровича Кислякова (1918 г.р., из бедняков; член ВЛКСМ, уроженец с.Песковатка Сталинградской области), который в июне 1939 г. написал и отправил в колхоз своей сестре «вредное» письмо. Кисляков писал о «трудностях боевых условий, о плохом питании, что он ходит грязным, оборванным, что японская авиация их часто бомбит. В письмо вложил листовку контрреволюционного содержания, сброшенную с японского самолета». Сестра показала письмо и листовку колхозникам. Председатель колхоза изъял эти документы и передал их в райотдел НКВД.

Невозможность говорить правду в повседневной воспитательной работе неизбежно приводила к комментаторству, начетничеству и догматизму пропаганды и агитации. Часто непростые вопросы, возникавшие в ходе военных действий, получали вульгарные, примитивно-упрощенные ответы.

Особенно наглядно это проявилось во время вторжения Красной Армии в Западные Украину и Белоруссию в сентябре 1939 г. В массы военнослужащих настойчиво внедрялась следующая схема описания цели «освободительного похода»: Польша как государство перестало существовать; ее восточные области - бесправные колонии, отданные панам на разграбление; советские украинцы и белорусы живут значительно лучше своих польских земляков; части РККА выполняют освободительную миссию и пр. Подобные идеи содержатся в выступлениях высших лиц СССР, а также в директивах ПУРККА от 14, 15 и 17 сентября 1939 г. [29] Политработники рангом ниже ретранслировали эти указания в широкие массы воинов. Бригадный комиссар Шулин, начальник политуправления армии Белорусского фронта, в одной из директив разъяснял: «Народы великого Советского Союза не могут быть безразличными к революционно-освободительной борьбе трудящихся Польши и оказывают всемерную помощь ... в их освободительной борьбе против помещиков и капиталистов. Бойцам, командирам и политработникам ..., посчастливилось первым оказать помощь народам Польши» [30].

Но ведь направленность тех советских военно-политических акций сегодня видится по-иному: прикрываясь сомнительными договоренностями с Германией, заявляя об освободительных целях похода, распространить советское влияние на присоединяемые земли, отодвинуть границы и обеспечить собственное преимущество. Некоторые военнослужащие понимали это и 70 лет назад: многочисленные факты свидетельствуют, что не все, кому «посчастливилось освобождать польских братьев», мыслили в русле официальной линии. «В некоторых частях и соединениях... среди красноармейцев, - говорилось в директиве № 14 от 28 сентября 1939 г. начальника политуправления Белорусского особого военного округа, - появились случаи отрицательных настроений, которые сводятся к высказываниям о том, что «теперь Советский Союз потерял доверие перед всем миром, так как говорили, что нам чужой земли не надо, а сами вторглись в Польшу» ... Эти высказывания не единичны» [31].

В сознание солдат вдалбливалась идея необходимости освобождения трудящихся Польши. Но стоило только нашим войскам пересечь границу, как в политдонесениях появились термины «покупательство», «мародерство», «грабежи», «самочинные расстрелы». При прохождении частей через населенные пункты войны в массовом порядке скупали одежду, белье, часы, ткани, материалы и пр. Причем только покупками дело не ограничивалось: красноармейцы грабили и убивали местных богатеев. Уже 21 сентября 1939 г. начальник политуправления Украинского фронта подписал директиву, в которой, в частности, предписывалось: мобилизовать на борьбу с мародерством коммунистов и комсомольцев; персонально проинструктировать каждого военнослужащего; прекратить посещения торговых предприятий в населенных пунктах; обязать военные прокуратуры строго применять закон [32]. Командующий войсками Украинского фронта командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко в своем приказе № 010 от 14 октября 1939 г., подводя итоги кампании, отмечал, что «имели место и такие позорные факты, как мародерство, барахольство и самочинные провокационные расстрелы» [33]. Наконец, ПУРККА 2 октября 1939 г. направил в войска телеграмму, в которой говорилось: «Отдельные лица из числа начсостава и красноармейцев занимаются барахольством, грабежами и мародерством» [34]. Требовалось улучшить контроль, воспитатель-

ную работу и наказать виновных.

Политработникам все чаще задавался вопрос: говорили, мол, в Польше плохо живется, а оказывается в магазинах все есть. Официальные документы списывали появление «неправильных» мыслей на слабость воспитания [35], но воображение военнослужащих возбуждал хронический дефицит товаров народного потребления (и не только их) на родине, являвшийся следствием существовавшего в СССР экономического порядка.

В директивах вышестоящих политорганов рекомендовалось так объяснять эту проблему: «Неправильно думают некоторые, что раз в магазинах все есть, там много товаров, то и жизнь здесь лучше. Суть капиталистической экономики в том и состоит, что кризис перепроизводства товаров при миллионах безработных снижает покупательную способность населения» [36].

Такая спорная трактовка сложной социально-экономической проблемы дополнялась следующей характеристикой «политической вредности покупательства»: из-за нее, оказывается, «происходит невероятный рост цен ... Наши люди платят больше, чем запрашивают торговцы, а последние этим воспользовались. Нужно иметь в виду, что рост цен снижает жизненный уровень трудящегося населения и создает нездоровое настроение» [37]. По сути, проблема загонялась вовнутрь, военнослужащие не получали ответов на закономерно возникавшие вопросы.

Особую отрицательную роль вышеописанные идеологические стереотипы сыграли в отношении морально-психологического состояния войск, участвовавших в войне с Финляндией. Когда военный корреспондент спросил нашего командира, кто виноват в том, что его батальон не выполнил боевую задачу, тот ответил прямо: «Во-первых, я (как командир); во-вторых, наши фильмы о войне» [38]. И действительно, многие произведения искусства деформировали сознание воинов, дезориентировали его в отношении трудностей предстоящих боев. Об этом говорит содержание повестей «Бойцы» Б.С.Ромашова, «На войне» П.А.Павленко, серии очерков С.В.Диковского («Новый мир», 1938 г.), пьес «Родной дом» Б.С.Ромашова, «Чужой» В.А.Соловьева, «Очная ставка» и «Генконсул» братьев Тур и Шейнина, кинофильмов «Если завтра война», «Танкисты», «Морской бой», «Глубокий рейд» и пр. Летом 1939 г. в серии «Библиотека командира» (!) вышла военно-фантастическая

повесть Н.Шпанова «Первый удар», популяризовавшая отечественную военно-авиационную доктрину. В картине «Если завтра война» было показано, как вражеская авиация пытается совершить налет на нашу территорию, но советские летчики полностью уничтожают врага, потеряв только один самолет. Танки противника, стремясь прорвать наш фронт, быстро уничтожаются артиллерией (без потерь с ее стороны). В наступление устремляются советские танки, и противник не может их поразить. В итоге враг разгромлен.

Такой шапкозакидательский подход вредил делу военно-патриотической мобилизации, т.к. реальность часто была иной. Например, в войне с Финляндией только 7-я армия (Карельский перешеек) потеряла 2555 танков и бронемашин (не подлежали восстановлению 88), 87 орудий [39]; во время боев у озера Хасан мы по разным причинам потеряли около 30 % всех боевых машин и 27 орудий [40].

В фильме «Глубокий рейд» события развиваются у западной границы СССР. С территории врага (военная база в г.Форт) совершается внезапное авиационное нападение. Оно отбито. В ответ три наших авиаколонны бомбят Форт (один экипаж погибает), авиация противника разгромлена на аэродромах, работа заводов приостановлена, танки и конница завершают разгром врага. З.Головин, хвалебно рецензировавший этот фильм, в качестве недостатка отметил неубедительность поражения большого количества неприятельской авиации на аэродромах. 1200 наших самолетов, уничтоженных фашистами в первый день войны [41], - это слишком высокая плата за самоуспокоенность и доверчивость.

Выше была дана содержательная характеристика воспитательной работы, выделены ее положительные и отрицательные составляющие, проанализированы некоторые негативные военно-идеологические стереотипы, мешавшие нормальному ходу военно-патриотической мобилизации. Эти идеологические деформации носили упреждающий характер, разными средствами они навязывались воинам до ведения боевых действий. Ход боев подверг военную идеологию серьезнейшему испытанию, показал ее определенное несовершенство. *Обозначившаяся разница между декларируемым и реальным заставила аппарат военной идеологии во многом перейти от упреждающего уровня функционирования (начало-середина 30-х гг.) к оправдывающему (конец 30-х гг. – июнь 1941 г.).*

К сожалению, негативное стереотипное срабатывание системы военной идеологии, морально-психологической подготовки проявилось и здесь.

3. Преобладание интернационального воспитания над патриотическим, неопределенность образа врага

Средствами политического воспитания в сознание военнослужащих внедрялся комплекс идей о том, что РККА является важнейшим средством революционного (по образцу СССР) переустройства мира. Естественно, что агитационно-пропагандистская работа в частях и соединениях, вступавших в военные действия, носила преимущественно интернационалистски-освободительную ориентацию. Патриотический компонент, связанный с защитой Отечества, также присутствовал, но не являлся ведущим (в некоторых случаях он просто забывался). После войны с финнами ситуация изменилась - по указке сверху политработники вновь подняли на щит прежде всего патриотические идеи.

Эти подходы отличаются друг от друга степенью доходчивости, понятности воинам. Выступая 13 июля 1930 г. на заседании РВС СССР, член военного совета ОКДВА Доненко дал следующую оценку конфликту на КВЖД: это «есть провокация империалистов, проба наших сил ... мы защищаем нашу республику и нашу политику. Это обоснованная установка красноармейцами была понята сразу» [42]. Также и во время боев на Хасане, когда основная боевая задача была связана с защитой своей границы, патриотическая установка пропаганды легко усваивалась военнослужащими.

На Халхин-Голе, где наши войска действовали на территории Монголии, сначала активно выдвигался в качестве основного политического лозунга кампании тезис об освободительной роли РККА в отношении МНР [43]. Но он, что называется, плохо пошел и был заменен следующим положением: «Защита границ МНР есть защита наших границ социалистической Родины!» [44]. Этот лозунг, по данным политдонесений, лучше воспринимался в частях.

Во время походов в Западные Украину и Белоруссию в пропаганде и агитации также преобладали интернационалистские тезисы. 15 сентября 1939 г. в 4 час.20 мин. был подписан боевой приказ штаба Белорусского особого военного округа № 01, в котором армиям вторжения ставилась задача: с рассветом 17 сентября 1939 г. «перейти в наступление для содействия восставшим рабо-

чим и крестьянам Белоруссии, Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией» [45]. ПУРККА рекомендовал опубликовать во фронтовых (окружных) газетах два следующих лозунга: 1) «С именем Сталина на устах - вперед, товарищи бойцы, командиры и политработники! Героически уничтожим и разгромим заклятых врагов социализма!» 2) «Да здравствуют наши братья по классу - трудящиеся Западной Белоруссии и Западной Украины, борющиеся за свою независимость!» [46]. В директиве военного совета и политуправления одной из армейских групп Украинского фронта накануне вторжения говорилось: «Мы идем и освобождаем трудящихся от ига польских панов» [47].

Уже в сентябре 1939 г. обозначилось некоторое непонимание этих лозунгов (политической подоплеки кампании), однако в силу кратковременности боевых действий, неразворотливости системы воспитательной работы, отсутствия указаний «сверху» никаких изменений в пропаганде не произошло. Но в политдонесениях все же было высказано критическое отношение к соответствующим аспектам лозунговой политики.

Первый этап боевых действий в Финляндии также получил преимущественно интернационалистское пропагандистское обеспечение. В директиве, подписанной начальником политуправления Ленинградского военного округа за день до начала войны, говорилось: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа ... Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское, подлинно народное правительство» [48].

Трудности войны, упорное сопротивление финской армии, первые неудачи наших войск - все это и многое другое вызвало недоумение и вопрос: зачем «освобождать от ига капитала» тех, кто этого не хочет? Даже видный военачальник и участник войны с Финляндией К.А.Мерецков 10 мая 1940 г. на заседании Главного военного совета, где обсуждался вопрос о военной идеологии, высказался следующим образом: «Почему мы идем освобождать финнов, они сопротивляются, а мы их должны освобождать?» [49]. Политдонесения корпусов, армий уже в декабре 1939 г. зафиксировали «массу недоуменных вопросов у бойцов» по этому поводу: мол, почему активно сопротивляются «братья по классу» [50]?

Несоответствие интернационалистских лозунгов практике боевых действий заставило ПУРККА сменить приоритеты идеологической работы. 4 февраля 1940 г. в войска действующей армии была отправлена директива № 29 «О задачах агитационно-пропагандистской работы в связи с финляндской войной». В ней, в частности, говорилось: «Вместо повседневногo разъяснения бойцам и командирам того, что в войне с белофиннами нашей главнейшей задачей является обеспечение безопасности северо-западных границ и Ленинграда, комиссары, политработники, пропагандисты и агитаторы, армейская и дивизионная печать либо совсем об этом не говорят, либо на первый план выдвигают вопрос об интернациональных обязанностях Красной Армии, о помощи финскому народу в его борьбе против гнета помещиков и капиталистов ... Такое направление ... свидетельствует, что политработники схематично, книжному решают вопросы политического воспитания масс, отрываються от конкретной обстановки» [51]. Кстати, в остальные военные округа (с грифом «Кроме действующей армии») чуть позже была отправлена телеграмма ПУРККА о праздновании 22-й годовщины РККА, в которой акценты были расставлены не столь четко: «Бои за безопасность северо-западных границ нашей Родины, за освобождение финского народа из-под ига маннергеймовской шайки породили тысячи новых героев» [52]. То есть интернационалистские лозунги не отвергались в принципе, а уходили на второй план. Об этом свидетельствуют и издания тех лет [53]. Только после Великой Отечественной войны советская военная активность в период 1939-1941 гг. стала представляться средством достижения преимущества перед готовившимся германским вторжением. В 1950 г. советский историк В.Калинин, например, писал, что «первой задачей ... было создание «восточного фронта» против гитлеровской агрессии ...», и этот фронт составили территориальные приобретения в Польше, Прибалтике, Финляндии [54].

4. Убеждение военнoслужажих в справедливости любой войны, которую ведет СССР

Этот пропагандистский тезис обрел наиболее мощное звучание во время войны с Финляндией. Однако подготовлен он был прежде всего изменением внешнеполитических ориентаций, наступлением де-факто союзнических отношений с фашистской Германией. Военнослужащим требовалось разъяснить столь резкое изме-

нение линии СССР. Известно, что 31 августа 1939 г. В.М. Молотов заявил: «Вчера еще фашистская Германия проводила в отношении СССР враждебную нам внешнею политику. Да, вчера еще ... мы были врагами. Сегодня ... мы перестали быть врагами» [55].

Логическое затруднение в объяснении такого подхода преодолевалось традиционно для сталинской власти: простым трудящимся не положено было знать многого о «высших» международных соображениях власти; их задача - усвоить любой пропагандистский тезис и не рассуждать. Утверждение того, что любая война (внешнеполитическая акция), осуществляемая нашей страной, является правильной, справедливой и пр., было направлено на ликвидацию самой возможности диссидентства. По сути, это ход, позволяющий уйти от ответа на вопросы: законны ли наши действия в Польше, Прибалтике, Финляндии.

Во время боев с финнами бойцов и командиров учили, что любая война со стороны СССР является справедливой [56]. Но хлебнувшие военного лиха люди не всегда доверчиво относились к идеологической догматике. В политдонесениях зафиксированы многие случаи так называемых отрицательных высказываний, в том числе открытых. Начальник политотдела 8-го стрелкового корпуса полковой комиссар К.Арефьев докладывал в военный совет армии, как, например, красноармеец Дранолук (14-я рота 72-й стрелковой дивизии) «во время беседы о войнах справедливых и несправедливых задал вопрос - как считать войну СССР с Финляндией, а потом заявил, что «эта война несправедливая, она направлена на захват чужих земель, Финляндия нам не угрожала и лучше бы было не воевать с ней» [57].

Оппозиционные высказывания жестко и показательно пресекались, а тезис об исходной справедливости советских войн и далее активно использовался в военно-идеологической работе. В начале 1941 г. был подготовлен проект директивы «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 г.», в которой политработникам рекомендовалось не забывать разъяснять подчиненным, что «всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой» [58].

Таким образом, содержание морально-психологического обеспечения функционирования РККА, проводимых ею боевых действий отличалось сложным переплетением положительного и

отрицательного компонентов, а также преобладанием деформирующих военно-патриотическую мобилизацию негативных идеологических стереотипов.

Библиографический список

1. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Л. 59.
2. XVII съезд ВКП(б) [Текст]: стенографический отчет. – М., 1934. – С. 14.
3. См.: РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 205.
4. XVIII съезд ВКП(б) [Текст]: стенографический отчет. – М., 1939. – С. 15.
5. Там же. – С. 146, 204, 426.
6. См.: Правда. – 1938. – 16 февраля.
7. Непобедимая [Текст]: сборник стихов к 20-летию Красной Армии. – М.: Художественная литература, 1938. – С. 5-6.
8. Полевой Устав РККА 1936 г. (ПУ-36) [Текст]. – М., 1938. – С. 4; Полевой Устав РККА 1939 г. (ПУ-39) [Текст]. – М., 1939. – С. 6.
9. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории [Текст]. – М.: Воениздат, 1987. – С. 195.
10. См., напр.: Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст]. – М.: АПН, 1987. – Т. 1. – С. 43; Василевский, А.М. Дело всей жизни [Текст]. – М., 1983. – С. 97-98 и др.
11. Медовой, Б. От Суоми до Чечни [Текст] // Новое время. – 1995. № 8. – С. 35.
12. XVII съезд ВКП(б) [Текст]: стенографический отчет. – С. 12.
13. См.: Волгогонов, Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина [Текст]. – М.: АПН, 1990. Кн. II – С. 128.
14. См.: Другая война: 1939-1945 [Текст]. – М.: РГГУ, 1996. – С. 87.
15. См.: Бурцев, М.И. Прозрение [Текст]. – М.: Воениздат, 1981. – С. 21; Галицкий, В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.) [Текст]. – М.: Изд. дом «Грааль», 1997. – С. 100.
16. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Л. 59.
17. XVII съезд ВКП(б) [Текст]: стенографический отчет. – С. 235.
18. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 54. – Лл. 144-148.
19. См.: Там же. – Од. 61. – Л. 157.
20. Там же. – Оп. 36. – Д. 3890. – Л. 183.
21. Там же. – Оп. 40. – Д. 68. – Лл. 32, 44.
22. См.: Яковлев, Б.Н., Барабашин, И.П. Важнейшие даты героической истории Вооруженных Сил СССР [Текст]. – М.: Воениздат, 1958. – С. 102.
23. См.: Родина [Текст]. – 1991. – № 6-7. – С. 16.
24. См.: 1939 год. Уроки истории [Текст]. – М., 1990. – С. 289.
25. См.: Военно-исторический журнал [Текст]. – 1990. – № 1. – С. 86.

26. Как мы били японских самураев [Текст]: сборник статей и документов. – М.: Молодая гвардия, 1938. – С. 21.
27. Цит. по: Шкадов, Н.И. Озеро Хасана. Год 1938 [Текст]. – М.: Воениздат, 1988. – С. 29.
28. См.: Осьмачко, С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-1941 гг.) боевой опыт и военная политика [Текст]: монография. – Ярославль, 1999. – С. 213-214.
29. См.: Речь по радио Председателя СНК СССР тов. В.М.Молотова 17 сентября 1939 г. [Текст]. – М.: Политиздат, 1939. – 8 с.; РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 62. – Лл. 258, 259, 283.
30. Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 1.
31. Там же. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 73. – Лл. 52-53.
32. См.: Там же. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 188. – Лл. 32-34; Сувениров, О.Ф. Против репрессий в Красной Армии (1937-1940 гг.) [Текст] // Коммунист. 1990. – № 17. – С. 59.
33. РГВА. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 193. – Л. 52.
34. Там же. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 63. – Л. 62.
35. См.: Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 27.
36. Там же.
37. Там же. – Л. 15.
38. См.: Бои в Финляндии [Текст]. – М.: Воениздат, 1941. – Ч. 2. – С. 134.
39. См.: РГВА. – Ф. 34980. – Оп. 1. – Д. 1473. – Лл. 46, 51.
40. См.: Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 110. – Лл. 67, 85, 138.
41. См.: Правда. – 1938. – 4 февраля.; Великая Отечественная война 1941-1945 [Текст]: энциклопедия. – М., 1985. – С. 174.
42. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Лл. 58-59.
43. См.: Сувениров, О.Ф. Указ.соч. – С. 57.
44. См.: РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 14.
45. Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 486. – Л. 1.
46. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 660.
47. Партийно-политическая работа в боевой обстановке [Текст]: сборник документов, изданных во время освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию. – М.: Воениздат, 1940. – С. 14.
48. Цит. по: Носков, А.М. «Зимняя война», которой могло не быть [Текст] // Актуальные проблемы новейшей истории. – М.: Просвещение, 1991. – С. 108.
49. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2376. – Л. 44.
50. См.: Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 506. – Л. 254.
51. Там же. – Оп. 40. – Д. 68. – Л. 71.
52. Там же. – Л. 94.

53. См., напр.: Караев, Г. Разгром белофинского плацдарма [Текст]. – Л., 1941. – С. 37 и др.
54. См.: Калинин, Н. Советско-финляндская война и предательская политика английских лейбористов [Текст] // Вопросы истории. – 1950. – № 3. – С. 26-27.
55. Молотов, В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении [Текст]: сообщение Председателя СНК СССР и наркома иностранных дел на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. – М.: Политиздат, 1939. – С. 12.
56. См.: Хорьков, А.Т. Грозовой июнь: трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальный период Великой Отечественной войны [Текст]. – М., 1991. – С. 82.
57. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 506. – Л. 336.
58. Цит. по: Другая война: 1939-1945 [Текст]. – С. 126.

© В.В. Жарков

Реформирование политорганов накануне Великой Отечественной войны

Наращение угрозы военного нападения на Советский Союз вынудило военно-политическое руководство страны к увеличению Вооруженных Сил. Только за четыре года, начиная с 1937 г., численность армии возросла почти в три раза и составила более 5 млн. человек. Наконец пришлось отказаться от территориально-милиционной системы комплектования Вооруженных Сил и целиком перейти на кадровую основу.

Увеличение численности армии вновь привело к нехватке политработников, ослабило политработу, особенно среди рядового и младшего командного состава, вынудило руководство страны предпринимать новые организационные преобразования в целях преодоления угрозы, ослабления руководства Вооруженными Силами, снижения влияния партии в них. К тому же в связи с быстрым развертыванием Вооруженных Сил, репрессиями в армии большое число молодых командиров, часто не имевших достаточного опыта руководства войсками, выдвигались на более высокие должности. Многие из них были беспартийными.

Таким образом, большинство командного состава уже в 1933 г. являлось достаточно молодыми военнослужащими, не накопившими необходимого опыта военного руководства[1]. Ситуа-

ция была серьезно усугублена в середине – второй половине 30-х годов.

Одним из серьезнейших факторов, приведших к снижению боевой готовности и большой нехватке как командного, так и политического состава, стали репрессии, резко усилившиеся в 1934 г. после убийства С.М. Кирова.

К 1937 г. репрессии, особенно против партийных и политических работников, приняли массовый характер. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. И.В. Сталин, чтобы оправдать незаконные действия, навязал установку, что необходимо разоблачить политических «двурушников» и «врагов народа», указал на то, что допущено опоздание на несколько лет в их уничтожении. Нарком внутренних дел В.Д. Ежов отметил, что по намерению врага «свержение сталинского режима... может произойти... в результате дворцового... или военного переворота, могущего совершенным одним из красных генералов»[2].

14 июня 1937 г. был опубликован обращенный ко всему личному составу Красной Армии приказ наркома обороны СССР № 96 от 12 июня 1937 г., в котором указывалось, что с 1 по 4 июня 1937 г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при наркомате обороны СССР. На заседании был заслушан доклад К.Е. Ворошилова о якобы раскрытой наркоматом внутренних дел СССР «предательской контрреволюционной военной фашистской организации», которая будто бы являлась «строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии»[3].

Создание атмосферы «классовой» нетерпимости и всеобщей подозрительности предшествовало развертыванию репрессий против командного и политического состава РККА. В этой ситуации основное предназначение политработников стало сводиться к тотальному контролю над политической деятельностью, а уже потом к воспитанию.

28 ноября 1938 г., выступая на заседании Военного совета, К.Е. Ворошилов сообщил: «Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА. Я не стану здесь опубликовывать подробные числа. Они довольно внушительны. Чистка была проведена, радикальная и всесторонняя... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили более четырех десятков тысяч человек»[4].

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис по вопросу о «военном заговоре» заявил: «Ничто не должно ускользнуть от зоркого, большевистского глаза комиссаров. Они должны знать все, что делается в каждом уголке Красной Армии, быть верным проводником генеральной линии Сталинского Центрального Комитета и вместе с парторганизациями в корне пресекать возможную измену, оберегать нашу любимую армию от шпионов, следить, чтобы ни один враг не пробрался в наши ряды»[5].

Естественно, что политорганы также подверглись чистке. Были уничтожены все первые армейские комиссары, не выдержав ожидания ареста, покончил с собой начальник ПУРККА Я.Б. Гамарник. За один только год (1937 г.) из армии были уволены 1 469 политработников, в том числе по политическим мотивам – 1 045 человек; из них членов военных советов, начальников политуправлений военных округов и их заместителей – 18, военкомов корпусов – 16, военкомов дивизий – 57, военкомов училищ и морских соединений – 33 человека. К началу 1938 г. некомплект политработников составил 27% общей их потребности (10 341 человек), а некомплект высшего политсостава составлял 938 человек [6].

Уничтожение военной элиты перед войной оценивалось К.Е. Ворошиловым, его сподвижниками как фактор значительного усиления РККА. Выступая 4 июня 1937 г. на совещании командно-начальствующего состава, посвященном «военному заговору», нарком обороны заявил: «... мы смело можем сказать сегодня народу, очищаясь от всякой мерзости, от всяких подлецов, шпионов, мы поведем армию к победе... противник не посмеет шевельнуть своими войсками..., противник испугается, после потери своей агентуры..., противник будет больше бояться нашей армии»[7].

В своем выступлении на Военном совете наркомата обороны СССР по итогам боевой и политической подготовки за 1938 г. начальник Политического управления Л.З. Мехлис о состоянии политорганов говорил: «К началу 1938 г. по РККА был некомплект в политсоставе около 12 000 человек. За 9 месяцев 1938 г. уволено 2 340 человек, но это количество увеличивается в связи с открытием 16 окружных политучилищ, куда будут посланы 12 000 грамотных политруков с образованием 6 - 7 классов»[8].

В 1938 г. уволено из армии 3 176 политработников:

а) в связи с арестом – 265 чел.

б) исключенных из ВКП(б) – 982 чел.

в) участников антипартийных группировок - 187 чел.

г) по директиве Наркома обороны от 21 июня 1938 г. (поляки, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, китайцы и др.) - 363 чел.

д) по приговору суда, служебному несоответствию, неисправимых пьяниц, морально разложившихся – 879 чел[9].

В работе по очистке кадров политсостава (увольнение из армии, исключение из партии) имели место грубые ошибки и перегибы, главным образом в результате не критического отношения Военных Советов и Политуправления Красной Армии к материалам особых отделов.

Все эти мероприятия привели к падению авторитета командиров и начальников, что признали пришедший на смену Я.Б. Гамарнику начальник ПУРККА армейский комиссар I ранга П.А. Смирнов и сам И.В. Сталин. На совещании политсостава в августе 1937 г., отвечая на вопрос о том, как реагировала Красная Армия на раскрытие шпионских банд, П.А. Смирнов ответил, что на общем фоне положительных настроений «есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут главным образом по линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета огульно командирского состава. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей...[10]

В порядке исправления допущенных при увольнении политработников ошибок ПУРККА вернуло в армию в 1939 и 1940 годах 386 человек[11].

Создавшееся положение в политорганах и партийных организациях, состояние партийно-политического руководства стало предметом обсуждения на совещании руководящего состава Красной Армии, созванного ЦК ВКП(б) в начале мая 1937 г. На совещании было высказано предложение вновь ввести в армии военные советы, резко раздвинуть рамки института военных комиссаров, ввести его во всех корпусах, дивизиях, бригадах, а в ротах – институт политруков. Это, по мнению участников совещания, дало возможность усилить партийно-политическую работу и, прежде всего, укрепить партийные и политические органы и организации. Обсу-

див предложение участников совещания, ЦК ВКП(б) 8 мая 1937 г. признал необходимым создать в военных округах и армиях советы в составе трех человек (командующего войсками округа, армии и двух членов военного совета).

Планировалось ввести во всех войсковых частях, соединениях, штабах, управлениях, учреждениях Наркомата обороны СССР институт военных комиссаров, а в ротах и им равным подразделениям – политруков. Одновременно Наркомату обороны поручалось разработать и представить Положение о военных комиссарах. 7 июня 1937 г. приказом Наркома обороны командиры-комиссары были освобождены от функций комиссаров, а их помощники по политической части были назначены военными комиссарами[12].

В Уставе внутренней службы (УВС-37) были определены обязанности комиссара полка:

1) оградить полк от проникновения и появления в нем шпионов, диверсантов, вредителей и иных врагов народа, немедленно и решительно пресекая всякие действия, могущие нанести вред РККА;

2) строжайше следить за сохранностью военной тайны всем личным составом;

3) организовать и проводить политработу, воспитывая весь личный состав полка в беззаветной преданности партии Ленина и Сталина, социалистической Родине и советской власти, в духе пролетарского интернационализма в постоянной революционной бдительности;

4) повседневно и всесторонне изучать и знать личный состав, его настроение, нужды и запросы;

5) проводить необходимые политические мероприятия, обеспечивающие выполнение планов и задач боевой и политической подготовки[13].

Главным направлением в деятельности военных комиссаров было руководство политической работой. В Положении о военных комиссарах, утвержденном ЦК ВКП(б) 10 августа 1937 г., говорилось: «Для политического руководства и непосредственного проведения партийно-политической работы в войсковых частях, соединениях, учебных заведениях, учреждениях и управлениях РККА Народным комиссаром обороны СССР, по представлению Политического управления РККА, назначаются военные комиссары».

По существу, вводилась неполная форма единоначалия. Произошло разделение руководства на военное и политическое (командир руководил военной стороной жизнедеятельности части, а комиссар политической).

Введение института военных комиссаров было чрезвычайной мерой, вызванной конкретной исторической обстановкой. 12 августа 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте» в армии вновь вводится единоначалие. В нем говорилось, что, поскольку институт военных комиссаров выполнил свои задачи, а командные кадры за последние годы серьезно окрепли, в целях полного осуществления единоначалия упраздняется институт военных комиссаров и вводится институт заместителей командиров по политической части. Командир становился полномочным руководителем войск, нес полную ответственность и за политработу в частях[14]. Принятие последнего документа было вызвано, прежде всего, осмыслением недостатков военного строительства в свете итогов советско-финляндской войны. В Политдонесениях ПУРККА часто встречались высказывания о правильности введения единоначалия. Так, например в Политдонесении №0942 от 23 августа 1940 г. говорилось: «Бойцы, командиры и политработники с большим воодушевлением встретили Указ Президиума Верховного Совета СССР и приказ наркома как мероприятие, направленное на повышение боевой мощи могущества Красной Армии, на укрепление советской воинской дисциплины»[15].

К 1937 г. удельный вес молодых командных кадров в частях и соединениях составлял в стрелковых – 60%; танковых – 45%; авиационных – 25%; а в отдельных звеньях командного состава это обновление было еще большим[16].

В 1938 г. ЦК ВКП(б) для увеличения количества политработников решил привлечь к политработе наиболее проверенных и политически грамотных комсомольцев в качестве заместителей и помощников политических руководителей. Нарком обороны К.Е. Ворошилов о данном мероприятии говорил: «Партийные организации, военкомы частей... должны считать своей основной задачей подготовить комсомольцев, назначенных заместителями или помощниками политруков, чтобы они в ближайшее время стали полноценными политработниками сталинской закалки»[17]. Но данное

увеличение числа политработников не смогло коренным образом изменить сложившуюся ситуацию.

Рассматривая вопрос о численном составе Красной Армии, следует отметить, что в период с 1937 г. по 1940 г. ее штатная численность постоянно увеличивалась. Увеличение штатов поставило перед военным руководством задачу по их укомплектованию. Выступая на заседании Главного военного совета 27 июля 1939 г. по вопросу об укомплектованности разворачиваемых частей и соединений, начальник управления по начальствующему составу РККА Е.А. Щаденко указывал, что общая потребность разворачиваемых дивизий, управлений корпусов и авиаполков составляет 289 061 человек. Из них командного, политического и начальствующего состава – 73 811 человек; младшего командного – 67 000; рядового состава – 148 250.

Покрытие потребности в командно-политическом составе осуществлялась за счет выпуска из военных училищ лейтенантов и младших лейтенантов – 27 029 человек, а также за счет прошедших курсы младших лейтенантов – 22 тыс. человек.

Количество командного состава увеличивалось, а качество его подготовки оставалось невысоким. На 1 января 1941 г. списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579 581 человек, из которых 7,1% имели высшее, 55,9% - среднее, 24,6% - ускоренное военное образование и 12,4% вообще не имели военного образования[18].

Слабая подготовка офицерских кадров была обусловлена, прежде всего, недостаточным уровнем знаний, полученных в ходе обучения в военно-учебных заведениях. Условия деятельности военно-учебных заведений того периода были чрезвычайно сложными. Учебные программы в военных академиях и училищах часто составлялись некомпетентными людьми. «В училищах, как теперь выяснилось, - писал в справке-докладе Е.А. Щаденко 20 марта 1940 г. – преступно растрчивалось учебное время, только 66% выделялось на обучение и необходимые виды работ, остальное время (127 дней в году) уходило на отсутствие организованности, перерывы, отпуска и праздники»[19].

В газете «Красный боец» критиковался отрыв красноармейцев от занятий: «План боевой и политической подготовки есть нарушимый закон, поэтому все надо подчинять интересам боевой учебы.

Ни в коем случае нельзя проходить мимо фактов отрыва бойцов на различные работы. Тот, кто еще продолжает мириться с недостатками в организации учебы, кто под различными предложениями отрывает людей от боевой учебы, тот не выполняет важнейшие приказы, совершает прямое преступление»[20]. В действительности отрыв личного состава от занятий превратился в серьезную проблему. Так, например, в сводках ПУРККА часто встречались доклады о данных нарушениях: в 34-й стрелковой дивизии на всех электростанциях и подсобных хозяйствах частей дивизии работают красноармейцы; в 102-м стрелковом полку красноармейцы работают буфетчиками, в роли уборщиц в комнатах приезжих, командование частей не старается заменить эти работы вольнонаемными. Командир 100-го стрелкового полка т. Ищенко заявил: «Если я сниму красноармейцев с подсобного хозяйства, то я пойду под суд, потому что хозяйство развалится. А если оставлю их там, то за невыполнение приказа Наркома получу взыскание. Поэтому лучше последнее»[21].

Отсутствие плановой подготовки кадров политических работников, а также необоснованные репрессии привели к тому, что к началу 1938 г. в вооруженных силах не хватало более 10,5 тыс. человек, что составляло почти 30% их штатной численности. Некомплект политических работников старшего звена составлял около 50% от штата, а высшего - более 50%. Одновременно с 1934 г. по 1939 г. снизился удельный вес политработников с высшим и средним военно-политическим образованием в два раза.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому в конце декабря 1937 г., наряду с Политическим управлением Рабоче-Крестьянской Красной Армии в составе Народного комиссариата РККФ создается другой центральный военно-политический орган Вооруженных Сил – Политическое управление Рабоче-Крестьянского Красного флота, на правах военно-морского отдела ЦК ВКП(б). Его основой послужил морской отдел ПУРККА. Политическое управление РККФ состояло из отделов руководящих партийных органов, партийной пропаганды, агитации и печати, кадров и снабжения, а структура ПУРККА к 1939 г. приобретает новую отлаженную систему[22].

В начале 1938 г. по решению ЦК ВКП(б) Военно-политической академии было присвоено имя В.И. Ленина и принято решение о переводе в Москву. Одновременно принимались ме-

ры по улучшению ее работы, укреплению преподавательского состава. В 1938 г. набор слушателей в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина по сравнению с предыдущим годом был увеличен в три раза[23]. В этот год был проведен прием на курсы преподавателей, на которые принимались члены ВКП(б) – преподаватели военных и военно-политических училищ, инструктора пропаганды, партийно-политические работники РККА, а также коммунисты гражданских парторганизаций в возрасте не старше 40 лет.

В 1939 г. по инициативе ПУРККА была расширена сеть вечернего и заочного факультетов при Военно-политической академии им. В.И. Ленина и ее филиалов в Ленинграде, Киеве и Смоленске[24].

В 1938-1939 гг. создается 6 обычных военно-политических училищ с двухгодичным сроком обучения и 18 окружных военно-политических училищ с годичным сроком обучения. Создание новых учебных заведений позволило в короткий срок дать всем политрукам среднее военно-политическое образование по сокращенной программе[25].

Согласно справке ПУРККА, количество слушателей и курсантов, обучающихся в военно-политических учебных заведениях и на курсах РККА, на 5 марта 1939 г. составляло 11 092 человека. Из них 1396 человек обучались в Военно-политической академии им. В.И.Ленина, 3 595 – в обычных военно-политических училищах, 1625 – в 16 окружных военно-политических училищах, остальные – на различных военно-политических курсах[26].

Военно-политических учебные заведения составляли по численности почти 20% всех сухопутных войск. Наряду с расширением старых и созданием новых средних и высших военно-учебных заведений образуется широкая сеть курсов переподготовки. Кроме ранее существовавших двух курсов по усовершенствованию политсостава, открываются новые курсы для подготовки комиссаров.

Содержание подготовки на курсах было определено директивой ПУРККА № 8 от 7 января 1939 г. В число обязательных предметов для изучения в военно-политических училищах входили:

1) История СССР (для ее изучения выделялось 100 часов учебного времени).

2) История ВКП(б) (220 часов).

3) Партийно-политическая работа в РККА (30 часов).

4) Методы борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры (30 часов)[27].

Главным недостатком курсовой подготовки являлось то, что она была сокращенной; предметы давались в недостаточном объеме; учебный процесс не был обеспечен необходимым инвентарем и литературой.

Следующим шагом, позволившим увеличить численность политработников и укрепить кадры политсостава, стало введение института заместителей и помощников политруков. Подбор и утверждение заместителей и помощников политруков ЦК ВКП(б) возложил на военных комиссаров и начальников политотделов дивизий. На должности заместителей политруков подбирались наиболее политически грамотные, подготовленные для вступления в партию комсомольцы, помощниками политруков выдвигались менее подготовленные комсомольцы. В последующем по мере политического и военного роста помощники назначались заместителями политруков.

В начале апреля 1938 г. по предложению Главного военного совета ЦК ВКП(б) решил отобрать 5000 лучших заместителей и помощников политруков, зачислить их в кадры и послать на курсы младших политруков. В 1939 г. шестимесячные курсы младших политруков прошли около 9 тыс. заместителей политруков[28].

11 января 1939 г. начальник Политического управления РККА отправил в военные училища телеграмму, в которой говорилось: «Всех членов и кандидатов партии из числа выпускающихся лейтенантов и воентехников задержать в училище до особого распоряжения за исключением назначенных на политработу»[29]. Смысл данной телеграммы заключался в том, чтобы решить проблему укомплектованности штатов политработников за счет выпускников не политических училищ.

Для повышения прослойки коммунистов в политорганах и решения проблемы укомплектованности армии политработниками 29 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) издал постановление «Об отборе 4000 коммунистов на политработу в РККА», в котором предлагалось провести призыв кадров политработников запаса. Отобранные коммунисты должны были быть политически проверенными, физически здоровыми, в возрасте не старше 35 лет для

высшего политсостава, 30 - для старшего и 25 - для среднего политсостава, с образованием в объеме не ниже средней школы[30].

Все эти меры обеспечили значительное увеличение кадров политсостава. В середине 1940 г. в Красной Армии имелось более 70 тыс. политработников - почти в три раза больше, чем в 1937 г. Всего за два года, в основном в 1938 - 1939 гг., было назначено более 41 тыс. политработников. Однако, несмотря на принятые меры, полностью устранить некомплект политсостава в армии не удалось. Серьезнейшей проблемой оставалась квалификация политработников, большинство из которых за год по несколько раз выдвигались на все более ответственные должности, не имея достаточного опыта работы.

Библиографический список

1. РГВА. - Ф.9. - Оп.29. - Д.12. - Л.210.
2. Вопросы истории [Текст]. - 1992. - №4-5.
3. См.: Красная звезда [Текст] - 1937. - 14 июня.
4. Ворошилов, К.Е. Статьи и речи [Текст]/ К.Е. Ворошилов. - М.: Партиздат, 1936. - С.242.
5. XVIII съезд ВКП(б). 10 - 21 марта 1939 г. Стенографический отчет. - М.: Политиздат, 1939. - С.274.
6. См.: Комал, Ф.Б. Военные кадры накануне войны [Текст] / Ф.Б. Комал // Военно-исторический журнал. - 1990. - № 2. - С.23.
7. РГАСПИ. - Ф.17. - Оп.3. - Д.391. - Л.182.
8. Известия ЦК КПСС [Текст]. - 1990. - № 3. - С.190.
9. Там же. - С.193.
10. РГВА. - Ф.9. - Оп.29. - Д.318. - Л.23-24.
11. Известия ЦК КПСС [Текст]. - 1990. - № 3. - С.193.
12. См.: Петров, Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918-1968 гг.) [Текст] / Ю.П. Петров. - М.: Воениздат, 1968. - С.238.
13. Партийно-политическая работа в РККА [Текст]. - 1938. - №5. - С.29-30.
14. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. [Текст] - С.289.
15. РГВА. - Ф.9. - Оп.36. - Д.4201. - Л.1.
16. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. [Текст]. - Т.1. - М., 1961. - С.100.
17. Партийно-политическая работа в РККА [Текст]. - 1938. - №4. - С.41.
18. Комал, Ф.Б. Указ. соч. [Текст]. - С.28.

19. Цит. по: Анфилов, В.А. Дорога к трагедии сорок первого года [Текст] / В.А. Анфилов. – М., 1997. – С.69.
20. РГВА. – Ф.9. – Оп.29. – Д.374. – Л.118.
21. Там же. – Д.351. – Л.40.
22. См.: Тельпуховский, Б.С. Указ. соч. [Текст] – С.130.
23. См.: Петров, Ю.П. Указ. соч. [Текст] – С.247.
24. РГВА. – Ф.9. – Оп.29. – Д.349. – Л.188.
25. См.: Политорганы Советских Вооруженных Сил [Текст] – С.169.
26. См.: Петров, Ю.П. Указ. соч. [Текст] – С.248.
27. РГВА. – Ф.9. – Оп.29. – Д.410. – Л. 520.
28. См.: Там же. – Д.414. – Л.249.
29. Там же. – Оп.40. – Д.60. – Л.91.
30. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. [Текст]. – С.287.

© Е.В. Воронова

Формирование образа врага в действующей армии (опыт РККА 1929-1941 гг. и современность)

Важной задачей системы воспитательной работы в армии является формирование **образа врага**. Под ним мы понимаем *сформированное у военнослужащих конкретное представление о субъектах возможного или происходящего военного противостояния.*

Содержание этого понятия в определенной степени условно можно разделить на две части:

- а) политическую;
- б) военно-техническую.

Политическая составляющая образа врага включает перечисление и характеристику государств, армий, партий, классов, социальных групп, отдельных лиц, которые признаются в качестве военного противника. *Военно-техническая составляющая* содержит сведения о способах ведения боевых действий и вооружении армии противоборствующей стороны.

Во второй половине 30-х гг. при создании образа врага политическая сторона превалировала над военно-технической. Тому свидетельство - запреты на открытый анализ тактики и техники противника, уголовное преследование за его положительные оценки и критику своих действий, профилактика «неправильных», «неблагоприятных» высказываний и пр.

Интернационалистские лозунги военных кампаний привели к тому, что в политическом отношении образ врага выглядел конкретно: к нему относились эксплуататоры всех мастей (представители госаппарата, офицерство, духовенство, капиталисты, крупные собственники и пр.). Трудящиеся массы (рабочие, крестьяне-бедняки и пр.) представлялись союзниками наступавшей Красной Армии. Первых надлежало ненавидеть, вторым – «протягивать руку помощи».

История межвоенного периода знает разные проявления образа врага в боевых действиях. Например, в 1929 г. на КВЖД захваченные в плен китайские трудящиеся были буквально обласканы советской властью (приезд в Хабаровск, совместные митинги, свободный труд на производстве, встречи с руководством и пр.). На Хасане и Халхин-Голе японские солдаты представлялись запуганными и неразвитыми личностями, которые часто «спаивались» перед атакой. Однако большие потери на Хасане, неудачи начального периода боев на Халхин-Голе, стойкость японцев в бою заставили многих наших военнослужащих врасплох, дезориентировали их, привели к сомнению и неверию. А это всегда прямо сказывается на боеспособности войск.

Военные действия Красной Армии в Западных Украине и Белоруссии осуществлялись без серьезного военного противодействия со стороны армии Польши. Газеты, листовки, первые издания тех лет изобилуют следующими фактами: мол, стрельбу по нам вели группы офицеров, ксендзы, помещики, кулаки и т.п. Естественно, что армия активно включилась в военно-политическую борьбу за новые земли. А бороться было с кем. 21 сентября 1939 г. Г.И.Кулик по прямому проводу сообщил И.В.Сталину: «Интеллигенция и торговцы встречали Красную Армию сдержанно, - и далее».

Наши люди, выделенные для организации власти на местах ... сильно отстают от темпов продвижения, и часто в больших городах власть организовывалась через 1-2 суток после прихода войск» [1].

Все территории делились на оперативные участки, контролируемые спецгруппами НКВД при поддержке армейских частей. Так, в районе Перемышля начальником оперативного участка № 6 был начальник опергруппы НКВД старший лейтенант госбезопас-

ности Белоцерковский, которому помогали уполномоченный ЦК КП(б) Украины Марченко и командир полка РККА Шерстов [2].

При выборах в Украинское народное собрание Украинский фронт выделил 7200 чел. агитаторов, председателей 148 окружных и 848 участковых избирательных комиссий. Вот примеры их работы из армейских политдонесений: «В селе Бугряк классово враждебные элементы пытались выдвинуть в народное собрание женщину Сидорчук. При помощи агитаторов 36 танковой бригады кандидатура Сидорчук была провалена, и вместо нее выдвинута кандидатура тов. Назаровой - дочь крестьянина-бедняка», или: «Большинство избирателей при помощи наших агитаторов разоблачает классово враждебные элементы. Принимаются меры органами НКВД» [3].

Сегодня характер мер НКВД против «враждебных элементов» хорошо известен. Но мало известно, что армейские карательные органы также внесли свой вклад в чистку новых земель. 3 октября 1939 г. Политбюро ЦК КП(б) предоставило военным советам Украинского и Белорусского фронтов право «утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих бывшей польской армии» [4]. Вот, например, данные военных прокуратур Украинского фронта:

сводка № 9 от 9 октября 1939 г. сообщает, что расстреляны 6 человек – Беджинский (агент полиции, доносивший на коммунистов), Саар (полицейский, лично арестовывавший коммунистов), Кравец (агент тайной полиции), Зедионко-Зеденко (выдавал революционно настроенных рабочих), Ю.А. Лесняк (старший пострунковый полиции, разгонял первомайскую демонстрацию), Л.М. Дубовик (28 лет работал в полиции);

сводка № 11 от 12 октября 1939 г. сообщает, что расстреляны М.И.Непокульчинский, И.И.Иванец, а Ф.Э.Собецкий и Т.Слива осуждены на 8 лет каждый (все - агенты тайной полиции);

сводка № 10 от 13 октября 1939 г. сообщает о расстреле 6 полицейских агентов (Б. Грефнер, В. Кушной, А. Раневский, С. Паньков, М. Стадник и др.);

20 октября 1939 г. 53-й военный трибунал 25-го танкового корпуса приговорил к расстрелу граждан села Подзверинец Львовского воеводства П.И.Толочко и Ф.И.Толочко (крестьяне-бедняки, активно боровшиеся с революционным движением);

27 сентября 1939 г. по приговору 437-го военного трибунала 6-й армии был расстрелян старший пострунковый уголовной полиции С.Ф.Гломба, а по приговору военного трибунала Украинского фронта – тайные агенты Т.П. Сакалюк, П.И. Кубай, Я.Я. Мира, К.Т.Корчак, С.К. Булинский и пр. [5] Это перечисление можно продолжать достаточно долго.

Репрессивное настроение зачастую заражало наступавшие части. В политдонесениях немало упоминаний о «самочинных расстрелах» в полосах движения обоих фронтов. Начальник политического управления Белорусского фронта в директиве № 3 от 24 сентября 1939 г. признал, что «наблюдались случаи саморасправ, не разбираясь тщательно, что это за люди» [6].

Особенно неблагоприятная ситуация с образом врага наблюдалась в ходе войны с Финляндией. У личного состава Красной Армии, участвовавшего в боях, поначалу просто не было четких представлений о финской армии. Финны воевали самоотверженно и умело. Это приводило в замешательство наших воинов, сориентированных на освободительные действия и ожидавших другого от «простых солдат». Неподготовленность к перенесению тягот войны понизила эффективность боевых действий. К.А.Мерецков, докладывая на совещании у наркома обороны об итогах советско-финляндской войны, признал: «Победа стоила нам больших человеческих жертв ... Мы недооценивали противника ..., совершенно не знали способа ведения им боя» [7].

Поправлять положение дел пришлось прямо по ходу боев: на вооружение агитационно-пропагандистской, всей партийно-политической работы были взяты тезисы о Финляндии как об агрессоре, о коварстве и жестокости финнов. Но время было упущено: морально-психологическое состояние действующей армии было деформировано неверными исходными установками псевдоинтернационалистского содержания. В солдатской среде множились слухи, появлялись недоверие к приказам, подозрительность, что, в свою очередь, приводило к нервозности и излишним потерям [8].

Таким образом, в рассматриваемый период при ведении боевых действий политработникам не удалось внедрить в сознание военнослужащих законченный и адекватный образ врага. Причиной тому являлось, прежде всего, исходное преобладание интерна-

ционалистских пропагандистских установок над патриотическими, недостатки в пропаганде военно-технических знаний.

Библиографический список

1. РГВА. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 7. – Лл. 4, 5.
2. См.: Там же. – Д. 188. – Л. 298.
3. Там же. – Лл. 96, 98, 122.
4. Другая война: 1939-1945 [Текст]. – М.: РГТУ, 1996. С. 266.
5. См.: РГВА. – Лл. 155, 205, 231, 236, 1239, 264, 271, 273, 275.
6. Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 16.
7. Там же. – Ф. 34980. – Оп. 1. – Д. 1478. – Л. 37.
8. См.: Осьмачко, С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст]: монография. – Ярославль, 1999. – С. 111.

© *М.В. Новиков, С.В. Стяжкин*

Борьба с немецкой агентурой на территории Ярославской области в 1941-1942 году

В 1941-1942 годах линия фронта не достигла границ Ярославской области, однако на ее территории происходили многочисленные сражения “тайной” войны, в которых участвовали сотрудники ярославских органов госбезопасности.

Задачи и методы работы немецких спецслужб существенно менялись и зависели от военно-политической обстановки, складывающейся на советско-германском фронте. В первые месяцы они вытекали из стратегической доктрины “молниеносной войны”. Исходя из предположения о скоротечности вооруженной борьбы с Советским Союзом, немецкая разведка сводила свои задачи к обеспечению фашистского командования информацией о советских войсках в районе военных действий. К тому же в первые месяцы войны командование гитлеровских войск не придавало решающего значения сведениям, поступающим от агентурной разведки. В его распоряжении имелось большое количество данных, полученных из показаний пленных и захваченных штабных документов. Превосходство в воздухе позволяло эффективно использовать возможности авиационной разведки. Все это помогало составить довольно полную картину боевой обстановки.

Военной разведке, которой в это время принадлежала главная роль в деятельности немецких спецслужб, в соответствии с планами в первые месяцы войны было предписано вести подрывную работу в рядах Красной Армии, в армейских и фронтовых тылах и ближайшем окружении войсковых частей. Упор делался на работу по разложению советских войск и диверсионные акты — взрывы, поджоги, террор по отношению к командному составу в целях сеяния паники, деморализации войск и местного населения.

С началом военных действий впереди вражеских войск двигались абверовские шпионы, диверсанты и террористы, в задачу которых входили сбор и немедленная передача командованию данных о наличии советских войск, их вооружении, о системе оборонительных сооружений, а также о совершении диверсионных и террористических актов. Они делали все, что необходимо для успешного проведения наступательных операций против советских вооруженных сил, каждая общевойсковая армия вермахта имела десятки таких заранее подготовленных агентов абвера. Их подготовка велась еще до войны, а за несколько месяцев до нападения на Советский Союз были дополнительно созданы абверовские школы в местечке Брайтенфурт (вблизи Вены) и в местечке Мишен (около Кенигсберга). Одновременно в каждой школе обучались 100 агентов.

В докладной записке верховному командованию от 4 июля 1941 года, то есть уже через две недели после начала войны, руководитель абвера адмирал В. Канарис сообщал: “В распоряжение штабов немецких армий направлялись многочисленные группы агентов из коренного населения — из русских, поляков, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. п. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное советское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были просачиваться в тыл на глубину 50–300 километров перед фронтом наступающих немецких армий с тем, чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником” [1].

В самые первые месяцы войны на территории СССР действовала агентура, подготовленная абвером еще до начала военных действий. В основном это были белогвардейцы, антисоветски на-

строенная молодежь из белоэмигрантской среды. Они плохо знали новую обстановку в стране, их выдавали иностранный акцент, старые понятия, взгляды, отдельные вышедшие из употребления слова и выражения. В начальный период войны, продолжая рассчитывать на быструю победу, абвер, выполняя указания руководства, не обращал внимания на качественную подготовку агентуры, т. к. забрасывал ее за линию фронта на короткое время (10—15 суток) и для выполнения разовых заданий.

По мере развития военных действий немцы стали перебрасывать через линию фронта свою агентуру из числа жителей захваченных территорий и пленных красноармейцев с заданием проводить диверсионную работу в нашем тылу, разведывать расположение советских частей, ракетами сигнализировать немецким самолетам о пунктах дислокации воинских соединений, распространять панические и провокационные слухи о мощи германской армии, о якобы высаженных воздушных десантах, о якобы хорошем отношении немцев к пленным и населению, уговаривать красноармейцев сдаваться в плен, а население - оставаться на своих местах и не уничтожать продовольствие и имущество.

Начиная с осени 1941 года, отмечаются факты, свидетельствующие о проведении разведывательно-подрывной деятельности в Ярославской области. В октябре 1941 г. Управление НКВД ЯО отметило, что имеют место факты распространения профашистской агитации ярославцами, которые в свое время были посланы на строительство оборонительных сооружений в район Валдая и попали в немецкое окружение. Например, отправленный на строительные работы житель Ярославля Сегорин попал в плен, во время одного из допросов немецкий офицер пообещал в случае выполнения задания назначить его управляющим фабрикой. После согласия проводить подрывную работу в тылу Красной Армии ему дали задание разбирать железнодорожное полотно, рвать телефонные и телеграфные провода, убивать партийных и советских руководителей, распространять слухи о том, что немцы хорошо обращаются с мирным населением и пленными. После этого Сегорин был переправлен через линию фронта и прибыл в Ярославскую область, где попал в поле зрения органов госбезопасности и был арестован.

После своего ареста в октябре 1941 года работавшая на строительстве оборонительных сооружений Смолина о своем пре-

бывании в плену сотрудницам УНКВД ЯО рассказала: "... на допросе немецкий офицер спрашивал меня о том, кто я такая и как попала на линию фронта. Я попросила офицера, чтобы отпустили меня домой. Кончив меня допрашивать, офицер сказал, что мы тебя освободим и направим домой, но за это по приезду в Советский Союз ты должна ... говорить населению о том, что немцы к русским относятся хорошо. Это предложение я приняла, у меня офицер взял подписку и отправил на передовую для переброски в тыл Красной Армии ... возвратившись к себе на родину ... я говорила населению, что немцы над русскими не издеваются, кормят их белым хлебом и маслом, что у немцев жить хорошо. А на самом деле немцы к русским относятся плохо и над ними издеваются, и это я испытала на себе, так как за время пребывания в плену немецкие солдаты меня два раза изнасиловали и никакого белого хлеба и масла мне не только не давали, но этого у немцев я вообще не видела, немцы даже отобрали личные вещи".

Приведенные примеры свидетельствуют, что к проведению разведывательно-подрывной деятельности в этот период немецкие спецорганы в соответствии с указаниями своего политического и военного руководства, уверенного в скорой победе, относились упрощенно. Упор делался на массовую засылку неподготовленной агентуры в надежде, что кто-нибудь выполнит задание.

Однако развитие событий на советско-германском фронте не соответствовало намеченным гитлеровцами планам. В числе первых это отметили руководители военной разведки. В сентябре 1941 г. Канарис совершил инспекционную поездку на Восточный фронт. Увиденное им убедительно доказывало, что военная машина, столкнувшись с невиданным героизмом бойцов Красной Армии, начала пробуксовывать и необходимо вносить коррективы в задачи и организацию разведки. Взяв на себя ответственность, Канарис принимает решение скорректировать указания руководства вермахта. Наметился поворот в использовании сил и средств разведки. Был издан приказ, обязывающий все подразделения абвера принять меры по наращиванию разведывательной активности за пределами прифронтовой полосы, переносить ее и в глубину советского тыла. Агентура стала проходить подготовку, хоть и ускоренную. Фашистская разведка приступила к созданию школ и курсов с массовым обучением шпионажу, диверсиям и радиodelу для забро-

ски в наши тылы разведывательно-диверсионных групп на более длительные сроки.

В конце 1941 года ярославскими чекистами был арестован бывший боец Красной Армии Чуркин, который с 12 октября по 10 ноября 1941 года находился в плену. Там он и был завербован для проведения разведки не только в районе действия передовых частей Красной Армии, выясняя их численность и вооружение, но и в более глубоком тылу, где должен был собирать сведения о строительстве оборонительных сооружений, о чем дал письменное обязательство.

Обстановка на невидимом фронте стала резко меняться с начала 1942 г. Крах фашистского блицкрига означал необходимость ведения затяжной войны. К такой войне Германия готова не была. Для составления планов немецкому генеральному штабу потребовались новые, и притом исчерпывающие разведывательные данные о Красной Армии и возможностях советского военно-промышленного комплекса. Задачи, которые ставились перед немецкой агентурой, теперь стали более сложными. Это потребовало ее качественной подготовки перед заброской. В отличие от прошлого года, когда германская разведка бросала в наши тылы наспех завербованных шпионов, диверсантов, распространителей провокационных слухов и пропагандистов “силы и мощи германской армии”, значительная часть перебрасываемой германской агентуры была обучена в специальных школах разведчиков и диверсантов и забрасывалась через линию фронта на самолетах группами.

Важное значение для снабжения армии и осуществления широкого маневра войсками в ходе подготовки и проведения военных операций имели транспорт и проходившие по территории Ярославской области коммуникации. Здесь был сосредоточен большой военно-промышленный потенциал. Эти факторы обусловили повышенное внимание к региону со стороны немецкого руководства и его специальных служб. На территорию области стали забрасываться подготовленные агенты-парашютисты. Судя по имеющимся документам, первые немецкие агенты-парашютисты для проведения подрывной деятельности в Ярославской области были заброшены в феврале 1942 г., последние – в январе 1945 г. Забрасывались как группы парашютистов, так и агенты - одиночки.

Первыми в Ярославской области появились агенты-

парашютисты, направленные в наш тыл абверкомандой – 104, которая находилась в Пскове. 28 февраля 1942 г. после двухмесячной подготовки в разведывательной школе, находящейся в гор. Валга (Эстония) с аэродрома гор. Пскова на самолете в район станции Пестово Ленинградской области были переброшены три вражеских разведчика из числа пленных командиров Красной Армии: Макин, Ширин, Петров. Выполняя задание, они прибыли в Ярославль, где устроились жить на частную квартиру. Перед этой группой абвер поставил задачи: установить наличие воинских соединений в Ярославле, выяснить численность личного состава и имеющееся вооружение, наличие артиллерии и танковых частей, пропускную способность и загруженность Ярославского железнодорожного узла, направление и характер грузов, состояние и характер промышленности в Ярославле, ее загруженность и обеспеченность сырьем, а также политическое настроение населения. Для связи с разведцентром имелась радиостанция. 4 марта 1942 г. агенты приехали в Ярославль. На базаре парашютисты познакомились с девушкой, рассказали, что прибыли после ранения на фронте, и попросили устроить их в городе. Их поселили на квартире матери девушки, где они жили два дня. 6 марта 1942 г. Петров явился с повинной в органы безопасности, а остальные были арестованы. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 25 июля 1942 г. Макин был осужден к высшей мере наказания (ВМН). Приговор приведен в исполнение. Ширин военным трибуналом Московского военного округа также был осужден к ВМН, но по постановлению Президиума Верховного Совета СССР расстрел заменили ему 20 годами каторжных работ. В 1956 г. он был амнистирован. Петров также был осужден, но фактически наказание не отбывал.

18 марта в Рыбинске была арестована Н.В. Фомичева. В ходе следствия было установлено, что она, будучи сандружинницей на Калининском фронте, в ноябре 1941 г. попала в плен, была завербована и направлена в школу диверсантов, расположенную в одном из селений недалеко от Ржева, где изучала формы и методы разведывательной и диверсионной работы. В марте была переброшена через линию фронта с заданием поселиться в Рыбинске и вести диверсионную работу на предприятиях оборонного значения. В ходе следствия назвала ряд лиц, подготовленных для переброски в наш тыл, которые были объявлены в розыск.

В апреле 1942 г. в Даниловском районе арестовали группу в составе Горева, Воробьева и Соловьева. В ходе следствия было установлено, что все они в сентябре 1941 г. добровольно перешли на сторону врага. Воробьев вступил в карательный отряд и участвовал в борьбе с партизанами. Горев по заданию германской разведки выявлял партизан и советских активистов, действовавших в тылу врага. В январе 1942 г. они были переброшены с заданием проникнуть в части действующей Армии для проведения подрывной работы, призывая переходить на сторону врага.

В мае 1942 г. в Пречистенском районе были арестованы Крутиков и в Первомайском - Кузнецов. Они отбывали наказание в исправительно-трудовой колонии в Западной Белоруссии, где были освобождены немцами, дали согласие перейти линию фронта, осесть в Ярославской области у своих знакомых и родственников и вести пораженческую агитацию. После этого немцы снабдили их пропусками и обеспечили переход через линию фронта.

В марте – апреле Ярославль и Рыбинск оказались в перечне городов, куда была выброшена основная часть вражеских военных разведчиков-парашютистов с радиостанциями и задачей собирать сведения о находящихся в этих пунктах частях Красной Армии, их вооружении, степени обученности, национальном и возрастном составе, о характере и количестве воинских перевозок по железнодорожным магистралям и особенно перевозок иностранной техники, поступающей из Архангельска, обеспеченности личного состава красноармейских частей и населения противохимическими средствами и о работе промышленности на оборону.

20 марта 1942 г. на самолете в Переславский район был заброшен Тищенко, окончивший Варшавскую разведывательную школу. Расскажем о поисках его подробнее. В конце марта – начале апреля 1942 г. в УНКВД по Ярославской области поступило сообщение из УНКВД Ивановской области о том, что по показаниям задержанного агента – парашютиста на территорию нашей области заброшен немецкий агент Михаил Тищенко (кличка “Яворов”), и из УНКВД Челябинской области о том, что в районе г. Переславля выброшен агент по имени Михаил (кличка “Яворов”), внешние приметы которого совпадали с упоминаемыми в сообщении ивановских чекистов. В розыск агента включились все городские и районные отделения НКВД Ярославской области. Одним из основ-

ных мест, где мог обосноваться парашютист, был Переславский район. Это предположение основывалось на том, что в конце марта в лесную сторожку Бармазово Переславского района зашел человек в форме лейтенанта Красной Армии и попросился отдохнуть, пояснил, что идет из госпиталя к родственникам в Кострому. Лесник Новицкий разрешил. Через полтора часа командир ушел. Новицкий сообщил о незнакомце в Переславское РО НКВД, начальник которого просил при повторном посещении лейтенанта поставить его в известность. Между тем агент, спрятав в лесу радиостанцию, направился для выполнения разведывательного задания в Кострому, где служил ранее. Около недели он прожил на квартире своего бывшего сослуживца, собирая сведения об эвакуированной из Ленинграда Военно-транспортной академии и военных лагерях в районе пос. Песочное, где происходило формирование частей для отправки на фронт. Для передачи собранных сведений он возвратился в Переславский район. Тищенко чуть не попался в дер. Хмельники, где переночевал у колхозницы Евдокии Шаренговой. Военный показался ей подозрительным, о чем она сообщила председателю колхоза Варульникову. Председатель оказался не таким бдительным и, предположив, что офицер пришел с расположенного неподалеку поста ВНОС, никаких мер не стал предпринимать.

10 апреля 1942 г. вражеский агент снова появился в сторожке, где переночевал, и ушел 11 апреля. Лесник Новицкий сообщил о незнакомом военном в Переславское РО НКВД, но высланные для задержания сотрудники обнаружить его не смогли. Были разработаны и осуществлены дополнительные мероприятия, направленные на задержание немецкого агента. В Переславль командировали группу оперативных работников из областного управления НКВД, которая провела тщательное обследование предполагаемого места приземления парашютиста. В 27 километрах от Переславля под снегом была обнаружена немецкая портативная радиостанция. На путях возможного движения парашютиста были выставлены засады. Осуществлялась тщательная проверка всех подозрительных лиц в поездах и на автотранспорте. В это время агент был далеко. Передав две радиограммы, он 12 апреля выехал в Москву, где прожил неделю в квартире своего бывшего сослуживца, а затем уехал к своей знакомой в Нарофоминский район. После этого вражеский разведчик направился в Смоленскую область, где чудом

избежал провала. Он был задержан и трое суток проверялся Особым отделом НКВД по 108 стрелковой дивизии. Отлично изготовленные фиктивные документы, свидетельствовавшие о нахождении Тищенко в отпуске после лечения в госпитале, и добротная легенда помогли выкрутиться. Агент поспешил возвратиться к своей базе в Переславский район, где его уже ждали засады. 11 мая 1942 г. Тищенко был задержан в лесу, когда шел к радиостанции.

В результате следствия было установлено, что бывший командир роты связи лейтенант Тищенко 27 июля 1941 г. попал в плен на Северо – Западном фронте, дал согласие работать на немецкую разведку и с 1 декабря 1941 г. проходил курс обучения в разведывательной школе под Варшавой. По окончании школы был доставлен на Минский аэродром, где заместитель начальника школы вручил радиостанцию, пистолет с патронами, деньги, фиктивные документы, компас, часы и продукты. Тищенко получил разведывательное задание и 20 марта 1942 г. был выброшен с самолета в 18 км от Переславля. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 3 июня 1942 г. Тищенко приговорен по ст. 58 – 1 “б” УК РСФСР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение публично на месте его приземления в Переславском районе.

Осенью активность вражеских спецслужб в Ярославской области существенно возросла. Перед абвером в новых условиях были поставлены задачи:

- наладить снабжение высшего политического и военного руководства информацией, которая позволила бы разгадать замыслы советского командования. В отличие от предвоенного инструктажа Йодля теперь ставилась задача разведывательного изучения перемен в инфраструктуре противника на гораздо большую глубину. Заговорили о необходимости добывать данные обо всем, что касалось мобилизации и стратегического развертывания резервов вооруженных сил СССР, их морального состояния, уровня дисциплины и выучки;

- во взаимодействии с СД развернуть активную диверсионную деятельность в промышленности и на транспорте с целью разрушения коммуникаций, транспортных узлов, вывода из строя шахт, электростанций, оборонных заводов, хранилищ горюче-смазочных материалов, продовольственных складов.

1 сентября 1942 года с самолета “Юнкерс-88” в районе дер. Красково Мышкинского района были выброшены три агента – парашютиста: Падиаров, Ермилов, Куршанов. Все они обучались три месяца в разведывательной школе Валга и получили разведывательное задание от абверкоманды – 104.

В сентябре 1942 года в Ярославскую область были заброшены два выпускника Борисовской разведывательной школы. Немецкими агентами-парашютистами оказались Кириллов и Заулочнов. Бывшие командиры Красной Армии осенью 1941 г. попали в плен и дали согласие работать на немецкую разведку, затем учились в разведшколах гор. Борисова и местечке Катънь (Кириллов-6 месяцев, Заулочнов - около 4-х месяцев), а 14 сентября 1942 г. со Смоленского аэродрома на самолете были переброшены в тыл Красной Армии и выброшены на парашютах в Большесельском районе. Они были одеты в форму командиров Красной Армии, снабжены необходимыми документами и имели задание осесть в Ярославле, чтобы вести разведывательную работу на Ярославском железнодорожном узле, собирая сведения о продвижении поездов, характере их грузов; установить наличие в городе предприятий и выяснить выпускаемую продукцию; изучать политическое настроение населения. Лиц, которые высказывают антисоветские взгляды, предлагалось привлекать к выполнению шпионских заданий. При аресте у агентов было изъято оружие, рация, парашюты.

27 сентября 1942 года в Первомайском районе были выброшены агенты-парашютисты Николаев и Иванов. Они получили отличную подготовку в разведывательной школе абвера в г. Валга. Например, Николаев более 8 месяцев проходил разведывательную и диверсионную подготовку, изучал вопросы организации повстанческого движения в советском тылу. От абвера они получили задание продвигаться вниз по Волге к Сталинграду и проводить в стокилометровой зоне разведку. Помимо этого предатели должны были из дезертиров и антисоветских элементов формировать группы для подрывной работы в советском тылу. После приземления ночью парашютисты потеряли планшет с документами и деньгами. Поиски результатов не дали, и они решили быстрее уходить от места приземления.

Учительница Васильевской начальной школы Первомайского района Нина Михайловна Курдюкова слышала в ночь на 27

сентября 1942 г. шум пролетавшего самолета. Рано утром она разбудила соседа и под видом сбора ягод пошла с ним на болото. На одной из лужаек Курдюкова обнаружила парашют и планшет, в котором были документы на имя Карла Ефимовича Иванова, а также бланки командировочных предписаний, аттестатов, справок различных госпиталей и деньги. Она забрала найденное и возвратилась назад, из соседней деревни позвонила в райисполком и рассказала о находках. Информацию передали в РО НКВД. В район были направлены оперативно-розыскные группы, к поискам привлекли истребительные батальоны и местное население. 30 сентября агенты были арестованы сотрудниками НКВД в с.Кукобой. По постановлению Особого совещания НКВД Николаев был осужден к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Иванов был осужден по ст. 58 – 1 “б” к 7 годам лишения свободы.

30 сентября 1942 г. на территорию Борисоглебского района Ярославской области были заброшены агенты немецкой разведки И.П. Касьяненко и Ф.Г. Дрягин. Они прошли четырехмесячный курс обучения в разведшколе г. Валга. Абверкомандой – 104 им было дано задание выявлять в Ярославле и его окрестностях войсковые части, штабы, аэродромы и оборонительные сооружения; следить за перевозками; выявлять промышленные предприятия и выяснять, что и в каких объемах выпускают; выяснять политические настроения. Агенты были снабжены радиостанцией, личным оружием, фиктивными документами. С целью отвлечения сил и средств германской разведки органами УНКВД Ярославской области была проведена с октября 1942 г. по апрель 1943 г. радиоигра, в которой участвовали сдавшиеся немецкие агенты [2].

29 октября 1942 г. абверкомандой – 104 с Псковского аэродрома была переброшена в тыл Красной Армии и выброшена на парашютах в Рыбинском районе еще одна группа немецких агентов. Лукьяненко, Ильин и Чигида попали в плен в 1941 г., завербованы и направлены в школу военных разведчиков в гор. Валга, где учились около 3-х месяцев. Каждый агент был одет в форму командира Красной Армии, имел соответствующие документы и вооружен револьвером. Для передачи собранных разведывательных данных группа имела радиостанцию. От выполнения задания они отказались и добровольно сдались органам НКВД.

В ходе войны быстро набирали силу специальные органы Главного имперского управления безопасности. Одно из центральных мест в системе мер, разработанных на новом этапе германо-советской войны, занимала операция «Цепелин». Идея этой операции принадлежала Вальтеру Шелленбергу и Отто Скорцени. По приказу Гейдриха они же непосредственно руководили ее подготовкой и проведением. Для координации действий по проведению операции в феврале 1942 года в Главном имперском управлении безопасности был образован специальный орган под тем же кодовым наименованием, что и сама операция [3].

Как сказано в приказе рейхсфюрера СС Гиммлера от 15 февраля 1942 года, руководство Германии предписывало операции «Цепелин» программу масштабных военно-политических действий. В своей работе он руководствовался так называемым «планом действий для политического разложения Советского Союза», в котором подчеркивалось, что на «Цепелин» возлагается ведение политической разведки и диверсионной деятельности в глубоком советском тылу. В соответствии с этим планом определялись задачи «Цепелина»: *«Надо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть образованы специальные группы действия, а именно:*

1. Разведывательные группы - для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза.
2. Пропагандистские группы - для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды.
3. Повстанческие группы - для организации и проведения восстаний.
4. Диверсионные группы для проведения политических диверсий и террора...»[4].

«Цепелин» тесно взаимодействовал с абвером, главным штабом командования немецкой армии и имперским Министерством по делам оккупированных восточных областей. Разведывательно-диверсионные школы «Цепелина» размещались в то время в местечке Яблонь под Варшавой, в Евпатории, в местечке Освитц близ Бреслау, а также под Псковом, в деревне Печки.

Начиная с 1942 года сеть разведывательно-диверсионных школ как на территории Германии, так и в оккупированных странах непрерывно расширялась. Заметно улучшалась система подготовки

агентов, предназначенных к засылке в глубокий советский тыл. Наиболее перспективные из них после завершения курса в школе проходили своеобразную специализацию в лагерях “Цеппелина”.

Отделения и вербовочные пункты “Цеппелина” возникли во многих лагерях для советских военнопленных, которые со временем становились основной базой пристального изучения контингента, способного, по мнению немецкого командования, послужить мощным источником агентурных резервов.

В соответствии с замыслами “Цеппелина» на советской территории планировалось развернуть массовое бандитско-повстанческое движение. Организовать отряды из дезертиров и лиц, недовольных светской властью, намечено было не только в национальных районах, но и на европейской части РСФСР, в частности, в Ярославской области. Наша область также вошла в перечень регионов, где планировалось проведение “Цеппелином” в конце 1942 — начале 1943 года крупнейшей диверсионной операции “Волжский вал”. Целью этой операции было нанесение ударов и разрушение заброшенными в наш тыл диверсионными группами коммуникаций, связывающих Урал, Коми АССР, Сибирь, Среднюю Азию и другие тыловые районы с фронтом. Планировалось вывести из строя железнодорожные мосты через Волгу и другие реки, провести диверсии на других важных оборонных объектах.

1 октября 1942 года вблизи дер. Якунино Антроповского района приземлились первые три агента-парашютиста, прошедшие подготовку в школах “Цеппелина”. 2 октября 1942 г. в Антроповском районе Ярославской области была задержана группа немецких агентов-парашютистов в составе Перевалова — бывшего лейтенанта Красной Армии, Латышева — бывшего сержанта и Головачева — бывшего красноармейца. При них обнаружили: радиостанцию, один ящик с взрывчатыми веществами, три гектографа, запас чистой бумаги для изготовления листовок, 177600 рублей, запасные штатские костюмы, запас продовольствия, фиктивные документы и чистые бланки различных советских учреждений. Агенты имели задания: создать группы из антисоветских элементов, при их помощи организовать диверсионные действия на железнодорожном транспорте и других объектах оборонного значения, террористические акты в отношении партийного и советского актива; организовать печатание и распространение листовок от имени “Боевого союза русских нацио-

налистов”; собирать и передавать по радио разведывательные сведения. Первоначально Перевалов и Головачев учились в Освице, а Латышев – в Варенбауме. Затем все они три месяца учились в центральной разведывательно-диверсионной школе Яблонь [5].

30-го сентября 1942 г. со Смоленского аэродрома была переброшена на самолете через линию фронта и выброшена на парашютах в Любимском районе группа немецких агентов из трех человек. Бывшие военнослужащие Красной Армии Кириллов, Гоцелюк и Артифексов в июне 1942 г. попали в районе Харькова в плен, в харьковском лагере военнопленных дали согласие работать на немцев и были отправлены в Германию в разведывательно-диверсионную школу. Вступили в “Боевой союз русских националистов”. Перед группой были поставлены следующие задачи. В плане проведения разведки необходимо было выяснять места дислокации войсковых частей и маршруты их следования, в какие пункты и какое поступает вооружение и техника из США и Англии, где находятся промышленные предприятия, добывать образцы документов и т.д. Кроме этого, ставились задачи проведения диверсий на железнодорожном транспорте и важных оборонительных объектах, убийство руководящих партийных и советских работников, создание на территории Ярославской области профашистских формирований, печатание и распространение антисоветской литературы. Для выполнения задания предатели были снабжены оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, ядами, типографским оборудованием, радиостанцией. Все они имели комплекты фальшивых документов и могли выдавать себя за офицеров или гражданских лиц. После приземления они поодиночке стали уходить из опасного места, опасаясь преследования, но все были арестованы уже 1 октября 1942 года. Кириллов был задержан чекистами и бойцами истребительного батальона в дер. Фефелово. Гоцелюк тоже не смог выбраться из Любимского района, где с помощью Сапожкова и других колхозников был арестован работниками райотдела НКВД. Дальше всех сумел уйти Артифексов. Его чекисты задержали недалеко от Костромы, куда он пробирался на попутных машинах. Все трое по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 2 декабря 1942 г. приговорены к расстрелу.

Только за первые десять дней октября 1942 г. на территории Ярославской области было задержано 12 немецких парашютистов, сброшенных в разных районах области [6].

В целом по стране за март — ноябрь 1942 г. органами НКВД было задержано 687 вражеских агентов-парашютистов, заброшенных в наши тылы германской разведкой из числа завербованных и обученных в разведывательных и диверсионных школах бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену у немцев, а также перебежчиков и эмигрантов. В состав некоторых групп входили солдаты германской армии, отдельные группы возглавлялись немецкими офицерами. Из общего числа задержанных вражеских парашютистов явилось с повинной 275. Убито при задержании 33 человек. Изъято 172 радиостанции.

Неблагоприятный ход войны потребовал от руководства немецких спецслужб мобилизовать все свои ресурсы для выполнения задач по разведке и подрыву обороноспособности СССР. На примере событий, происходивших в Ярославской области, видно, как с течением войны возрастали не только количество, но и качество забрасываемой в наш тыл агентуры.

Библиографический список

1. Цит. по: Операции военной разведки [Текст] / Автор-сост. В.В. Петров. — Минск, 1998. — С.98.
2. Архив управления федеральной службы безопасности по Ярославской области. — Ф. 21. — Оп. 5. — Д. 5.
3. Там же. — С. 99.
4. Цит. по: Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918-1998) [Текст]. — Сыктывкар, 1998. — С.100
5. Архив управления федеральной службы безопасности Ярославской области. — Ф. 21. — Оп. 5. — Д. 4.
6. Центр документации новейшей истории Ярославской области. — Ф. 272. — Оп. 224. — Д. 578. — Л. 229.

Провал гитлеровских планов стратегической обороны в годы Второй мировой войны

Готовясь к ведению молниеносных наступательных войн, гитлеровское командование меньше всего рассчитывало, что вооруженным силам Германии придется хотя бы временно переходить к стратегической обороне. Поэтому в предвоенные годы на проблемы стратегической обороны должного внимания не обращалось, а вооруженные силы к этому виду военных действий не готовились.

Ведя боевые действия в Европе в 1939 – 1940 гг., немецко-фашистская армия практически нигде не переходила к стратегической обороне. Противостояние германских и французских войск с 3 сентября 1939 г. по 8 мая 1940 г., получившее меткое название «странная война» (от франц. *drole de guerre*), было со стороны немцев не позиционной обороной, а активной подготовкой к наступлению.

В отличие от кампаний в Западной Европе, в России немецко-фашистские войска, ведя общее стратегическое наступление, были вынуждены переходить на отдельных направлениях к обороне уже летом 1941 г. Так было под Ленинградом, Смоленском, в Заполярье.

После провала наступления осенью 1941 г. под Москвой, Тихвином и Ростовом-на-Дону и в связи с переходом советских войск в контрнаступление командование вермахта 8 декабря 1941 г. направило войскам директиву № 39 на переход к обороне. Ее суть сводилась к тому, чтобы на советско-германском фронте временно перейти к обороне, в упорных сражениях отразить наступление Советской Армии и одновременно развернуть всестороннюю подготовку вермахта к новым наступательным операциям. В зимних кампаниях 1941 – 1942 и 1942 – 1943 гг. командование вермахта считало оборону временной и организовывало ее поспешно. Поэтому стратегические оборонительные рубежи заблаговременно не создавались. Оборона ограничивалась оперативной глубиной и опиралась на естественные рубежи. Оборонительные группировки войск создавались в ходе операций и сражений.

После неудачного наступления гитлеровских войск под Курском в июле 1943 г. стратегическая инициатива была оконча-

тельно вырвана из рук гитлеровского командования. Стратегическая оборона для немецко-фашистской армии превратилась в основной вид военных действий. Это означало самый крутой поворот в стратегии вермахта в ходе Второй мировой войны. Примечательна запись в дневнике Геббельса, сделанная в конце июля 1943 г.: «Я полагаю, что, вероятно, мы не сможем изменить положение путем наступательных операций, как это были в состоянии делать в летние периоды двух последних лет» [1]. Руководство «третьего рейха», идя на принятие решения о переходе к стратегической обороне, преследовало теперь уже иную цель: не создание условий для последующего перехода в наступление, а изматывание и обескровливание советских Вооруженных сил, выигрывание во времени в надежде добиться сепаратного мира с США и Англией и продолжить борьбу против Советского Союза.

С конца 1943 г. в построении обороны вермахт стал широко использовать систему оборонительных рубежей и полос с развитой сетью инженерных укреплений, оборудованных на глубину до 300 км. Используя одноэшелонное построение своих стратегических группировок, противник сосредоточил главные усилия на удержании районов, важных в политическом и экономическом отношении.

В 1944 г. военное искусство Германии определялось необходимостью ведения стратегической обороны практически на всех театрах военных действий. Гитлеровское руководство преследовало цель измотать, обескровить вооруженные силы государств противостоявшей коалиции и не допустить их вторжения в жизненно важные районы. За счет тотальных мобилизаций гитлеровскому руководству удавалось в основном восполнять людские потери на Восточном фронте. Численность вооруженных сил фашистской Германии к концу года составляла 9,4 млн. человек.

Характерной чертой стратегических оборонительных операций вермахта во второй половине 1944 г. являлся принцип так называемого «эластичного фронта». Он заключался в сочетании заранее подготовленной позиционной обороны на основных рубежах с маневренной обороной на второстепенных направлениях и на промежуточных рубежах.

Политика фашистской Германии на заключительном этапе войны – начиная с января 1945 г. – была направлена на затягивание вооруженной борьбы и определялась стремлением расколоть анти-

фашистскую коалицию. «Раскол между Советским Союзом и англо-американцами – вот что было нашей единственной реальной надеждой...», – отмечали впоследствии в своих воспоминаниях бывшие генералы третьего рейха [2]. Исходя из таких политических предпосылок, стратегический план немецко-фашистского командования на 1945 г. заключался в том, чтобы упорной стратегической обороной на Востоке не допустить продвижения советских войск в глубь Германии. Для решения этой задачи наиболее боеспособные силы были брошены на советско-германский фронт. На Западном фронте гитлеровское руководство стремилось ведением активных боевых действий перехватить инициативу. По их взглядам, это могло изменить общую обстановку в пользу Германии. Для стратегической обороны вермахта в этот период была характерна высокая активность войск при удержании важных районов.

Основным способом стратегической обороны гитлеровских войск в 1943 – 1945 гг. являлось последовательное удержание ряда важных рубежей, преимущественно проходивших вдоль крупных рек, таких как Днепр, Дунай, Висла, Одер, Рейн и другие.

Стратегическая оборона велась сухопутными войсками Германии в тесном взаимодействии с авиацией, а на приморских направлениях – и с флотом. С переходом к стратегической обороне в 1943 г. существенно изменился характер использования германских ВВС. Немецко-фашистское командование с лета 1943 г. отказалось от ударов по тыловым стратегическим объектам противника. Это было обусловлено отказом от наступательных действий и переходом к стратегической обороне, возросшей силой противовоздушной обороны советских войск, необходимостью отражения наступления Советской Армии, а в последующем и англо-американских войск. Произошли изменения и в соотношении между родами авиации в пользу истребительной. К концу 1944 г. бомбардировщики составили лишь 13% от общего числа немецких боевых самолетов, тогда как истребители – 68% [3].

Авиация использовалась главным образом для нанесения ударов по наступающим войскам и по путям сообщения в целях нарушения перевозок к линии фронта резервов, вооружения и боевой техники советских войск, а также для прикрытия сухопутных войск и наиболее важных объектов в своем тылу от ударов авиации союзников. При этом 50 – 60% всей гитлеровской авиации действовало

в интересах войск, оборонявшихся на советско-германском фронте, и около 20 – 25% – для поддержки войск на Западном фронте. Остальная ее часть была использована для прикрытия Берлина и других важных объектов.

Стратегической обороне немецко-фашистской армии были присущи *сильные и слабые стороны*.

К сильным сторонам стратегической обороны вермахта относятся:

– упорство и высокая активность войск при удержании важных в стратегическом отношении районов и рубежей. Оборонительные действия сопровождались проведением контрударов, а иногда и контрнаступлений на отдельных участках стратегического фронта (в Арденнах в 1944 г., под Балатоном в 1945 г.);

– умение быстро восстанавливать прорванный фронт на новом рубеже. Это достигалось путем перегруппировки в сжатые сроки сил и средств с других стратегических направлений и театров военных действий. Так, после поражения группы армий «Центр» в Белоруссии гитлеровское командование сумело в ограниченное время перегруппировать для восстановления фронта обороны вдоль рубежа р. Висла 28 дивизий из Прибалтики, 18 дивизий и 4 бригады из Венгрии, Германии, Норвегии и других государств Европы [4];

– заблаговременное планирование и подготовка обороны. Например, еще в ходе битвы под Курском командование вермахта отдало секретное распоряжение о строительстве стратегического оборонительного рубежа по р. Днепр. Весной 1945 г. оборонительные рубежи восточнее Берлина стали готовиться еще задолго до начала наступления советских войск;

– тщательная организация материально-технического обеспечения немецких войск в обороне. Несмотря на значительное воздействие на объекты тыла советских партизан и авиации союзников, командование противника в целом обеспечивало армию всем необходимым;

– коалиционный характер проводимых военных мероприятий. За счет привлечения армий государств фашистского блока повышалась численность, а соответственно и плотность войск на фронтах, что в условиях недостатка людских и материальных резервов у гитлеровской Германии имело существенное значение. В

оборонительных действиях против Советской Армии, кроме немецко-фашистских, принимали участие итальянские, финляндские, румынские, венгерские войска. Управление ими осуществлялось путем включения их в состав немецко-фашистской армии.

В организации и ведении стратегической обороны у гитлеровского командования имелись и серьезные недостатки. К их числу, прежде всего, относится стремление удерживать все стратегически важные районы и подготовленные к обороне рубежи без учета изменившейся обстановки. Вот что писал по этому поводу генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: «В марте 1944 года наступил час, когда нам пришлось расплачиваться за большую ошибку, которую совершило немецкое Главное командование, состоявшую в том, что оно не хотело ничего отдавать (будь то на востоке или на других театрах военных действий), когда это было необходимо, чтобы достичь превосходства на решающем участке или, по крайней мере, сосредоточить на нем достаточное количество сил.

...Ошибка состояла... в том, что со времени провала последнего немецкого наступления, операции «Цитадель», Главное командование пыталось удерживать слишком растянутые фронты недостаточными силами, что вызвало совершенно излишний расход сил» [5]. Подобные ошибки совершались и позже, когда гитлеровское руководство стремилось удержать Норвегию и Данию до мая 1945 г., хотя по стратегическим соображениям в этом не было необходимости.

Отсюда вытекают два следующих недостатка в деятельности высшего командования немецко-фашистской армии: неправильное понимание политической обстановки и несоответствие военно-политических целей оборонительных кампаний ограниченным людским, материальным и экономическим возможностям фашистской Германии и ее сателлитов.

По военному производству, например, фашистская Германия и милитаристская Япония уступали СССР, Англии и США в 1943 г. в 3,4 раза [6]. По людскому потенциалу СССР, США и Англия, не считая других стран антифашистской коалиции, превосходили Германию, Италию и Японию в два раза (371,4 млн. человек и 186,1 млн. человек соответственно) [7].

Одним из крупных недочетов немецко-фашистского командования при ведении стратегической обороны явились переоценка

своих сил и недооценка сил Советской Армии. В связи с этим силы советских войск продолжали недооцениваться даже после того, как ими была разгромлена 330-тысячная Сталинградская группировка немецко-фашистских войск. Необъективность, предвзятость при оценке сил и боевых возможностей советских войск самым пагубным образом отразились на стратегии фашистской Германии и явились одной из важнейших причин тяжелых катастроф немецко-фашистских войск.

Переоценивалось также значение естественных рубежей обороны, где сравнительно небольшими силами предусматривалось удерживать важные стратегические объекты. Наглядное представление об этом дает оборона «Атлантического вала», созданного немцами на французском побережье.

Следующим слабым звеном в стратегической обороне вермахта являлись недостаток резервов и их низкая боевая подготовка. Это объясняется тем, что армия резерва состояла из вновь сформированных, а также выведенных в тыл на восстановление и доукомплектование соединений и частей. При этом формирование новых дивизий шло в ущерб пополнению уже существующих. В результате дивизии на фронте не пополнялись, несли дополнительные потери и теряли свою боеспособность, а новые формирования вследствие недостаточного боевого опыта также вначале расплачивались за это большой кровью.

Надо отметить, что некоторые ошибки высшего командования немецко-фашистской армии проистекали из ошибок и просчетов лично самого Гитлера. В ходе войны Гитлер все больше и больше сосредоточивал власть в своих руках. Страдая безграничным самомнением и властолюбием, проникнутый мистической верой в свою «миссию», он возомнил, что перед его волей нет преград. Не имея военных знаний, «понятию военного искусства он противопоставил в конце концов понятие грубой власти, власти, наибольшая сила воздействия которой гарантируется, по мысли Гитлера, силой воли, на которую опирается эта власть» [8].

Этому во многом способствовал и громадный пропагандистский аппарат Геббельса, который изо дня в день внушал немцам, что Гитлер – «гений», «величайший полководец всех времен». В конце концов Гитлер сам поверил в свою исключительность и гениальность. Военные победы первых лет войны, которые он припи-

сывал самому себе, обусловили то, что Гитлер все более терял чувство меры при оценке своих собственных способностей.

По его указанию немецко-фашистские войска вели в основном только позиционную оборону. По мнению высшего военного руководства Германии, «количества наличных немецких дивизий никогда не хватало, чтобы организовать... позиционную оборону... Противник всегда имел возможность путем массированного использования своих сил добиться в любом пункте прорыва наших слишком растянутых фронтов. В результате этого значительные немецкие силы оказывались не в состоянии избежать окружения. Только ведением маневренных боевых действий можно было бы реализовать превосходство немецкого командования и немецких войск и тем самым, возможно, добиться в конце концов ослабления сил Советского Союза» [9]. И хотя последние слова гитлеровского генерала тоже ошибочны, ибо сила и мощь Советской Армии были значительны, тем не менее к ним можно прислушаться.

Гитлер не прислушивался к тем доводам, которые высказывал начальник генерального штаба, он «хотел походить на Наполеона, который терпел только помощников и исполнителей своей воли; но у него не было ни военных знаний, ни военного гения, каким обладал Наполеон» [10].

Бывший сотрудник оперативного отдела германского генерального штаба генерал-майор А. Филиппи писал: «...Гитлер был лишен фантазии, укрощенной специальными знаниями, он не мог трезво мыслить в оперативных делах, а в личном отношении был не способен довериться советам военного руководства» [11]. Гитлер питал непреодолимое недоверие к военным руководителям, у него отсутствовала необходимая «основа для доверия и понимания» предложений, высказываемых генералами. Бывший начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал В. Кейтель на допросе в июне 1945 г. показал: «У меня сложилось впечатление, что фюрер не доверял мне и моим взглядам» [12]. Поэтому Гитлер все чаще пытался вмешиваться в руководство нижестоящими командными инстанциями.

В ходе войны вокруг Гитлера создалась атмосфера угодничества и страха. Чтобы не вызывать раздражения и гнева у «фюрера», ему докладывались нередко фиктивные данные, которые исключали возможность принятия правильных решений. Иногда

важные стратегические решения принимались в угоду его личной амбиции, были нецелесообразны с военной и политической точек зрения и требовали необоснованных затрат людских сил и материальных средств.

Странным в характере Гитлера являлось и то, что переоценка собственной воли и игнорирование возможных намерений и сил противника сочетались с отсутствием у него необходимой смелости при принятии решений в военной области, где он боялся всякого риска. В связи с этим Гитлер стремился как можно дольше оттягивать всякое решение, которое было неприятным, но обязательным для него. В результате решение принималось слишком поздно, когда для исправления положения требовалось уже намного больше сил [13].

Все перечисленные особенности характера и другие личные качества Гитлера со временем накладывали все больший отпечаток на его военное руководство, усиливали авантюристический, волонтаристский характер фашистской стратегии и являлись одной из причин неудач немецко-фашистской армии при ведении стратегической обороны [14].

Немаловажной причиной, вызвавшей крах гитлеровской стратегии, было то, что фашистская государственная система покоилась на порочных человеконенавистнических идеях.

Таким образом, попытка высшего немецко-фашистского командования организовать стратегическую оборону и достичь своих политических и военных целей оказалась тщетной. Она рухнула под ударами советских войск. Причинами провала стратегической обороны немецко-фашистской армии во Второй мировой войне являлись зависимость ее от авантюристической политики правящих кругов гитлеровской Германии; недостаточная обеспеченность стратегических планов военно-экономическим потенциалом и необходимым соотношением сил и средств; недооценка возможностей Советского Союза и его Вооруженных сил и переоценка возможностей немецко-фашистской армии; крупные просчеты верховного главнокомандования и германского генерального штаба; идеологическая предвзятость, национальная ненависть к Советскому Союзу лишили фашистскую стратегию возможности трезвого учета основных факторов и условий войны на Востоке, таких, какими они были в действительности.

Примечания

1. История второй мировой войны 1939 – 1945: В 12 т. Т. 7. – М.: Воениздат, 1976. – С. 191.
2. Меллентин, Ф. В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне: пер. с нем. / Ф.В. Меллентин. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2003. – С.408; Из протокола допроса генерал-фельдмаршала В. Кейгеля // Военно-исторический журнал. – 1961. – № 9. – С. 77 – 87.
3. История второй мировой войны 1939 – 1945: в 12 т. Т. 9. – М.: Воениздат, 1978. – С. 524.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза: в 6 т. Т. 4. – М.: Воениздат, 1962. – С. 200.
5. Манштейн, Э. Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – С. 621.
6. «Совершенно секретно! Только для командования!». – М.: Наука, 1967. – С. 561.
7. Там же. – С. 562.
8. Манштейн, Э. Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – С. 339 – 340.
9. Там же. – С. 339.
10. Там же. – С. 342.
11. «Совершенно секретно! Только для командования!». – М.: Наука, 1967. – С.135
12. Там же. – С. 645.
13. Манштейн Э. Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – С. 337 – 339.
14. Западная историография уделила исключительно много внимания исследованию причин поражений и стратегических просчетов командования вермахта. В первое послевоенное десятилетие она усматривала эти причины главным образом в субъективных факторах – ошибках и просчетах Гитлера, его дилетантизме в военных вопросах, в особенностях его личности и т. п. Такое объяснение явлений имело целью оправдать германский генералитет, снять с него ответственность за постигшую Германию военную катастрофу. По мере накопления фактов, исторического материала все более очевидной становилась несостоятельность версии о единоличной ответственности Гитлера за поражения. Многие западные историки и даже бывшие генералы вермахта (Г. Улиг, А. Филиппи) были вынуждены пересмотреть эти взгляды. Военная стратегия, планирование и ведение операций формировались в недрах центрального аппарата вермахта и представляли собой в итоге продукт коллективного творчества. Именно высшее военное руководство формировало мнение Гитлера,

готовило ему материалы для его пресловутых директив и приказов, вдохновляло и претворяло авантюристические планы. Без поддержки генералов и промышленных магнатов Гитлер не мог бы вести войну, а потому абсолютно нелепо взваливать на него всю вину за поражения вермахта на фронтах. См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». — М.: Наука, 1967; Правда и ложь о второй мировой войне. — М.: Воениздат, 1983.

© В.Т. Анисков

Маршал Василевский о генералиссимусе Сталине (к 65-летию разгрома фашистов под Сталинградом)

Первые книги о войне появились вскоре после ее окончания. «Я хорошо помню, - вспоминал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, - два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом, - «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И.В.Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги» [1].

Тем не менее, вышедшие с известной задержкой воспоминания Александра Михайловича оказались, по многочисленным признаниям, вполне достойными того особенного полководческого ранга, который он вслед за Г.К. Жуковым и плечом к плечу с ним занимал в победоносной Советской Армии. Затем в течение недолгих последующих лет они выдержали к 1989 г. шесть изданий и каждый раз воспринимались с неизменным интересом и волнением читателей. Иначе не могло и быть, ибо редкостное военно-политическое и оперативно-стратегическое положение А.М.Василевского на самом вершине нашего штаба обороны и разгрома врага практически всю войну и в период перехода к миру определяло его гарантом и носителем соответствующей истины.

И в самом деле. 1 августа 1941 г. он был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба, а с июня 1942 до февраля 1945 гг. непосредственно возглавлял его, будучи одновременно заместителем наркома обо-

роны. В дальнейшем на него возлагались и обязанности командующего фронтом, члена Ставки Верховного Главнокомандования с задачами координации действий ряда фронтов в крупнейших операциях. С июня 1945 г. Маршал Василевский - главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. Под его руководством была осуществлена радикальная перегруппировка наших соединений, спланирована и осуществлена стратегическая наступательная операция по разгрому Квантунской армии Японии (9 авг. - 2 сент. 1945 г.). В марте 1946 г. он снова начальник Генштаба и первый заместитель министра обороны. В 1949 г. - министр Вооруженных Сил, а с 1950 по 1953 г. - военный министр.

Тем самым по своему положению и роли во главе Генштаба, в Ставке Главковерха с координирующими функциями, командующего фронтовыми стратегическими операциями по освобождению Белоруссии, Прибалтики, по разгрому гитлеровцев в Восточной Пруссии и японских милитаристов на Дальнем Востоке, а затем и в руководстве Вооруженными Силами до 1953 г. вряд ли кто иной - Г.К.Жуков здесь не в счет, как А.М.Василевский, владел реальной и ценнейшей информацией самого верха и разветвленной военной периферии. Потому здесь весьма уместно оттенить особенную взвешенность выводов и объективность исторических оценок этого автора, тем более касающихся главных достижений и уроков нашей Победы.

При этом следует иметь в виду, что даже первое издание воспоминаний Маршала, вышедшее в Политиздате в 1973 г., имело за собой целое 20-летие после кончины Сталина, а его итоговые ответы на многочисленные вопросы читателей увидели свет еще 5 лет спустя [2]. А это значит, что к тому времени прошло уже 22 года со времени XX съезда КПСС и почти полтора десятилетия с ноября 1964 г., когда Никиту Хрущева сменил у руководства СССР Леонид Брежнев - герой войны и известный её политработник. Словом, вновь надвигался тот временной и сущностный рубеж, за которым, как и в 1942 г., тревожно возгорелся тот же набатный призыв из приказа № 227 - «Ни шагу назад!».

Его, несомненно, из числа самых первых снова увидел А.М.Василевский. Маршал совершенно принципиально отклонил многие советы, пожелания и даже назидания в виде домыслов и наветов нарождавшегося диссидентского и либерально-чуждого

советской стране уровня. Одновременно он не позволил себе стать вовлеченным в то лавинообразное состояние фальсификации истории войны, которое умышленно обволакивало её основные уроки и следствия.

Первый из них относим к оценке решающей роли Коммунистической партии в достижении Победы: «Своей исторической победой советские люди обязаны Коммунистической партии. Она мудро вела народ и его армию сквозь все испытания и трудности войны к полному разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии. Она сумела подчинить все материальные и духовные силы страны интересам вооруженной борьбы, обеспечить единство политической и военной стратегии, единство политического и военного руководства в войне. Партия выковала несокрушимую монолитность и величайшую моральную стойкость народа, создавшего невиданный экономический и военный потенциалы страны, что позволило нам с таким блеском решить все задачи войны, с честью отстоять завоевания Великого Октября, свою социалистическую отчизну. Руководство Коммунистической партии - один из решающих источников нашей победы в Великой Отечественной войне» [1. Кн. 2. С. 288].

Столь безраздельное утверждение сугубо военного профессионала кому-то может показаться каким-либо навеянным, а то и упредительным. Но это лишь на беглый взгляд, тем более при уже канувших трафаретах. В действительности все содержание воспоминаний являет для нас ярчайший пример той органичной «обыденности» социально-политического единения советского народа и партийного руководства, без которого смертельный враг не мог быть повержен. Практически все годы войны ответственные работники Генштаба и в первую голову его начальник, члены Ставки Верховного Главнокомандования и заместители наркома обороны неизменно участвовали во всех заседаниях Государственного Комитета Обороны и самой ставки Главковерха, а то и самого Политбюро ЦК ВКП (б), на которых рассматривались важнейшие вопросы оперативно-стратегического порядка, мобилизации материальных, людских и духовных ресурсов страны.

И все принимаемые решения и задачи, равно как и последующая доработка соответствующих документов, проходили в подготовительных управлениях должных наркоматов и, конечно,

Генерального штаба, так что речь шла не только о предельной осведомленности и доверительности, но и вынесении оптимальных директив с учетом строжайшей секретности и высочайшей персональной ответственности. Более того, многие прямые директивы на уровнях фронтов направлялись по адресам за двойными подписями Сталина и Василевского, как, впрочем, и в сочетании с Жуковым. Отсюда, несмотря лишь на некоторые приметы мемуаристики, воспоминания обоих ведущих военачальников Великой Отечественной во многом, если не в главном, носят очевидный исследовательский характер, зачастую с последующим дублирующим изучением ими же формировавшихся архивных фондов, в том числе в условиях конвенгерции и послевоенного развития.

Но не только эти и отмеченные выше обстоятельства побуждали нас к столь развернутому обращению к воспоминаниям А.М.Василевского. Мы имели в виду и то, что уже с окончанием войны при известной опале со стороны Сталина, а вскоре на фоне и хрущевской ревнивой сомнительности, даже несравнимый облик Маршала Победы Г.К. Жукова оказался, мягко говоря, заметно затемнённым, чем, разумеется, воспользовалась и западная пропаганда времен развертывания «холодного» глобализма. А бериевская игра в «демократизм» и прямые намерения перехвата власти при начавшемся полоскании так называемого «грязного» белья культовых «времен» выдвигали неотложную задачу по защите ценностей победившего социализма и его незабываемых уроков. Эту миссию в отношении только что закончившейся войны и в числе первых во многом реализовал Маршал А.М. Василевский.

В первую очередь предстояло расчистить патриотическую основу Великой Победы от ложных и целевых наветов вокруг её системной народности, о чем мы уже сказали выше. Во-вторых, сбросить нависавшую «шелуху» и, по крайней мере, отвести её от признанных организаторов разгрома фашизма, своевременно принявших на себя фронтальный термоядерный разворот еще вчера спасенных союзников. Теперь и сам Сталин, будь он жив, поторопился бы с написанием добротных трудов о небывалой ранее самой горячей войне на земле ради выживания. Ведь еще раз напомним, что выход в свет всех шести изданий воспоминаний Василевского пришелся на время пикового противостояния двух мировых систем. В этой связи имелись даже упреки по поводу некой «затянутости»

их публикации. Но это уже камни именно в тот «руководящий огород» «оттепели», который больше всего был озабочен развешиванием известного белья.

Одни выносили мощи недавнего вождя из Мавзолея, другие, как смогли, спасали ту же историю и её судьбоносных деятелей, и именно А.М. Василевскому выпала эта благородная и мужественная доля. И в самом деле, кто больше и дольше по долгу оперативно-стратегической службы, в том числе в условиях мирной перестройки, сотрудничал с Г.К. Жуковым и с самим Верховным, чем А.М. Василевский!? Редкие день и ночь проходили для него без какого-либо общения с ними и со всем ударным генеральским корпусом, и самая главная сложность этого автора воспоминаний, убежден, заключалась не выстраивании самой информации, а в отсечении сведений так называемого второго порядка, поскольку систематизировать приходилось не только события, но и ответственно оценивать представителей высшего эшелона власти.

Прежде всего, о самом И.В. Сталине и в контексте отвержения нараставших о нем вымыслов. Вместо хрущевско-солженицынских рассказней о многодневной его прострации якобы в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии у Василевского мы читаем: «Назначения И.В.Сталина на пост Верховного Главнокомандующего требовали интересы победоносного ведения войны. Он являлся Генеральным секретарем ЦК ВКП (б), Председателем Совета Народных Комиссаров, Председателем Государственного Комитета Оборона и имел все возможности смело решать вопросы по защите Родины. Ставка Верховного Главнокомандования под руководством Сталина осуществляла квалифицированную разработку вопросов военной стратегии, определяла замыслы планов кампаний и крупных операций, способы ведения военных действий... Политбюро Центрального Комитета партии, Государственный Комитет Оборона работали напряженно и уверенно вели страну к победе. Партия была сплочена, боеспособна, народ ей полностью доверял и поддерживал её» (С. 292-293).

Никакой опрометчивости, спонтанной грубости или безволия - совсем наоборот: величайшая работоспособность, пример мудрости и заботы об окружающих, поразительная выдержка и стремление к пониманию позиции подчиненных. И так - на конкретных материалах событий, крупнейших кампаний от начала войны до её за-

вершения. Автор не забывает и о тяжких просчетах, особенно 1941-1942 гг., однако не прикрываясь ошибочными действиями контрразведки или самого Генштаба. Изумляет и невероятная способность Сталина к быстрым и точным реакциям на поступавшую бесконечно-неотложную информацию и к очень часто следовавшим от него динамичным распоряжениям высокого профессионального уровня с полным владением именами, должностными званиями, имевшимися возможностями, фронтовыми перемещениями и расположениями всех значимых войсковых подразделений. И все это лишь на примерах фронтовых проблем, за которыми героически и на пределе редких возможностей действовал не только собственно армейский мобильный тыл, а и вся страна.

Только в одном месте бывший начальник Генерального штаба упомянул о так называемой культовости Сталина в связи с «известным» постановлением ЦК 1956 г., да и то с такими комментариями, которые по сути дезавуировали его применительно к военному времени. «Он стал ... постоянно опираться на коллективный опыт военачальников. От него с той поры нередко можно было услышать слова: «Черт возьми, что же вы не сказали!». Прежде чем принять решение по тому или иному важному вопросу ведения вооруженной борьбы, Сталин советуется, обсуждает его при участии своего заместителя, руководящих работников Генерального штаба, Главных управлений наркомата обороны, командующих фронтами, а также наркомов, ведавших оборонной промышленностью.

Однако решающим, полагал А.М. Василевский, «являлся громадный политический авторитет, доверие к нему народа, Вооруженных Сил». По его «глубокому убеждению, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем невероятно трудно... Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным личного обаяния». Тут же речь о том, что Иосиф Виссарионович обладал, к тому же, «огромным природным умом», «удивительно

большими познаниями», «выдающимися организаторскими способностями», «умением быстро учиться и вникать в суть дела».

Перелагая и сокращая оригинал, вычленим из него и отмеченную способность Главверха к «аналитическому мышлению» на самих заседаниях Политбюро ЦК партии, ГКО и при постоянном общении в Ставке. Неторопливо прохаживаясь, чуть сутулясь, он внимательно слушал выступавших, иногда задавал вопросы, подавал реплики. В завершение четко формулировал выводы, предлагал немногословные, но глубокие по содержанию заключения, которые, «как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив и приказов Верховного Главнокомандующего». Но бывало и так, что кто-то по указанию того же Сталина прямо на заседании готовил проект. Он «подойдет, прочитает написанное, иногда внесет поправки, а если проект не удовлетворял», то сам диктовал его новый вариант.

Подобная практика существовала и в Ставке с участием членов Политбюро. Такие заседания и совещания никогда не протоколировались и приводившиеся на них секретные материалы не записывались (запрещалось) в индивидуальные блокноты. Это, к тому же, снимало излишнюю напряженность. Если возникала необходимость, вспоминает Василевский, «Сталин предлагал кому-либо, в том числе и мне, готовить директиву. Написанная от руки, она тут же подписывалась им как Верховным Главнокомандующим или как наркомом обороны, и ее немедленно несли на шифровку и телеграф для передачи в войска». Но эта практика работы над документами не снижала требовательности к их содержанию и литературным качествам.

Обращаясь к требовательности и нетерпимости лидера к небрежности, нечеткости в работе, к неумению довести дело до конца, Василевский приводит не более одного-двух примеров подобного. Один из них касался еще событий 1939 г. на Халхин-Голе. Как известно, под управлением комкора Г.К. Жукова там была создана объединенная группа советских и монгольских войск для разгрома японских интервентов. Для координации её деятельности был направлен из Москвы командарм Г.М. Штерн, своевременному прибытию которого в Монголию придавалось большое значение. Организация перелета в район военных действий была возложена на Генштаб, а ежечасное наблюдение за ним поручили исполняв-

шему обязанности начальника Оперативного управления В. Д. Иванову. О ходе полета периодически докладывалось правительству и Сталину. В назначенный день и час Штерн прибыл в Читу с тем, чтобы сразу менее чем за час перелететь в конечный пункт.

На следующее утро начальник Генштаба Б.М. Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что Штерн уже на месте и что эта информация получена от Иванова. Через некоторое время Сталин снова звонит Шапошникову и гневно выговаривает: «Ваши люди лгут. У меня в руках телеграмма от Штерна, он еще в Чите. Разберитесь и виновного под трибунал». А Иванов был уверен, что пустячный по расстоянию перелет в Монголию совершен, и дал непроверенную информацию. Но при этом в Чите и на трассе развернулась буря и задержала самолет. До трибунала все же не дошло, но по суду чести виновного отчислили из Генштаба, и лишь в дальнейшем он был назначен начальником штаба одной из дальневосточных армий.

Затем в первую военную зиму В.Д. Иванов добровольно ушел на фронт, а при остром дефиците кадров его уровня не без поддержки Василевского и при согласовании с некоторыми членами Политбюро ЦК, курировавшими Генштаб, вновь оказался в числе его ответственных работников. Работал хорошо, хотя вначале без ведома Сталина и с риском для самого Начштаба. Пришлось в ходе одного из посещений Верховного взять с собой и страдальца. Но еще в переговорной комнате, где в ожидании находился Иванов, Сталин узнал последнего, а потом уже в своем кабинете после обсуждения других дел спросил Василевского: «Это тот самый Иванов, который солгал нам о Штерне? Он опять на своем тепленьком местечке. Выгнать его немедленно!».

Пришлось упрашивать оставить Владимира Дмитриевича в аппарате Оперуправления, «так как работы уйма, а квалифицированных работников мало. Сталин помолчал-помолчал, потом ответил: "Ну, черт с вами, только чтобы здесь я его больше не видел". Видеть, возможно, не видел, хотя вряд ли. Но тот же В.Иванов полнейшим образом оправдал высочайшее доверие, он разделял большую меру ответственности в период Сталинградской битвы и операции на Верхнем Дону, в борьбе за Харьков и в реализации Дальневосточной кампании 1945 г. В роли заместителя командующего Забайкальским фронтом уже боевым генералом «выполнил ряд су-

губо важных заданий», в том числе в качестве прямого руководителя авиадесанта по освобождению от японцев Порт-Артура. После войны до конца жизни (1900 - 1968) уже в звании генерала армии В.Д. Иванов отменно работал на весьма важных постах - первого заместителя начальника Генштаба, затем начальником его Академии. Его грудь украшали 12 орденов, в их числе 3 ордена Ленина, 4 -Красного Знамени, а также полководческие награды имени Суворова и имени Кутузова первых степеней.

Памятливость Генералиссимуса, как видим, ничего не имела общего с мстительностью, хотя нередко проистекала из его явной бдительности, которая естественно порождалась известными обстоятельствами предвоенных и первых военных лет. Любопытно и то, что в воспоминаниях Василевского, бывавшего у Сталина почти ежедневно, «а иногда и по несколько раз в сутки» [1. Кн. 1. С. 130] ни словом не сказано о том, что Сталин боялся общеармейского и общегосударственного предательства или измены в виде «пятой колонны».

Не находим мы в связи с этим и каких-либо суждений об уже прошедшей реабилитации всей группы бывших военачальников, хотя выше Василевский счел возможным упомянуть, что еще в 1937 г. в Академии Генерального штаба он слушал выступления Тухачевского, Егорова, Уборевича, Якира и многих других, впоследствии очень видных военных и ученых. Даже нелепая по ходу нагнетавшихся обстоятельств, но принятая как военный долг смерть командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.Н. Кирпоноса во время выхода из окружения под Киевом 20 сентября 1941 г. не вызвала никаких социально-политических реакций. В том же стиле годом позже изначально представлялась и ситуация, связанная с окружением 2-й армии под Ленинградом под командованием генерал-лейтенанта Власова. Но здесь, напротив, делалось все, чтобы не допустить пленения последнего (привлечение партизан, спецгрупп, парашютистов и пр.). И не удалось освободить его прежде всего потому, что «этого не хотел сам Власов».

И лишь два примера, рисующие Сталина вовсе не тем, каким его изображали все последующие полсотни лет. Первый из них опять же связан с начальным этапом Великой Отечественной.

Все те дни и ночи всюду работали, как и сражались, не щадя жизни. В сущности, на износ трудились Сталин и всё его прямое

окружение - о какой-либо малейшей отстраненности лидера из-за каких-то недомоганий никогда речь не шла. И надо скорее поражаться исключительной выносливости вождя, чем обращать внимание на известные нам разглагольствования о какой-то его неадекватности. «В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, — припоминал потом Василевский, - что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться - не может».

В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для Василевского отдых от 4 до 10 часов утра и проверял, выполнялось ли это его требование. Случай нарушения - сокращение отдыха - вызывали крайне неприятные для слушника внушения: это не была «мелкая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимость». Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей «зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле».

Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, признается далее начальник Генштаба, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, дать исполнителям или фронтам необходимые указания порою требовалось время - сон откладывался. Приходилось идти на хитрость: «Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось «Хорошо»».

И уж совсем по большому счету подобные эмоции следовали по окончании войны. На Дальнем Востоке капитуляцией Японии она завершилась 2 сентября 1945 г. Уже 29 сентября по вызову Сталина в качестве недавнего главнокомандующего нашими войсками на Дальнем Востоке Маршал Василевский в присутствии большинства членов Политбюро был принят в Кремле.

Кроме неотложных мирных задач по восстановлению страны и реорганизации армии, Сталин поинтересовался и личными планами, «порекомендовал, прежде всего, как следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев... Поздравил меня с наступающим 50-летием и тепло распрощался». На следующий день газета «Правда»

опубликовала в адрес выдающегося полководца приветствие ЦК ВКП (б) и СНК СССР, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР о его награждении четвертым орденом Ленина¹.

Чтобы завершить суждения о мере жесткости, строгости и даже, казалось, необычной мягкости И.В. Сталина, приведем еще одно свидетельство, которое принадлежит, пожалуй, самому близкому на протяжении десятилетий единомышленнику вождя - К.Е. Ворошилову. Речь идет о непринужденной и уже потому примечательной с ним беседе Василевского на вольные темы, в том числе о характере Сталина.

«Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил: неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно также и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, Сталин считается с нами».

Ворошилов, подумав, ответил:

- Раньше Сталин был не совсем таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее...

¹ Всего А.М. Василевский был награжден 8-ю орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, дважды орденом Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР", Красной Звезды. Дважды удостоен ордена "Победа" и дважды - звания Героя Советского Союза (1944, 1945). Годы жизни 1895-1977. Урна с прахом в Кремлевской стене, бронзовый бюст в г. Кинешма — на родине маршала.

В любом случае Верховный Главнокомандующий избегал говорить о своих заслугах. Звания Героя и Генералиссимуса ему были присвоены по представлению командующих фронтами, да и наград у него было заметно меньше, чем у ведущих полководцев. Что же до просчетов, допущенных в годы войны, то он сказал о них всем честно и прямо на приеме в Кремле 24 мая 1945 г.:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, - над фашизмом» [4].

В этом, несомненно, заключался несущий Урок в числе целого комплекса её составляющих. Они проявились в следующем:

- в единении всех народов СССР в борьбе с фашизмом, вытекавшем из социально-политической общности социалистического государства и самого советского общества;

- в превосходстве военно-мобилизационных возможностей социалистической экономики, промышленности, транспорта, сельского хозяйства в лице колхозов и совхозов;

- в неспособности всех бывших военных блоков и монополистических государств вооруженным путем победить Вооруженные Силы страны Советов, слившиеся с народом в стратегический монолит;

- в несоразмерности вклада в разгром фашизма Советского Союза и западных союзников;

- в несопоставимости понесенного урона СССР с потерями союзных капиталистических стран ввиду и несоразмерности принятых и выполненных им оборонительных, освободительных и миссионерских задач;

- в коренном изменении в результате Великой Победы всего территориального, демографического, межнационального, политического и социального лица мира;

- в небывалом росте международного авторитета Советского Союза, в образовании новых стран народной демократии, в развале колониализма, в образовании Организации Объединенных Наций (ООН).

Все эти составляющие Победы не только глубочайшим образом понимали наш Верховный Главнокомандующий и начальник его Генерального штаба, но и добивались их всеобщей реализации. Уже тогда они предупреждали о постоянно нарастающей тенденции в официальной политике и историографии, прежде всего государств бывших союзниц, к умышленному извращению хода, итогов и реальных уроков войны.

За минувшие десятилетия эта тенденция, в рамках современного глобализма США, вылилась в официальную закономерность с целью полной и окончательной ликвидации всех исторических последствий разгрома гитлеризма, закрепленных в соответствующих международных документах, и с тем, чтобы выправить память о них из сознания народов. И это не подлежит забвению!

Библиографический список

1. Василевский, А.М. Дело всей жизни (воспоминания) [Текст]. Изд. 6-е в 2-х кн. – М., 1989; кн. I. – С. 5-6.
2. Военно-исторический журнал [Текст]. – 1978. – № 2.
3. Василевский, А.М. Указ. соч. Кн. 2. – С. 297.
4. Сталин, И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст]. – 1947. – С. 196-197.

© К.А. Киселев

Контрудар 5-й танковой армии под Воронежем: уроки и выводы

Как в годы Великой Отечественной войны, так и в современных условиях большое внимание уделялось и продолжает уделяться проблемам использования танковых войск в ходе боевых действий. Однако не всегда применение бронетанковых войск в годы Великой Отечественной войны, особенно если оно считалось

неудачным, становилось предметом изучения и последующего учета недостатков в применении крупных танковых формирований в боевых действиях. Мы считаем, что их применение 5-й танковой армией летом 1942 г. на воронежском направлении и ныне сохраняет свое значение для практики военного искусства. По нашему мнению, действия 5-й танковой армии необходимо изучать, чтобы понять реальные его результаты в ходе боевых действий того периода, тем более, что оно недостаточно исследовано и отражено в научной литературе. Это связано с мнением, что контрудар 5-й танковой армии, как и предшествующие ему действия танковых соединений группы генерала Я.Н. Федоренко, завершился неудачей.

Необходимо отметить, что в предвоенные годы советская военно-теоретическая мысль выдвигала самые передовые и прогрессивные идеи в отношении применения бронетанковых войск. И немецкие военные специалисты уделяли серьезное внимание опыту использования танков в Красной Армии. Они считали, что механизированные соединения, обладающие высокой подвижностью, огневой мощью и большой ударной силой, целесообразно применять в основном в наступлении в качестве средства развития успеха в оперативной глубине. В обороне их предусматривалось применять главным образом для нанесения контрударов в целях уничтожения прорвавшихся группировок противника и восстановления первоначального положения.

Эти взгляды подкреплялись и организационными мерами. К началу Великой Отечественной войны бронетанковые войска в Красной Армии были представлены механизированными корпусами и частично отдельными танковыми и механизированными дивизиями. По штату военного времени в танковой дивизии числилось 375 боевых машин (63 тяжелых танка КВ, 210 средних Т-34 и 102 легких Т-26 и БТ), а в моторизованной - 275 легких танков. Каждый корпус состоял из двух танковых и моторизованной дивизий. В нем насчитывалось свыше 1100 боевых машин.

Однако к началу войны эти корпуса дивизии не были в полном объеме укомплектованы необходимой техникой. Так, к моменту вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну большинство этих соединений было укомплектовано тяжелыми танками на 19%, средними на 11%. А в некоторых полках танков вообще еще не было. Тем не менее, в соответствии с опера-

тивным предназначением подавляющее количество механизированных корпусов было сосредоточено в Прибалтийском, Западном и Киевском особом военных округах. В первые дни войны они и применялись для нанесения контрударов и во взаимодействии с общевойсковыми соединениями, хотя нередко им ставились задачи и на оборону важных в оперативно-тактическом отношении рубежей. Наиболее значительными можно считать контрудары 3-го и 12-го механизированных корпусов юго-западнее Шяуляя, 5-го и 7-го - юго-западнее Витебска, а также пяти соединений в районе Луцка, Дубно и Броды.

По ряду причин механизированные корпуса не смогли полностью выполнить поставленных им задач, но нельзя не отметить, что их активность (вместе с армиями прикрытия) привела к снижению темпов наступления гитлеровцев.

В то же время уже с первых дней боев танковые и механизированные корпуса несли большие потери, а танковая промышленность не могла обеспечить потребности войск. Вследствие всех этих причин уже в августе - сентябре 1941 г. механизированные корпуса были расформированы. Вместо них начали создаваться отдельные танковые бригады, полки и батальоны.

Однако опыт контрнаступления под Москвой вновь обозначил проблему: для проведения решительных наступательных операций на большую глубину необходимо в общевойсковых армиях и фронтах иметь крупные танковые соединения. Особенно остро этот вопрос встал к весне 1942 г., тем более, что возможности промышленности по выпуску танков значительно возросли. И уже в начале 1942 г. в Красной Армии создается 20 танковых корпусов, а весной началось формирование 3-й и 5-й танковых армий.

5-я танковая армия формировалась в районе Ельца. В ее состав первоначально вошли 2-й и 11-й танковые корпуса, 240-я стрелковая дивизия, 19-я отдельная танковая бригада и части и подразделения родов войск и специальных войск. Составляя резерв Ставки Верховного Главнокомандующего, она в середине июня была сосредоточена в районе г. Ефимова в готовности к нанесению контрудара в случае прорыва противника на мценском направлении.

Однако 28 июня 1942 г. немецкая армейская группа «Вейсх» при поддержке авиации 4-го воздушного флота перешла в наступление на воронежском направлении и прорвала оборону на

стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта. Уже к исходу 2 июля противник вклинился в оборону на глубину 60 - 80 км. Его подвижные части охватили с севера левофланговые соединения 40-й армии, продолжающие удерживать оборону главной полосы. К 4 июля немецкие войска вышли к реке Дон (западнее Воронежа), создав угрозу захвата города. Чтобы не допустить этого, решением Ставки Верховного Главнокомандующего 5-я танковая армия усиливалась 7-м танковым корпусом и передавалась командующему Брянским фронтом для нанесения контрудара во фланг и тыл наступающего на Воронеж противника. Ставкой считалось, что этот контрудар коренным образом изменит обстановку в полосе Брянского фронта. В соответствии с директивой Ставки и решением командующего 5-й танковой армии генерал-майора А.И. Лизюкова 7-й танковый корпус с приданной 19-й танковой бригадой в первой половине 5 июля сосредоточивался в районе Каменка, Бол. Поляна, Вислая Поляна и, нанося удар в направлении Озерки, Верейка, Землянск, должен был уничтожить противостоящего противника и овладеть Землянском. 11-му танковому корпусу ставилась задача нанести удар в направлении Вислая Поляна, Казанка, Ниж. Турово и во взаимодействии с 7-м танковым корпусом овладеть районом Казанка, Зацепино, Долгое. Одновременно планировался ввод в бой танковых корпусов фронтового подчинения.

Первым с утра 6 июля перешел в наступление 7-й танковый корпус. В районе Красной поляны произошел встречный бой с противником (около 170 наших и примерно столько же немецких танков), в результате которого к исходу дня немцы были отброшены за реку Кобылья Снова. Наши части форсировали реку на участке Каменка, Перекоповка. Но дальше развить успех не могли, так как 11-й танковый корпус после выгрузки из железнодорожных эшелонов еще только выдвигался в назначенный район. 7 июля 7-й танковый корпус возобновил наступление, но из состава 11-го танкового корпуса вступила в бой только 59-я танковая бригада. Остальные соединения вводились в бой по мере подхода к району боевых действий. Такие действия 5-й танковой армии вызвали негодование Ставки. В ее директиве говорилось: «5-я танковая армия, имея перед собой противника не более одной танковой дивизии, третий день топчется на одном месте. Части армии из-за нерешительности действий ввязались в затяжные бои, потеряли преимущество вне-

запности и не выполнили поставленную задачу. Ставка Верховного Главнокомандующего приказывает: немедленно приступить к выполнению поставленной задачи...» [3].

Вследствие этой директивы армия продолжила наступление, к исходу четвертых суток сломив сопротивление немцев, потеснив противника на 4-5 км, и вышла к реке Сухая Верейка, где вновь была остановлена. Вечером 9 июля в наступление перешла 2-я мотострелковая бригада 2-го танкового корпуса, с утра 10 июля в бой вступили тяжелые танки 148-й танковой бригады, а затем были введены остальные силы 2-го танкового корпуса. Вследствие этого противник был выбит из Большой Верейки, однако постоянно контратаковал. Кроме того, армия не имела воздушного прикрытия и немецкая авиация беспрепятственно наносила удары по ее войскам. Таким образом, добиться дальнейших успехов армии не удалось. А 12 июля, перегруппировав свои силы, немцы нанесли сильный контрудар в стык между 7-м и 11-м танковыми корпусами, что вынудило части 5-й танковой армии перейти к обороне.

Так как контрудар 5-й танковой армии не оправдал надежд Ставки, то есть не достиг нужной цели, незамедлительно было принято решение о расформировании танкового соединения и передаче ее корпусов в подчинение фронтового командования. Однако генерал-майор А.И. Лизюков пытался спасти армию от расформирования и показать ее роль в боевых действиях. В архивах сохранился текст его телеграммы И.В. Сталину: «...У Вас односторонняя информация. Боевые действия войск определяются не количеством пройденных километров, а результатами боев» [1. С.71].

Сегодня, как считаем мы, уже можно говорить, что самоотверженные действия ряда бригад, батальонов, рот и отдельных экипажей приковали к себе значительные силы противника, замедлили темп его продвижения. Ведь для отражения удара 5-й танковой армии немецко-фашистское командование было вынуждено вернуть на север пять дивизий, в том числе две танковые, и использовать против армии большую часть авиации. Это ослабило натиск противника на Воронеж, сорвало его попытки расширить прорыв к северу от Воронежа вдоль Дона.

В чем причины того, что армия не смогла реализовать задуманное Ставкой? Вполне понятно, что такой контрудар по своей сути превращался для армии в самостоятельную наступательную опе-

рацию. Следовательно, ее необходимо тщательно планировать и обеспечивать. Факты свидетельствуют, что штаб фронта практически самоустранился от подготовки этого контрудара. Так, на рассвете 4 июля А.М. Василевский прибыл на КП фронта. Уточнив обстановку, он в присутствии начальника штаба фронта генерал МИ. Казакова поставил задачу командиру 5-й танковой армии и в тот же день убыл в Москву. Уже после войны А.М. Василевский писал, что «...тех сил и средств, которыми располагал Брянский фронт, было вполне достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление противника на курско-воронежском направлении, но разбить действовавшие здесь войска армейской группы «Вейсх». Но, к сожалению, этого не произошло потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки врага, а Ставка и Генеральный штаб, очевидно, плохо помогли ему в этом» [1. С.7].

Отрицательную роль сыграл и тот факт, что в период подготовки проведения контрудара 5-й танковой армии произошло разделение Брянского фронта. Директива Ставки по этому поводу была отдана в ночь на 8 июля 1942 года.

Кроме того, подготовка контрудара не являлась неожиданностью для немцев. Во-первых, при перевозке железнодорожным транспортом тратилось драгоценное время на погрузку и выгрузку. Во-вторых, не обеспечивалось авиационное прикрытие. Вражеская авиация без труда определяла районы сосредоточения войск 5-й танковой армии. Военный журналист А. Кривицкий приводит слова начальника штаба армии полковника П.И. Другова: «Переброска армии происходила крайне медленно. Предложение двигаться ночью своим ходом было отвергнуто... В первые же часы марша в район сосредоточения над колоннами повисли «рамы». Вскоре появились «юнкеры» противника. наших истребителей не было. Направление движения армии уже перестало быть секретом. Она шла навстречу неудаче...» [1. С.230].

К числу причин неудач 5-й танковой армии следует отнести незавершенность формирований соединений и их подготовки к ведению боевых действий. Они вступали в бой неукомплектованными. Танки КВ и Т-34 составляли не более 60% штатной численности боевых машин, не было достаточного количества артиллерии, средств разведки и управления.

При этом танковые корпуса действовали несогласованно и вводились в сражение по частям, как правило, с ходу, без достаточной разведки противника и местности. Так, например, маленькая на карте речка Сухая Верейка оказалась довольно широкой водной преградой с заболоченной поймой. Мосты на ней были взорваны, а возможные подходы к реке заминированы немцами.

Важной причиной неудач являлась неготовность многих командиров к претворению теоретических положений, которыми руководствовались Ставка и Генеральный штаб, создавая танковые формирования такого масштаба, то есть не была организована упреждающая подготовка командного состава, направляемого в формируемые соединения.

Тем не менее, на фоне общих неудачных действий 5-й танковой армии не могут померкнуть героические действия ее офицеров и солдат. Советские войска получили важный урок, из которого были сделаны соответствующие выводы, обеспечившие успех наших крупных танковых формирований в последующие периоды войны.

Библиографический список

1. Военно-исторический журнал [Текст]. — 1965. — №8. — С. 7.
2. Кривицкий, А. Не забуду вовек [Текст]. — М.: Воениздат, 1964.
3. ЦАМО. — Ф. 48а. — Оп. 1640. — Д. 179. — Л. 482.

© С.А. Ласкин

Характер действий Военно-Воздушных Сил СССР и Германии в начальный период Курской битвы 1943 г.

С 1943 года количество боевых машин Люфтваффе на Восточном фронте начало понемногу, но неуклонно сокращаться. Хотя производство самолетов в Германии, по сравнению с 1942 годом, было увеличено в 1,7 раза, огромные потери на земле и в воздухе уже невозможно было восполнить. К тому же нуждалась в усилении система ПВО третьего рейха — налеты тяжелых бомбардировщиков союзников становились все более массированными. Тем не менее, в июне 1943 года из общего количества 6203 самолетов Германии против СССР действовало 2980 машин, т. е. почти 50% [1].

Выпустив за 1942 год более чем в полтора раза больше самолетов, чем фашистское государство, советская авиапромышлен-

ность набирала темпы, сохраняя такое соотношение и в следующем году. Соответственным был и прирост боевых машин в авиачастях Красной Армии — в июне 1943 года в составе советских ВВС находилось 8293 самолета. Численное превосходство над Люфтваффе было достигнуто, однако качество подготовки пилотов, прибывающих в качестве пополнения в многочисленные авиаполки, все еще оставляло желать лучшего.

Рассчитывая вернуть утраченную стратегическую инициативу и жаждая реванша за поражение под Сталинградом, гитлеровское командование предприняло подготовку к новому крупному летнему наступлению на центральном фронте. План операции под кодовым наименованием “Цитадель” предусматривал два встречных удара с севера и с юга в общем направлении на Курск с целью окружения и последующего уничтожения советских войск, занимавших оборону в районе Курского выступа.

Всего для участия в операции предполагалось использовать 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, сосредоточенных в группах армий “Центр” и “Юг”. Основная ставка делалась на танковые и авиационные соединения. С середины марта 1943 года для усиления 4-го и 6-го воздушных флотов из Германии, Франции и Норвегии было переброшено 13 дополнительных авиагрупп. В результате удалось создать достаточно мощную группировку в составе 17 авиационных эскадр. Северную часть немецких войск прикрывала 1-я авиадивизия 6-го ВФ, имевшая в своем распоряжении 750 самолетов. 1100 боевых машин VIII авиакорпуса 4-го ВФ должны были нанести удар по противнику с юга. Кроме того, в операции планировалось задействовать 200 бомбардировщиков с тыловых аэродромов. Таким образом, общая численность подразделений Люфтваффе, предназначенных для поддержки наступления, достигла 2050 самолетов — 2/3 всех сил немецких ВВС Восточного фронта.[2]

Подразделения истребительной авиации Люфтваффе в большом количестве получили самолеты Фокке-Вульф FW.190А-4 с вооружением из четырех пушек и двух пулеметов. Были разработаны специальные противотанковые варианты бомбардировщиков. 92-я эскадрилья III/KG1 испытывала машины Ju.88Р с 75-мм пушкой под фюзеляжем, 1-я и 2-я эскадры пикирующих бомбардировщиков располагали одномоторными самолетами Ju.87G с двумя 37-мм зенитными пушками, смонтированными в подвесных кон-

тейнерах под крылом. Имелся у немцев и настоящий бронированный штурмовик, Хеншель Hs.129. Четыре эскадрильи этих самолетов приняли участие в сражении под Курском.

Силам Люфтваффе на Курском направлении противостояли 16-я воздушная армия генерала С. Руденко на северном фланге выступа (1218 самолетов) и 2-я воздушная армия генерала С. Красовского на южном фланге (1153 боевые машины). Кроме того, для усиления соединений было предусмотрено использовать в обороне 3-й смешанный авиакорпус из состава 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта. С учетом авиации ПВО и бомбардировщиков авиации дальнего действия части советских ВВС под Курском насчитывали 2650 самолетов. По количеству истребителей советская авиация превосходила противника в два раза, а общее соотношение сил ВВС составляло 1.5:1 в пользу СССР.

Для летчиков битва под Курском началась намного раньше, чем для наземных войск. Чтобы ослабить силы Люфтваффе на центральном участке фронта, командование Красной Армии предприняло ширококомасштабные действия против вражеских аэродромов. Первая операция такого рода была проведена в период с 6 по 8 мая 1943 года. Соединениями шести воздушных армий на фронте протяженностью 1200 км были нанесены массированные удары по 17 немецким аэродромам. 6 мая в первом налете участвовали 112 бомбардировщиков и 156 штурмовиков под прикрытием 166 истребителей. После возвращения пилоты доложили о 194 немецких самолетах, уничтоженных на земле, и 21 самолет был сбит в воздухе. Собственные потери составили 21 машину. Застигнутые врасплох, немцы вначале оказали слабое сопротивление, но уже во время второго налета 6 мая и третьего – на следующий день их перехватчики действовали гораздо эффективнее. Наряду с радиолокационными станциями, для обнаружения противника в Люфтваффе стали применять небольшие группы истребителей, патрулирующих вблизи линии фронта. Хотя численно превосходящие советские группы все же сумели вновь прорваться к базам Люфтваффе, записав на свой счет еще 232 сожженных на земле вражеских самолета, расклад потерь в воздухе был уже совершенно иным. 53 сбитым немецким истребителям соответствовали 93 потерянных советских самолета. 8 мая, с целью сохранения боеспособности своих авиаподразделений, немцы отказались от дальнейшей борьбы и перебазировали

многие авиачасти в тыл, рассредоточив и тщательно замаскировав боевые машины. В этот день советские ВВС совершили 201 самолетовылет и уничтожили на земле всего 6 немецких самолетов ценой 8 собственных.

В преддверии операции “Цитадель” проявляли активность и бомбардировщики Люфтваффе. Они проводили тщательную разведку, а также наносили бомбовые удары по коммуникациям и объектам, обеспечивающим снабжение Центрального и Воронежского фронтов. Эти действия завершились массированными налетами на железнодорожный узел в Курске, откуда непрерывным потоком шло пополнение советским войскам. 22 мая станцию атаковали 110 немецких бомбардировщиков в сопровождении 70 истребителей Вf.109 и Fw.190. Около 5 часов утра первая группа самолетов Люфтваффе была перехвачена в районе цели десяткой Як-1 из 283-й ИАД. Однако немецкие истребители навязали противнику встречный бой, в результате чего бомбардировщикам удалось сбросить бомбы, в основном с пикирования. Подоспевшие самолеты 101-й ИАД ПВО преследовали врага уже на обратном пути. Следующим немецким группам пришлось встретиться в воздухе с организованным отпором, а последняя группа вообще не добралась до города, вынужденная освободиться от бомб над полем. Повреждения, нанесенные станции, оказались незначительными – через 12 часов она снова возобновила работу, а потери Люфтваффе были катастрофическими. 38 немецких самолетов сбили истребители 16-й ВА, 30 – истребители ПВО и 8 машин стали жертвами зенитной артиллерии. Захваченный позднее в плен **легчик штабного отряда JG 51, Франц Клюг**, рассказал:

“22 мая при налете на Курск немецкая авиация потерпела поражение. Командование привлекло некоторых офицеров к ответственности за то, что они допустили чрезвычайно большие потери. Одного майора авиации, ранее награжденного Рыцарским Крестом, предали суду. Однако последующий налет на Курск, совершенный 2 июня, повлек за собой еще более тяжкие потери. Только орловская группировка потеряла в этот день 56 машин, а кроме того, большие потери понесли и другие авиационные части”.

2 июня немцы бросили на город 424 бомбардировщика и 119 истребителей. Налет начался в 4 часа 39 минут и продолжался почти до 15 часов. Самолеты шли пятью эшелонами, а боевые порядки ма-

шин были построены таким образом, чтобы всячески затруднить действия советской системы ПВО. Пять групп первого эшелона общей численностью 113 бомбардировщиков Ju.88 и He.111 в сопровождении 18 FW.190 и 12 Bf.109 появились со стороны Орла и располагались на разных высотах. Навстречу им немедленно поднялись в воздух советские истребители. 53 самолета 16-й ВА завязали бой на дальних подступах к Курску, а потрепанные и расстроенные формации бомбардировщиков затем были атакованы еще 30 истребителями 101-й ИАД. В итоге 58 немецких самолетов были сбиты и все пять групп бомбардировщиков полностью рассеяны.

Остальные четыре эшелона бомбардировщиков также не смогли добиться существенных успехов. Радиолокационные станции “Редут” и “Пегматит” своевременно выводили на них перехватчиков. Прорвавшиеся к железнодорожному узлу самолеты не причинили ему серьезных разрушений.

В ночь на 3 июня немцы атаковали Курск силами еще около 300 бомбардировщиков, которые в одиночку и мелкими группами действовали с интервалами 2—5 минут. За сутки советские истребители выполнили 368 боевых вылетов и записали на свой счет 73 сбитых машины противника. 41 немецкий самолет был уничтожен подразделениями зенитной артиллерии. Собственные потери составили 27 истребителей.

После очередного разгрома немецкие ВВС отказались от массированных налетов на Курск и сосредоточились на ночных бомбардировках промышленных центров СССР: Горького, Ярославля и Саратова. Советское командование с целью предотвращения этих атак предприняло в период с 8 по 10 июня новую операцию против аэродромов базирования бомбардировщиков Люфтваффе. В результате четырех мощных ударов силами трех воздушных армий (1-й, 2-й и 15-й) и частей АДД на 28 немецких авиабазах было уничтожено на земле и в воздухе около 250 вражеских самолетов. Это несколько снизило активность авиации Германии.

Поскольку время начала немецкого наступления уже не было тайной, советские сухопутные войска и авиация были своевременно приведены в боевую готовность. На южном направлении, чтобы подавить ВВС противника в районе харьковского аэроузла, в воздух было поднято крупнейшее соединение 2-й и 17-й ВА, насчитывавшее 132 штурмовика Ил-2 и 285 истребителей сопровождения.

“В свете занимающегося дня, – вспоминает пилот 152-го ГИАП С. Луганский, – армада штурмовиков выглядит зловеще. Мы летим сверху, и нам хорошо видно, как они идут – грузно, тяжело, плотным карающим строем...” [3]

Однако столь эффектно начатый налет оказался трагической ошибкой командования. Повезло в вылете, вероятно, только группе, в прикрытии которой находился Луганский. Против групп, обнаруженных радиолокационными станциями, были направлены все наличные силы истребителей 4-го воздушного флота Германии. В разгоревшейся карусели боев штурмовики понесли немалые потери. Только пилоты JG3 заявили позднее о 77 воздушных победах. Хотя немцы, по-видимому, преувеличили свои успехи, тем не менее налет был, по существу, сорван, а кроме того, остались без поддержки с воздуха войска Воронежского фронта, отражавшие первый удар противника на земле.

5 июля, взаимодействуя с наступающими дивизиями вермахта, орды самолетов Люфтваффе обрушились на передовые позиции частей Красной Армии. С орловского плацдарма немецкие бомбардировщики атаковали квадрат на поле боя со сторонами всего 30 и 15 км, в каждой атаке принимали участие до 100 самолетов, которым противостояли всего лишь эскадрильи патрулирующих советских истребителей. Только в течение одного часа в середине дня авиации СССР пришлось вести борьбу с тремя эшелонами машин Люфтваффе. В первой волне летело 60 He.111 в сопровождении истребителей, вторая волна насчитывала до 50 He.111 и Ju.87 под прикрытием 20 FW.190. Группы самолетов шли одна за другой на дистанции 3-4 км. В третьем эшелоне находились около 20 бомбардировщиков, следующих на разных высотах, которые сопровождал усиленный наряд истребителей – 30-40 FW.190. Всего за 5 июля было зафиксировано около 2300 самолето-пролетов немецких ВВС [4].

Советская авиация вначале действовала мелкими группами. Но эскадрильи “Яков” и “Лавочкиных” были не в состоянии воспрепятствовать вражеским атакам, а шестерки и восьмерки Ил-2 атаковали танки, артиллерию и пехоту противника на достаточно широком фронте. Распыленность сил снижала эффективность советских налетов, а малочисленность формирований с небольшим количеством истребителей приводила к большим потерям. Самолеты Люфтваффе безраздельно господствовали в небе. Только после ус-

тановления главного удара немецких войск командующий 16-й ВА генерал С. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков и штурмовиков. Тучи боевых машин ринулись навстречу друг другу. Воздушные поединки приобрели ожесточенный характер — десятки самолетов схлестнулись в смертельной схватке. Впоследствии **немецкий генерал Фрост** писал:

“Началось наше наступление, а через несколько часов появилось большое количество русских самолетов. Над нашими головами разразились воздушные бои. За всю войну никто из нас не видел такого зрелища” [5].

Ставка ВГК требовала завоевания господства в воздухе, однако говорить об этом было еще рано. 5 июля советская авиация совершила в 1,3 раза меньше боевых вылетов, чем Люфтваффе, и потеряла в схватках 176 самолетов. Немецкая сторона также несла значительные потери.

Немецкий легчик-истребитель из эскадры «Удет», сбитый 5 июля близ Белгорода: «Русские летчики стали драться куда сильнее. Видимо, у вас сохранились старые кадры. Я никогда не думал, что меня так скоро сбьют...» [6].

В советских ВВС были приняты меры к устранению выявленных недостатков. Зоны патрулирования истребителей были вынесены за линию фронта, на территорию противника. На передовые позиции наземных войск отправились командиры авиакорпусов и дивизий, чтобы лично руководить авиационными подразделениями в воздухе, усиливая патрульные группы в нужный момент. А самое главное, самолеты стали летать крупными формациями, по 30–40 машин. Такие порядки было легче прикрыть истребителями, а бортовые пулеметы многочисленных “Петляковых” и “Ильюшиных” представляли более серьезную угрозу врагу.

Накал воздушных боев был необычайно высоким. На двух узких участках фронта общей протяженностью до 100 км действовало с обеих сторон около 5000 боевых самолетов. Десятки немецких пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков в сопровождении “Фоккеров” и “Мессеров” засыпали бомбами позиции Красной Армии, формации Ил-2 и Пе-2 под прикрытием истребителей наносили удары по танковым соединениям и пехоте противника. Поле боя было затянуто дымом. Время от времени в небе разгора-

лись ожесточенные схватки, в которые втягивались одновременно до 100-150 истребителей.

Маршал авиации С. И. Руденко: «Я много наблюдал воздушных боев, но такого упорства, такой стремительности, такого мужества наших авиаторов мне не приходилось видеть ранее» [7].

В течение 6 июля советская авиация совершила 2800 боевых вылетов, почти сравнявшись по этому показателю с Люфтваффем, но 7 июля немцы вновь превзошли по количеству самолетов в воздухе ВВС Красной Армии, подтянув резервы и бросив в бой даже такое старье, как ранние варианты Вf.109Е и итальянские истребители Макки МС200. Действуя крупными группами, советские летчики вынуждены были делать в день по 5-6 вылетов, постоянно участвуя в затяжных массовых схватках. Авиаполки таяли на глазах, теряя боевую технику и пилотов.

В действиях советских истребителей в ходе боев выявились недостатки, основными из них являются:

1. Некоторые летчики увлекались воздушными боями с истребителями противника и подчас оставляли без воздействия вражеские бомбардировщики.

2. Иногда несвоевременно осуществлялось оповещение о приближении воздушного противника, в результате немецко-фашистская авиация прорывалась через заслоны советских истребителей и наносила удары по войскам.

3. 16-я воздушная армия в течение четырех часов почти не вводилась в действие, так как не было достаточно ясным направление главного удара противника.

В результате войска Центрального фронта несколько часов не получали необходимой поддержки от штурмовиков и бомбардировщиков. При наличии свыше 1000 исправных самолетов 16-я воздушная армия до 12 час. 5 июля произвела лишь 520 самолетовылетов.

Устранение этих недостатков:

1. 5 июля летчики 16-й воздушной армии произвели 1232 боевых самолето-вылета, провели 76 воздушных боев и сбили 106 вражеских самолетов.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «Наступило время поддержать соединения сухопутных войск авиацией. Командующему 16-й воздушной армией отдан приказ нанести удар

по прорвавшемуся противнику. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда ближайшие резервы. Этими силами удалось задержать продвижение врага» [8].

2. Применялась новая тактика действий штурмовиков:

- штурмовики и бомбардировщики группами по 6-8 самолетов наносили удары по танкам, артиллерии и живой силе противника. Группы сменялись в воздухе по заранее разработанному графику и наводились на объекты немцев с помощью радиостанций наведения. Особенно сильные удары по врагу были нанесены в районе Ясная Поляна, Озерки, Архангельское.

- эффективность поражения самолетом Ил-2 бронетанковой техники особенно возросла после включения в состав бомбового груза самолета малогабаритных противотанковых авиабомб ПТАБ-2,5-1,5 кумулятивного действия. До 192 таких бомб можно было разместить в четырех кассетах мелких бомб (КМБ), устанавливавшихся в бомбоотсеки самолета Ил-2.

Бывший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал Ф. Меллентин: "Многие танки стали жертвой советской авиации, а русские летчики проявляли исключительную смелость" [9].

Библиографический список

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза [Текст]. Тт. 1-6. – М., 1964; История второй мировой войны 1939-1945 [Текст]. Тт. 1-12. – М., 1976; Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история [Текст]. – М., 1984. Фуллер, Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор [Текст]. — М.: Иностранная литература, 1956.
2. История второй мировой войны 1939-1945 [Текст]. Тт. 1-12. – М., 1976
3. Луганский, С. Д. На глубоких виражах [Текст]. — Алма-Ата, 1963.
4. Фуллер, Дж. Ф. Ч., Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор [Текст]. — М.: Иностранная литература, 1956.
6. U. Stuka-Pilot. — New York, Ballantine Books, 1963.
7. Руденко, С. И. Крылья Победы [Текст]. — М.: Международные отношения, 1985.
8. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг [Текст]. — М.: Воениздат, 1988.

9. Меллентин, Ф. В. Танковые сражения 1939-1945 гг. : Боевое применение танков во второй мировой войне [Текст]. – М. : ИЛ, 1957.

© М.А. Киселев

Опыт Великой Отечественной войны по ведению наступления в городе

В ходе Великой Отечественной войны был накоплен бесценный опыт действий войск по ведению наступательных действий в городе. Советские войска за годы войны освободили от немецко-фашистских захватчиков более 120 городов. При этом при подготовке наступления советское командование всегда стремилось избежать потерь среди мирного населения и сохранить исторические и культурные памятники, избежать ненужных разрушений и кровопролитий. Советское командование с этой целью каждый раз предлагало немецко-фашистским войскам гуманные условия капитуляции и приступало к штурму только после отклонения выдвинутых условий. И, конечно, кощунством является решение руководства некоторых европейских и прибалтийских государств пересмотреть роль советского солдата в освобождении их городов от немецко-фашистских захватчиков и сохранении национального культурного наследия.

Опыт войны 1941 – 1945 гг. показал, что действия общевойсковых соединений при штурме крупного города значительно отличаются от наступления в полевых условиях. Этот опыт в современных условиях стал забываться, что и привело к серьезным потерям наших войск во время первой чеченской войны в Грозном. Захватить Грозный «двумя десантными полками», как заявлял тогда Министр обороны П. Грачев, оказалось непросто.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что успех наступательных действий в городе зависел от тщательности его организации, всестороннего учета командирами и штабами специфики ведения боевых действий в этих условиях. При этом при овладении крупными городами применялись различные способы действий. Когда город оборонялся незначительными силами, советские войска стремились овладеть им с ходу передовыми отрядами (частями), а главными силами обойти с целью изолирования обороняющихся от притока резервов. Если на подступах и в самом городе

создавалась прочная оборона и захватить его с ходу не удавалось, предпринимался штурм (Познань, Будапешт, Бреслау, Берлин и др.).

Великая Отечественная война показала, что успех наступления в крупном городе определяется многими факторами. Но главное заключалось в том, что нельзя рассчитывать на успех штурма города без достаточно полных и достоверных данных об особенностях планировки и застройки города, характере обороны противника, ее слабых и сильных сторонах. В годы войны оборона крупного города, организуемая немецко-фашистскими войсками, носила ярко выраженный круговой характер и включала несколько, чаще всего три, кольцевых обводов. Первый обвод создавался, как правило, на подступах к городу. Оборона на нем строилась так же, как и в обычных условиях. На нем сосредоточивалась основная часть артиллерии, танков, противотанковых и зенитных средств, инженерных заграждений. Второй обвод обычно проходил по окраине города. Его уже занимали главные силы гарнизона города, приспособлявая для обороны здания, различные городские сооружения, парки, пустыри и др. На открытых участках оборудовались траншеи, огневые точки и пулеметные площадки, связанные ходами сообщений. Третий обвод создавался в центре города. При этом город делился еще на секторы, в которые выделялись необходимые силы и средства. В принципе все эти положения соблюдаются и в современных условиях, что показал опыт боевых действий в Грозном, в Ираке и Югославии. По сравнению с наступающими обороняющиеся в городе войска имеют лучшие условия для наблюдения и стрельбы. Чаще всего они имеют возможность заблаговременно определять основные направления наступления противника и создавать на этих направлениях мощные очаги сопротивления, наиболее плотную систему огня. Городские условия благоприятствуют созданию в короткие сроки различных препятствий и заграждений, значительно затрудняющих маневр наступающих войск. А развитые подземные коммуникации, затрудненный маневр для танков позволяют поражать их в наиболее уязвимые места с близкого расстояния. Вследствие этого необходима организация взаимодействия танков с пехотой. Так, например, в Грозном гранатометчики боевиков выдвигались и занимали огневые позиции, слышав гул танковых двигателей, и поражали танки из окон городских зданий. Было решено перед выдвиганием танков выдвигать вперед на ог-

невые позиции пулеметчиков и снайперов. Это позволило уничтожать гранатометчиков противника еще при выдвигании их на огневые позиции и способствовало достижению успеха действий штурмовых отрядов и групп.

Однако наступающие должны учитывать слабые места в обороне. Так, например, оборона в городе не обладает достаточной гибкостью. Из-за сложности маневра силами и средствами обороняющийся, как правило, не в состоянии с достаточной быстротой и эффективностью реагировать на действия наступающего. А рассредоточенное размещение подразделений в отдельных домах, а в крупных зданиях - и по этажам затрудняет наблюдение, целеуказание, взаимное опознавание, управление войсками, организацию и поддержание взаимодействия. Застроенные районы не позволяют реализовывать максимальную дальность стрельбы огневых средств, ограничивают проведение контратак, чем снижают активность обороны. А пожары, вызванные наступающими с помощью зажигательных средств, могут сделать город непригодным для обороны.

Специфика наступления в городе ставит сложные задачи перед разведкой. Ведь еще до подхода общевойскового соединения к городу, кроме выполнения обычных задач, она должна установить структуру и характер построения обороны противником, вскрыть состав и группировку обороняющихся, систему огня, ПВО и заграждений, места устройства пунктов управления и узлов связи, порядок использования подземных сооружений и коммуникаций. Важной и очень сложной задачей разведки является определение расположения резервов и наиболее выгодных направлений, выводящих к ключевым объектам обороны противника.

Успех штурма города в решающей степени зависит и от эффективности огневого поражения противника. В годы войны перед штурмом города проводилась огневая подготовка атаки, в ходе которой разрушались и подавлялись огневые точки и узлы обороны противника. Ее продолжительность зависела от многих факторов, в том числе связанных с охраной жизни гражданского населения и сохранения исторических и культурных памятников. Так, например, в боях за Познань огневая подготовка атаки планировалась 45 минут, а при штурме Кенигсберга - 3 часа. При этом до начала штурма в течение четырех дней артиллерия раз-

рушала крепостные форты, наиболее укрепленные здания и долговременные огневые точки.

Артиллерийская поддержка атаки производилась, как правило, методом огневого вала и последовательным сосредоточением огня. При этом на глубину до 400 м оборона противника подвергалась сплошному поражению, а затем огонь велся по целям, мешающим продвижению наших подразделений. В ходе боя в городе артиллерия включалась в состав стрелковых подразделений.

Опыт войны показал, что для эффективных действий в городе необходимы объективные боевые задачи и другие подходы в построении боевых порядков.

В зависимости от характера обороны противника, степени укрепления построек, планировки и застройки города, наличия сил и средств дивизия в годы Великой Отечественной войны наступала в полосе 500 – 1500 м, а полк – на фронте 200 – 250 м [4].

Боевая задача войскам также определялась меньшей, чем в обычных условиях. Она чаще всего заключалась в захвате важных узлов (объектов) обороны. К примеру, при штурме Кенигсберга глубина боевых задач 235-й стрелковой дивизии составляла: ближайшей – 0,8, последующей – 2,2, задачи дня – 4 км [2].

Так, при ведении боя в городе стрелковые подразделения – взвод, рота, батальон – нуждаются в усилении в целях тактической самостоятельности. С этой целью им придавалась значительная часть артиллерии, танки, САУ, а также подразделения саперов и огнеметчиков. Кроме того, опыт показал, чтобы добиться успеха при ведении боя в городе, потребовалось на базе подразделений создавать временные формирования – штурмовые группы и отряды (табл. 1).

Штурмовые группы создавались в стрелковых батальонах распоряжением командира полка. Их количество и состав определялись характером атакуемых объектов (как правило, 2 – 3 штурмовые группы на батальон, 1 – 2 – в резерве командира полка).

Штурмовые отряды формировались в стрелковых полках (бригадах) распоряжением командира дивизии для блокирования и уничтожения наиболее прочных укреплений. Отряд обычно делился на штурмовые группы по числу долговременных огневых сооружений противника.

**Состав штурмовых отрядов и групп по опыту
Великой Отечественной войны**

	Состав	
	штурмовой группы	штурмового отряда
Стрелковые подразделения	взвод – рота	рота – батальон
Танки и САУ	2–3	взвод – рота
Противотанковые орудия	2–3	багарея
Орудия крупного и среднего калибра	3–4	до дивизиона
Саперные подразделения	1–2 отделения	1 – 2 взвода
Ранцевые огнеметчики	3–5	до взвода
Химики со средствами задымления	2–3	до взвода

Опыт создания штурмовых отрядов и групп в годы Великой Отечественной войны не потерял своего значения и в современных условиях. Особенно ярко это показали события в Грозном во время первой чеченской войны. Очевидно, что современные мотострелковые батальоны имеют достаточно сил и средств, чтобы в ряде случаев штурмовать укрепленные здания и сооружения, для которых в годы войны создавались штурмовые отряды и группы. Однако уже новый опыт боевых действий в Чеченской Республике показал, что без их создания не обойтись при овладении особо прочными узлами обороны.

Штурму обороняемых противником зданий, как правило, предшествовало их разрушение ударами артиллерии и авиации или их подрывом. Во время огневой подготовки штурмовые отряды и группы занимали исходное положение в зданиях и сооружениях, примыкавших к объекту атаки. Действия штурмовых отрядов и групп, как правило, начинались в период огневой подготовки при переносе огня артиллерии на верхние этажи зданий. Группы захвата, броском выходя к объекту атаки, обстреливали окна и амбразуры, забрасывали их ручными гранатами и стремительно врываются в здание, уничтожая противника в коридорах, комнатах, на лестничных площадках.

Не потерял актуальности и опыт Великой Отечественной войны по использованию танков в городе. Они в городских условиях теряют свое главное преимущество – маневренность, что делает их весьма уязвимыми от противотанковых средств ближнего боя.

Поэтому они включались в состав штурмовых отрядов и групп. Этот опыт не был учтен при вводе в Грозный танков Майкопской бригады.

В годы Великой Отечественной войны танки, входящие в штурмовую группу, использовались обычно для подавления огневых точек, мешавших продвижению пехоты. При необходимости они своим корпусом закрывали амбразуры пулеметчиков, находившихся в полуподвальных помещениях. Танки и САУ в городе перемещались по улицам, прижимаясь к домам, занятым нашей пехотой, или продвигались небольшими группами в 100 – 150 м позади пехоты, прикрывая ее и друг друга своим огнем по противнику, расположившемуся в домах на противоположной стороне улицы. Если пехота встречала упорное сопротивление, танки выдвигались вперед и уничтожали огневые точки противника.

Опыт войны свидетельствует, что при ведении боевых действий штурмовые группы и отряды активно применяли охваты и обходы объекта атаки. А после овладения объектом они безостановочно развивали наступление в глубину города. Так, штурмовой отряд 659-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии под командованием капитана С.Н. Сиротюка при штурме Будапешта освободил несколько кварталов города, захватил 9 бронетранспортеров, 33 орудия и миномета, уничтожил 10 огневых точек и взял в плен около тысячи солдат и офицеров [1].

При бое в городе войсками применялся и такой вид маневра, когда отдельные узлы сопротивления обходились, блокируясь частью сил, а затем уничтожались подразделениями второго эшелона или резерва. При этом часто захваченные подземные коммуникации использовались для выхода в тыл противника и для засылки разведывательных групп. Так, например, при штурме Берлина в боях за станцию Берзе два батальона 286-го гвардейского стрелкового полка 94-й гвардейской стрелковой дивизии беспрепятственно прошли по подземным сооружениям около 400 м и неожиданно появились в тылу противника. Одновременный удар с фронта и тыла позволил быстро овладеть станцией. За два дня боев подразделения полка четыре раза спускались под землю для выхода в тыл врага, овладели 12 важными кварталами, взяли в плен 1243 вражеских солдата и офицера [3].

Но при бое в городе и противник активно использует подземные коммуникации. Вследствие этого, при бое за овладение городом важное значение приобретает готовность наступающих войск отражать контратаки противника, в том числе и из подземных сооружений.

Городские условия затрудняют управление подразделениями и частями, не позволяют быстро реагировать на изменения обстановки и затрудняют маневр подразделений. Исходя из этого, как показал опыт войны, при бое в городе чрезвычайно важно обеспечить четкое взаимодействие всех сил и средств, частей и подразделений различных родов войск и соседей при овладении основными объектами. Большое внимание уделялось организации взаимодействия и в самих штурмовых отрядах и группах. В частности, при подготовке к штурму Кенигсберга штаб Земландской группы изготовил макет города в масштабе 1 : 3000. Он был сделан с ярко выраженным рельефом местности, оборонительными сооружениями и постройками и точно соответствовал плану города. На этом макете с командирами дивизий, полков и батальонов, которые должны были штурмовать город, отрабатывались вопросы взаимодействия [1. С. 172]. Война показала и необходимость обеспечения всех офицеров крупномасштабными планами городов с указанием названий улиц, номеров домов, а также всех видов коммуникаций, включая подземные. При этом важно было установить простую и надежную систему целеуказания, взаимного опознавания, особенно ночью, а также обозначения захваченных зданий и объектов. Хорошо зарекомендовала в годы войны единая нумерация на плане объектов и оборонительных сооружений противника, позволяющая облегчать управление и взаимодействие войск.

Естественно, нельзя не отметить проблемы организации управления, так как штурм города обычно распадается на ряд мелких боев. При этом следует принимать дополнительные меры к охране и защищенности пунктов управления от групп противника, оставшихся в тылу и засылаемых для диверсионно-разведывательных целей через подземные коммуникации, под видом гражданского населения и др.

В заключение отметим, что наступление в городе отличается особой сложностью и ожесточением и требует от командиров, всех офицеров, солдат высокого воинского мастерства, мужества, творче-

ства и предельного напряжения сил. Этот опыт войны, как показали боевые действия войск в Грозном, не потерял своего значения и в современных условиях. Поэтому его нельзя забывать, его нужно продолжать изучать, учитывая степень возросших боевых возможностей как наступающих, так и обороняющихся в городе войск.

Библиографический список

1. История второй мировой войны 1939 – 1945 [Текст]. – Т. 5. – М.: Воениздат, 1963.
2. Тактика в боевых примерах. Дивизия [Текст]. – М.: Воениздат, 1976.
3. ЦАМО. – Ф. 333. – Оп. 20827. – Д. 45. – Лл. 171 – 173.
4. ЦАМО СССР. – Ф. 333. – Оп. 206737. – Лл. 285 – 286.

© А.А. Киселев

Внезапность действий и введение противника в заблуждение как основа достижения победы в операции и бою

Полное и всестороннее исследование боевого опыта Великой Отечественной войны – это чрезмерно большая и трудоемкая работа. Мы остановимся на важнейшей слагаемой достижения победы в бою – достижения внезапности и применения военной хитрости. «В каждом бою нужно преподносить противнику какую-нибудь внезапность, какой-нибудь сюрприз, и тогда успех будет обеспечен», – учил Маршал Советского Союза Г.К. Жуков [3].

С древнейших времен умение обмануть противника, позволяющее достичь внезапности и разгромить даже превосходящего по силе противника, считалось необходимым условием достижения победы в войне, операции, бою. Поэтому не случайно этот аспект военного искусства всегда находился в центре внимания военных теоретиков и военачальников, которые стремились понять и обобщить все возможные способы и приемы обмана противника и достижения внезапности. Так, еще русский полководец А.В. Суворов достигал внезапности в действиях, навязывая ему бой в невыгодных условиях, широким применением дерзких, рискованных маневров и обманывая противника нанесением ударов с, казалось бы, недоступных направлений. Сущность применяемых им способов обмана противника образно

выражена в его словах: «Неприятель нас не чаёт, считает, что мы за тысячу верст, а коли издалека, то в двух и трехстах и более. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй с чем пришел» [5. С.35].

Еще в Полевом уставе Красной Армии 1929 г. было записано: «Внезапность действует на противника ошеломляюще. Поэтому все действия войск должны совершаться с величайшей скрытностью и быстротой». В «Инструкции по глубокому бою» 1935 г. указывалось, что новые средства и тактика глубокого боя повышают значение внезапности.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для нашей страны и для ее Вооруженных Сил. Во второй мировой войне ни одна армия не смогла продемонстрировать такой высокой боевой активности и добиться такой блестящей победы, как Красная Армия. Огромный опыт, полученный нашей армией в годы Великой Отечественной войны, является величайшей ценностью, его необходимо изучать, чтобы творчески применять в современных, новых условиях ведения боя. Маршал Советского Союза А. Алтунин в своих воспоминаниях отмечал: «На четвертом году войны наши командиры принимали решения в несколько раз быстрее, чем в 1941 г., а их эффективность была во много раз выше» [1].

Например, хорошо известно необычное решение, принятое командующим войсками 1-го Белорусского фронта генералом армии (впоследствии Маршалом Советского Союза) К.К. Рокоссовским при проведении операции «Багратион», в соответствии с которым предусматривалось нанести не один, а два главных удара, что в корне противоречило действовавшим в то время взглядам на проведение наступательных операций. Ему потребовалось все его мужество и настойчивость, чтобы доказать Ставке и особенно Верховному Главнокомандующему свою правоту. Кроме того, один из ударов было решено нанести через лесной и болотистый район в обход Бобруйска с юга и юго-запада. Исходя из условий труднопроходимой местности, противник не предполагал, что К.К. Рокоссовский рискнет нанести серьезный удар на этом направлении, и потому не позаботился об организации здесь сильной обороны, даже разведку вел весьма пассивно. Такая самонадеянность дорого обошлась немецкому командова-

нию. Результат превзошел все ожидания: пока противник пытался определить, на каком направлении фронт наносит главный удар и куда следует направить резервы, его тактическая зона обороны была прорвана в первый же день, и войска 1-го Белорусского фронта вышли на оперативный простор. Другой пример. Обычно перед началом операции осуществлялась имитация сосредоточения войск с целью показа ложного направления главного удара. Однако, вопреки этому избитому правилу, командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И.Д. Черняховский при подготовке операции «Багратион» начал обозначать ложное сосредоточение войск с использованием деревянных макетов техники именно в тех районах, где предусматривалось действительное сосредоточение ударных группировок. И только когда противник разгадал его «замысел» и несколько раз бомбил ложный район деревянными бомбами, войска начали выдвигаться в эти районы для наступления.

А переход наших войск в Берлинской операции ночью при свете зенитных прожекторов не имеет равных примеров в военной истории.

Такое же положение было и на тактическом уровне. Примеров этому бесчисленное множество: как на уровне мелких подразделений, так и на уровне соединений и объединений.

Так, например, при прорыве обороны гитлеровцев на Магнушевском плацдарме в январе 1945 г. командир 27-й стрелковой дивизии быстро оценил обстановку и ввел в бой второй эшелон на фланге, частично даже в полосе соседа (не там, где планировалось ранее). В результате такого смелого маневра второй эшелон дивизии внезапно для противника вышел ему в тыл и тем самым способствовал завершению его разгрома [8. С. 72].

18-я стрелковая дивизия, преследуя отходящие части 7-й пехотной дивизии противника, к утру 2 июля 1944 г. вышла на северный берег Ведло-озера. Командир дивизии, учитывая, что враг будет упорно оборонять дефиле между озерами и прикрывать дорогу на Колат-Сельга, решил совершить глубокий обход промежуточных рубежей 414-м стрелковым полком и выйти в тыл противнику. Для выполнения этой задачи предстояло в короткий срок совершить ночной марш на 23 км по лесным тропам по местности, труднопроходимой даже для пехоты. В целях дос-

тижения большей маневренности полка артиллерия и все тяжелое оружие были оставлены. Чтобы не производить излишнего шума, люди при переходе болот разувались, запрещались громкие разговоры и команды. Выход 414-го стрелкового полка во фланг и тыл противнику нарушил устойчивость его обороны в дефиле озер по берегу реки Нялма, а одновременные удары с тыла 414-м стрелковым полком и с фронта 424-м стрелковым полком поставили противника в безвыходное положение. Он был разбит [8. С.82]. В ночь на 11 января 1945 г. 1-й стрелковый батальон 50-го гвардейского стрелкового полка, получившего задачу прорвать сильно укрепленную оборону противника на участке Метель, отм. 227, 5 и наступать в направлении Щеглин, скрытно сменил подразделения 173-го гвардейского стрелкового полка. У противника во всех траншеях были подготовлены бетонированные укрытия, так называемые «лисьи норы», где солдаты противника укрывались от огня нашей артиллерии в период огневой подготовки атаки. Решением командира полка во время второго и третьего огневых налетов артиллерийской подготовки атаки в исходное положение батальона было доставлено 100 чучел и несколько макетов танков. С переносом огня в глубину были показаны чучела и макеты танков: противник принял ложную атаку за действительную и покинул укрытия, но неожиданно попал под мощный огневой налет нашей артиллерии, понеся значительные потери. В результате неожиданных для противника действий атака развивалась успешно, батальон овладел первой траншеей почти без потерь. В первой траншее было захвачено два станковых пулемета, 25 пленных и уничтожено до 60 гитлеровских солдат и офицеров. Таким образом, применение неожиданного для противника приема имитации атаки в значительной мере усилило эффективность его поражения артиллерией в последнем огневом налете по переднему краю и дальнейшего разгрома [4. С.33].

В августе 1943 г. танковый батальон 181-й танковой бригады (18-й танковый корпус) под командованием капитана Е.В. Шкурдалова в ходе рейда на город Золочев, воспользовавшись темнотой, незаметно пристроился к вражеской колонне и беспрепятственно подошел к городу. На рассвете танкисты неожиданным ударом разгромили вражескую колонну и внезапно во-

рвались в Золочев. Без решительных и обманных действий вряд ли удалось бы быстро овладеть важным узлом обороны [6. С.32].

Прекрасным примером умелого применения хитрости для достижения внезапности в действиях может служить решение командира танкового батальона 29-го танкового корпуса в Восточно-Прусской операции капитана Г.Л. Дьяченко, который, действуя в передовом отряде 31-й танковой бригады (7 танков с десантом автоматчиков), вечером 23 января 1945 г. вышел к немецкому городу Эльбинг. Из-за сложных условий местности обойти его было невозможно. Офицер принял решение пройти город под видом колонны танков противника. Жители спокойно смотрели на двигавшиеся с затемненными фарами боевые машины, приняв их за свои, по улицам маршировали гитлеровские солдаты. Когда противник разгадал хитрость танкистов, было уже поздно – советские воины достигли цели. А батальон к полуночи вышел в назначенный район, к заливу Фришес Хафф.

В 1942 г. командир стрелковой роты провел атаку безымянной высоты, занятой немцами, на рассвете. При этом он построил боевой порядок повзводно, расположив их на удалении 100 – 200 м друг от друга в глубину. С рассветом по сигналу, не стреляя, поднялся в атаку самый дальний от противника стрелковый взвод. Но как только началась стрельба со стороны немцев, он залег. Когда стрельба затихла, поднялся в атаку следующий взвод. И все повторилось. Когда поднялся в атаку четвертый взвод, находившийся ближе всех к переднему краю обороны немцев, они поспешно отступили. В этом наступательном бою потери в роте составили всего одного раненого [7].

Таким образом, показывает опыт Великой Отечественной войны, особое внимание всеми командирами для достижения успеха по разгрому противника придавалось тому, чтобы на избранных направлениях заставить противника врасплох, вынудить его вести огонь и наносить удары по территории, оставленной войсками, по ложным целям и объектам. Сосредоточение резервов и необходимые перегруппировки проводились в условиях ограниченной видимости при строжайшем соблюдении мер маскировки. Для введения противника в заблуждение осуществлялись демонстративные действия, ложное сосредоточение войск, имитация работы пунктов управления и др. При этом запрещались перепис-

ка и телефонные переговоры, связанные с предстоящими действиями. Распоряжения часто отдавались в устной форме и только непосредственным исполнителям. Например, при подготовке контрнаступления под Курском, на правом фланге Воронежского фронта, имитировалось сосредоточение двух наших армий и подготовка их к наступлению. Для отвлечения части сил противника с направлений планируемых главных ударов осуществлялся разновременный переход войск в наступление, проводились частные наступательные операции на других участках фронта. Так было под Тихвином и Ростовом (при подготовке контрнаступления под Москвой); в районах Великих Лук, Ржева и Нальчика (перед началом контрнаступления под Сталинградом); в районе Изюма (в период Курской битвы) и др.

К сожалению, уже через несколько десятилетий, прошедших после войны, бесценный опыт обмана противника был в основном забыт. В.Н. Каранкевич в своей статье «Как научиться обманывать противника» пишет: «По всей видимости, многие из военачальников стратегического и оперативного звеньев подспудно стали считать – зачем тратить свою умственную энергию, силы и средства для обмана противника, если все задачи можно решить одним ядерным ударом. Вслед за ними такого же мнения начали постепенно придерживаться и командиры тактического звена – их перестали учить по-настоящему обманывать противника».

Понадобилось десять лет войны в Афганистане, боевых действий в Чеченской Республике, чтобы понять, что в вооруженной борьбе с любым противником без обмана не достигнешь внезапности в действиях и серьезного успеха.

Таким образом, богатый и всесторонний боевой опыт, накопленный нашей армией в годы Великой Отечественной войны, является неиссякаемым и ценнейшим источником для дальнейшего развития тактики в условиях многочисленных локальных войн и вооруженных конфликтов современности. Он показывает, что надо всегда стремиться перехитрить, упредить врага. Выигрывает бой тот, кто ищет, находит и реализует обманные, неожиданные, нешаблонные замыслы (решения). Кроме того, внезапность позволяет выполнять боевые задачи меньшими силами, облегчает выполнение боевой задачи, способствует значи-

тельному снижению потерь личного состава и техники. А внезапность, как отмечал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков достигается главным образом через два элемента – обман противника и стремительность действий.

Библиографический список

1. Алтунин, А. На службе Отечеству [Текст]. – М.: Воениздат, 1995.
2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917-1941 гг. [Текст]. – М.: Воениздат, 1965.
3. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст]. – М.: Воениздат, 1978.
4. Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) [Текст]. – М.: Воениздат, 1958.
5. Суворов, А.В. Наука побеждать [Текст]. – М., 1950.
6. Тактика в боевых примерах. Батальон [Текст]. – М.: Воениздат, 1982.
7. Тактика в боевых примерах. Рота [Текст]. – М.: Воениздат, 1982.
8. Тактика в боевых примерах. Дивизия [Текст]. – М.: Воениздат, 1980.

© *М.Ю. Фартунин*

Тактика действий бандформирований в Чеченской республике (1999-2000гг.)

Опыт пресечения бандитской деятельности исламских экстремистов свидетельствует о том, что тактика действий бандформирований, противостоящих федеральным войскам на Северном Кавказе, претерпела существенные изменения. Наряду с традиционными формами повстанческой деятельности, она включала в себя также ширококомасштабные наступательные и оборонительные действия по захвату и удержанию стратегически важных объектов, характеризовалась широким спектром бандитских проявлений: от террористических акций до открытых вооруженных выступлений мелкими (15 чел.) и крупными (до 500 и более чел.) группами [1]. Вместе с тем по-прежнему основополагающими принципами тактики действий бандформирований являлись внезапность, решительность, дерзость и кратковременность налетов.

Важнейшим фактором, определяющим специфику действий бандформирований, является проведение систематических беспokoящих действий, которые вынуждают войска прибегать к

оборонительной тактике, заставляя их лишь реагировать на операции бандформирований.

«Беспокоящие» и «изматывающие» операции составляли основу тактики бандформирований, стремящихся, как правило, уклониться от прямого столкновения с крупными силами федеральных войск. В основе их действий в данном случае лежало упреждение в открытии огня, который ведется метко и преимущественно с коротких дистанций. После боестолкновений бандиты, как правило, уносили трупы своих сообщников, забирая их оружие и документы. В то же время со времени первой чеченской кампании стало традиционным совершение надругательства над телами убитых военнослужащих российской армии.

Вместе с тем, как показал опыт, бандформирования в отдельных случаях при достижении тактического преимущества делали попытки захвата и длительного удержания важного в тактическом плане или в плане жизнеобеспечения населения объекта. Это свидетельствует о новом этапе развития тактики вооруженного противоборства сепаратистов с федеральными войсками и ставке руководителей бандформирований на долговременное и ожесточенное сопротивление

Особенностью боевых действий бандформирований в Дагестане стало применение наступательных действий, которые носили преимущественно объектовый или зональный (в определенном районе) характер и велись с целью захвата административных центров или важных в тактическом отношении объектов (господствующих высот, перевалов). При этом в первую очередь использовалась возможность нанесения неожиданного стремительного удара по противнику. При организации наступления особое внимание уделялось достижению внезапности, выбору места и направления атаки. Большое внимание уделялось максимальному использованию рельефа местности. Так, вхождение бандформирований из Чечни в Дагестан осуществлялось по относительно пологому подъему, в то время как федеральным войскам приходилось отбивать у боевиков труднодоступные участки местности в горах. В ходе вооруженного противодействия федеральным войскам бандформированиями велись также и активные оборонительные действия, которые имели целью удержание баз и базовых районов в горах. Особое внимание при этом

было уделено обороне горных перевалов господствующих высот, проходов, узлов дорог (троп), населенных пунктов.

Характерной особенностью действий бандформирований является то, что подготовка к ведению оборонительных действий в Дагестане (особенно в Кадарской зоне) началась заблаговременно. Основные усилия боевиков при этом были сосредоточены на оборудовании опорных пунктов и узлов сопротивления, на подступах к которым выставлялись засады и охранение, наблюдательные посты располагались преимущественно на господствующих высотах. Опорные пункты оборудовались в инженерном отношении и готовились к длительной обороне. Активно проводилось минирование дорог, участков местности, подходов к населенным пунктам. Заблаговременно создавались сеть пунктов управления, базы (склады) хранения вооружения, боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Непосредственно на позициях находилось небольшое количество боевиков, осуществляющих охрану населенных пунктов и ведущих разведку. С началом атаки подразделений Российской Армии, используя скрытые подступы и ходы сообщений, на огневые позиции двигались основные силы боевиков, до этого находившиеся в укрытиях: пещерах, подвалах и т.д.

В ходе наступления превосходящих сил боевики после кратковременного обстрела подразделений федеральных войск отходили, как правило, мелкими группами к новому рубежу, используя проходы, лощины и всевозможные тропы. Отход осуществлялся под прикрытием огня с заранее подготовленных позиции засад, а также минно-взрывных заграждений. Прекрасно ориентируясь на местности, группы боевиков умело использовали этот вид маневра.

После выхода из-под ударов федеральных войск – бандформирования стремились занять новые выгодные позиции. Иногда, по возможности, они заходили в тыл наступающим войскам, что позволяло наносить поражение им в спину. В этом плане достаточно эффективно боевиками применялась тактика «просачивания» с последующим объединением небольших групп в районе объекта нападения.

Тактический прием активно использовался боевиками и при преследовании их федеральными войсками, в процессе ко-

того бандгруппы, если им не удавалось оторваться от наших войск, занимали круговую оборону и вели упорный бой до наступления темноты. Затем, используя хорошее знание местности, они мелкими группами просачивались через боевые порядки окруживших их подразделений.

Во время операций федеральных войск по зачистке населенных пунктов бандиты, не входя в непосредственный контакт с нашими подразделениями, обстреливали их и быстро отходили в безопасные районы. Если войска не закреплялись на достигнутых рубежах, с наступлением темного времени суток боевики возвращались в старые районы и вновь переходили к активным действиям. Так было, например, в Кадарской зоне.

Убедившись после нанесения огневых ударов российской авиацией и артиллерией по опорным пунктам и узлам сопротивления в тщетности попыток навязать группировке федеральных сил позиционные бои, бандформирования применяли тактику действий, осуществлялся отход с окраин в глубь населенных пунктов на заранее подготовленные в инженерном отношении позиции.

Широко использовались традиционные для тактики бандформирований засадные действия, нападения на блокпосты, подразделения на марше, объекты обеспечения и коммуникации. Засады устраивались в ущельях, сужениях дорог. В зависимости от целей нападения засады в ряде случаев действовали избирательно: пропускали разведку и охранение и совершали внезапное огневое нападение на основные силы войск, главным образом, на пункты управления на марше, тыловые подразделения. При этом бандиты в ходе боев перешли в основном к ночным действиям и действиям в условиях ограниченной видимости, особенно активно - в нелетную погоду. Новым элементом тактики действий боевиков оказалась организация огневых засад на господствующих высотах с целью поражения вертолетов федеральных войск на взлетно-посадочных площадках.

Обращает на себя внимание тактика действий бандформирований группами, включавшими в себя снайпера, гранатометчика и автоматчика. Расположившись рассредоточенно, группа огнем автоматчика намеренно вызывала ответную реакцию войск. Снайпер, выявив огневые точки, поражал их, а при

выдвигании техники ее уничтожал гранатометчик. Снайпер при этом располагался на удалении 400—600 м от предполагаемых целей [2]. Объектами уничтожения для мелких групп и боевиков-одиночек являлись одиночные транспортные средства и военнослужащие российских войск (в первую очередь офицеры). Как и снайперы, последние стремились действовать наверняка и в первую очередь поражали военнослужащих без бронежилетов.

По своей сути тактика действий боевиков при проведении засадных действий состояла в коротком огневом налете из засады и отходе в безопасное место (“ударил — убежал”). С началом наших операций по зачистке населенных пунктов боевики широко применяли минирование зданий, отдельных предметов, образцов вооружения и техники и даже трупов. Имели место действия боевиков, особенно наемников, “вахтовым методом”, когда они 1—3 суток вели боевые действия, затем уходили для отдыха на базу в безопасный район.

Понимая бесперспективность длительного организованного сопротивления действиям российских войск, руководство бандформирований стало вести активную работу по подготовке баз боевиков в южных горно-лесистых районах Чеченской Республики, налаживать централизованную сеть управления ими. С этой целью создавались перевалочные базы и готовились маршруты движения для переброски на территорию Чечни наемников с территории Грузии и Азербайджана.

Особое место в тактике действий бандформирований занимает разведка. Для ее ведения использовалось преимущественно местное население (в основном женщины, старики, дети), представители которого практически беспрепятственно подходили к колоннам, позициям и районам сосредоточения войск, вступали в разговоры с военнослужащими, подсчитывали примерную численность войск, техники и вооружения, а затем передавали добытые сведения боевикам. Разведку вели и специальные разведывательно - диверсионные группы, а также группы разведчиков со средствами связи, действующие на легковом автотранспорте. Особое внимание разведка боевиков уделяла определению мест расположения командных пунктов войск.

Заслуживает внимания и организация систем связи бандформирований, которая строилась на основе стационарных и

подвижных средств радиосвязи. Для этого использовались в основном переносные радиостанции старого парка Р-105М (Р-109), широко применялась также сеть любительских радиостанций, кроме того, в наличии у боевиков имелось некоторое количество радиостанций иностранного производства. Командованием группировки федеральных войск был учтен опыт первой чеченской кампании, в ходе которой имели место факты вхождения боевиков в связь на частотах наших соединений и частей, попытки передачи ими ложных сообщений и команд, в частности, на нанесение ударов по определенным объектам (районам), где находились войска. Подобные попытки пресекались средствами радиоэлектронного подавления.

На вооружении бандформирований имелись и средства ПВО (ЗУ—23, ЗПУ, ПЗРК), в том числе иностранного производства, которые были распределены по отрядам и группам боевиков [3]. Для борьбы, в первую очередь с вертолетами, использовалось также стрелковое оружие и даже противотанковые гранатометы. В целях повышения живучести огневых средств боевики располагали их в населенных пунктах, вблизи жилых домов, во дворах, сараях и хорошо маскировали.

У боевиков существовала система наблюдения и оповещения о воздушных налетах фронтовой авиации Федеральных Сил. При этом с получением сигналов о воздушном нападении боевики занимали места в тоннелях, бетонных укрытиях и других ранее определенных и оборудованных местах, в результате чего потери людей в отрядах НВФ значительно уменьшались.

Отмечались случаи принудительного использования местного населения как заложников для предотвращения ведения огня по расположению боевиков либо важных объектов. Так, 26.11.99 г. в н.п. Новогрозненский боевики собрали местных женщин и детей и разместили их на верхних этажах трех школ. Сами же при этом находились на нижних этажах и в подвалах зданий [4].

В ряде случаев в ходе атаки опорных пунктов боевиков нашими войсками с началом огневой подготовки боевики броском вперед выдвигались на 150-200 м, чтобы избежать поражения артиллерийским огнем, и изготавливались для стрельбы. Затем открывали шквальный (иногда кинжальный) огонь по наступающим

цепям пехоты и быстро отходили назад в свою траншею. Наши солдаты, находясь на открытой местности, несли при этом значительные потери. При неблагоприятном развитии обстановки, отразив одну—две атаки, отходили по заранее подготовленным ходам сообщения в укрытия или вообще покидали опорный пункт.

Иногда при оборудовании окопов боевики не устраивали бруствер, что значительно затрудняло определение точного рубежа переднего края при наблюдении с земли.

В начале 2000 года боевики НВФ перешли к ведению засадных действий, проведению налетов, диверсий и других элементов партизанской тактики. Так, в марте 2000 г. в засады попали колонны Московского и Пермского отрядов милиции особого назначения, понеся значительные потери: 20 и 39 человек убито соответственно. 23 апреля 2000 г. в районе Сержень-Юрт боевики устроили засаду на тыловую колонну 51 пдп. Несмотря на принятые меры по организации прикрытия колонны (в т.ч. и с воздуха) боевикам удалось с близкого расстояния открыть кинжальный огонь, первыми же выстрелами из РПГ и очередями из стрелкового оружия им удалось уничтожить расчет ЗУ-23, а затем огонь был перенесен по машинам и личному составу [5].

Таким образом, на основе опыта боев можно определить основные разновидности действий незаконных вооруженных формирований.

Среди них:

Оборона в населенных пунктах с привлечением значительных сил и средств (до 300 и более чел.).

В населенных пунктах боевиками были устроены мощные укрепленные опорные пункты. Подходы к опорным пунктам в населенных пунктах, как правило, минировались, вся местность перед ними пристреливалась с использованием ориентиров.

Для ведения огня и корректировки его в ночное время боевики широко применяли световые створы. Для отражения ударов армейской авиации боевиками использовались все виды оружия вплоть до гранатометов.

Засадные действия с широким применением минно-взрывных средств.

Места проведения засад готовились заранее. Оборудовались огневые позиции, устанавливались мины и фугасы.

Активная диверсионно-террористическая деятельность.

Потеряв контроль над горной частью и понеся большие потери в открытых столкновениях с федеральными войсками, боевики стали делать ставку на организацию и проведение диверсий и террористических акций.

Создание сети опорных баз в горных районах Республики Дагестан и в Чечне.

В горных районах было оборудовано большое количество баз и складов с запасами оружия, боеприпасов, медикаментов и продовольствия. В интересах обеспечения действий боевиков была создана также разветвленная сеть тайников с материальными и финансовыми средствами.

Анализ тактики бандформирований не может быть объективным без учета их качественных характеристик, определяющих сильные и слабые стороны.

Особое внимание целесообразно обращать на сильные стороны бандформирований, к которым следует отнести:

а) *Организацию разведки.* Она обеспечивает бандформированиям поступление непрерывной информации о дислокации и перемещениях федеральных войск, их численном составе, боеспособности и уязвимых местах. Как правило, бандиты имеют широко развернутую сеть агентов среди местного населения.

б) *Местные условия.* Бандиты часто смешиваются с местным населением, что увеличивает их возможности действовать внезапно. Для определения их среди местного населения эффективным является введение режимно-пропускного контроля за перемещением населения.

в) *Осведомленность.* Знание боевиками бандформирований местных особенностей дает им возможность осуществлять эффективное психологическое давление на местное население. Эту сильную сторону следует нейтрализовать налаживанием хороших взаимоотношений между органами управления и федеральными войсками (силами) с органами власти на местах и населением. Существенным добавлением к этому является организованное участие в проведении операций местных противобандитских отрядов ополчения.

г) *Решительность, дисциплину и физическую подготовку боевиков.* Полевые командиры, как правило, хорошо подготовлены,

обучены, обладают высокой решимостью до конца отстаивать интересы своего дела, усиливаемой твердой, порой даже жесткой дисциплиной. В то же время не все рядовые боевики обладают этими качествами и гораздо легче поддаются панике, особенно в условиях неблагоприятно складывающейся для них обстановки.

Слабыми сторонами бандформирований являются:

а) *Нехватка личного состава и ресурсов.* Наиболее уязвимым для действий бандформирований является уничтожение их баз снабжения, блокирование маршрутов доставки подкреплений, оружия и продовольствия. Это на определенное время нейтрализует активную деятельность банды.

б) *Их зависимость от поддержки местного населения.* Снижение или полное ее отсутствие значительно снижает эффективность их действий. В связи с этим одной из главных задач информационного обеспечения противобандитских операций является завоевание и удержание поддержки со стороны местного населения.

В целом анализ тактики действий бандформирований позволяет сделать следующие выводы:

1. Федеральным войскам противостоял хорошо подготовленный в оперативно- тактическом плане, оснащенный новейшими образцами стрелкового вооружения, жестокий и бескомпромиссный противник, использующий для достижения своих экстремистских целей комплекс диверсионно-террористических методов и элементов тактики общевойскового боя.

2. Ожесточенность вооруженного сопротивления показала, что вторжению бандформирований в Дагестан предшествовала длительная и тщательная подготовка, осуществляемая при активной помощи и участии как специальных служб экстремистских международных исламских организаций, так и незаконных вооруженных формирований, полулегально действовавших на территории Чечни.

3. Неотъемлемым компонентом тактики бандформирований по-прежнему остается терроризм, включающий применение взрывных устройств, убийства, похищение людей, нанесение телесных повреждений, пытки, шантаж и угрозы. Целью террора является запугивание населения и дискредитация органов власти, заставляющие усомниться в способности правительства

обеспечить надежную безопасность государства, общества и личности.

Библиографический список

1. Воробьев, И.Н., Киселев, В.А. Боевые действия в локальных войнах и вооруженных конфликтах [Текст]: монография – М.: ВАФ, 1996. – С. 56.
2. Батюшкин, С.А. Учат ли уроки Чечни? [Текст] // Солдат удачи. – 2003. – № 4. – С. 8.
3. Трошев, Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М.: Вагриус, 2001. – С. 79.
4. Там же. – С.129.
5. Уроки и выводы из опыта боевого применения Объединенной группировки войск (сил) при проведении КТО на территории Северо – Кавказского региона РФ [Текст]: материалы научно-практической конференции ВС РФ. – М., 2000. – С.188.

© А. И. Сазонов

К вопросу об образовании первого военно-инженерного учебного заведения

Создание первых военных школ в России связано с именем Петра I. Потребность в образованных специалистах, как и все петровские реформы, была вызвана внешней войной и внутренней борьбой. Армии и флоту нужны были подготовленные руководители и особенно специалисты по навигации, артиллерии, инженерному делу. Внутри страны таковых подготовить было негде. Поэтому примерно с конца 1696 г. начала практиковаться более или менее широкая отправка за границу представителей знатной молодежи для обучения первоначально военно-морскому делу, артиллерии и фортификации, а позднее и другим наукам. Польза от этого была не так велика, как этого хотелось Петру I, но она несомненно была. Очень трудно установить общее количество отправленных на обучение за границу. В то же время можно считать достоверным, что подавляющее большинство изучало специально морское и военное дело, а остальные хотя бы частично также изучали отдельные военные отрасли знания. Но такая форма интеллектуальной зависимости от Европы не могла устраивать Петра I. А. И. Остерман зафиксировал

его слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». К тому же в 1724 г. Петр I писал, что все народы особенно усердно старались не допустить нас до света разума во всем, особенно в военном деле, но они проглядели это, точно у них в глазах помутилось, «яко бы закрыто было сие перед их очесами» [1].

Для осуществления грандиозных планов было необходимо большое число технических специалистов, которых можно было подготовить только внутри страны. Нужды армии и флота были на первом месте. Практические меры по созданию отечественных учебных заведений предпринимаются во время первой поездки Петра I за границу в 1698 г. В Англии он договорился о переходе на русскую службу математика профессора Эбердинского университета Генри Фарварсона (Фергансона) и еще двух его коллег: Стенли Гвина и Ричарда Грейса. Надо отметить, что первую морскую школу в Азове в 1698 г. создали также «иноземцы веницейской земли» галерного флота капитан М.С. Миланкович и боцман И.А. Кучица по распоряжению Петра I. Это были, видимо, сербы или хорваты. Подготовленные отечественные кадры отсутствовали, и такой ход дела был вполне естественным. Более или менее организованная подготовка офицеров начиналась уже в потешных полках, позднее ставших гвардейскими. Гвардейские офицеры стали не только руководителями армии, но и людьми, на которых Петр I опирался при проведении всей внутренней и внешней политики. В артиллерийской школе при Бомбардирской роте Преображенского полка, открытой в 1698 г., уже было некое подобие учебного процесса. Там изучались начальная математика, артиллерия, правила стрельбы, фортификация, велись практические занятия. Но это было скорее просто обучение основным навыкам. Начавшаяся в 1700 г. Северная война не только ускорила реформу в области образования, но и самым неблагоприятным образом воздействовала на ее ход и последствия. Она сообщила реформе болезненно ускоренный ход. Петру I нужны были прежде всего профессиональные школы. У него не было времени, чтобы начать сначала, то есть со школ первоначальных. Он сразу сделал скачок к самому высшему по тому времени образованию: инженерному искусству, мореплаванию, высшей математике и др. Это стало следствием

заботы не столько о распространении просвещения, сколько о подготовке офицеров, необходимых в условиях войны для армии и флота. Условия войны заставляли работать на ее нужды любые образовательные учреждения [2].

Особенно значительную роль в подготовке национальных инженерных и артиллерийских кадров сыграли инженерно-артиллерийская школа и знаменитая школа Математических и навигацких наук, открытые в самом начале XVIII в. Основание этих школ было продиктовано необходимостью обеспечить отечественными специалистами в первую очередь артиллерию и строящийся военно-морской флот, т. е. те области государственного и военного строительства, где острее всего ощущалась нехватка технически образованных кадров и где приходилось чаще и больше всего прибегать к помощи наемных иноземных специалистов.

В петровское время были открыты медицинская школа (1707), а также кораблестроительные, штурманские, горные и ремесленные школы. В провинции начальное образование осуществлялось в трех типах школ: 46 епархиальных, готовящих священнослужителей; 42 цифирных, готовящих местных мелких чиновников; гарнизонных школах, обучавших солдатских детей. Помимо этого в 1703–1715 гг. в Москве работала особая общеобразовательная школа – гимназия пастора Э. Глюка, в которой обучали в основном иностранным языкам.

К сожалению, ни в дореволюционной, ни в современной исторической литературе, вследствие отрывочности и искажения фактов, не дается правильного представления о дате образования первого военно-инженерного учебного заведения, о работе и значении первых инженерных школ в подготовке не только командных кадров для русской армии, но и образованных людей вообще.

В одной из наиболее ранних работ по военному образованию в России Н. Мельницкий относил основание первых инженерных школ к 1712 г. [3] В работе, опубликованной в 1866 г., М. Д. Хмыров отмечает, что с 1701 г. инженерные кадры в России пополнялись «доморощенными учениками школ Приказа артиллерии» [4].

В 1876 г. Н. Е. Бранденбург опубликовал сборник архивных документов Приказа артиллерии, в котором поместил указ

Петра I об основании в Москве в 1701 г. артиллерийской школы. Основание инженерной школы он относит к 1712 г. [5], а о более ранней подготовке инженерных кадров не упоминает.

Д. П. Струков в 1892 г. опубликовал специальное исследование по истории Московской пушкарской школы и указал, что еще в 1698 г. в Москве по предложению дьяка Виниуса был положен первый опыт основания училища светских наук учреждением в артиллерии при Пушкарском приказе особой школы «цифири и землемерия», а также словесных наук: грамоты и письма, которая послужила «зачатком» для артиллерийской школы. Струков допускает серьезную неточность, отводя главную роль в организации этой школы Андрею Виниусу (Известно, что Андрей Виниус руководил Пушкарским приказом только с 1700 г. и имел непосредственное отношение к руководству инженерно-артиллерийской школой, основанной в 1701 г.). О Бомбардирской школе Преображенского полка он не упоминает, а основание инженерной школы относит только к 1712 г. [6]

П. М. Парибок [7] об этой же школе (школе «цифири и землемерия») говорит, что она была в ведении Иноземного приказа и руководил ею майор Преображенского полка Адам Вейде, только почему-то образована она была в 1699 г. и готовила детей пушкарских и гранатчиков в артиллерийские офицеры, но почему-то прапорщиками [8], а не бомбардирами. Возможно, это была другая пехотная школа или автор статьи смешал две разные школы – пушкарскую школу при Пушкарском приказе и пехотную школу А. Вейде. О Бомбардирской школе Преображенского полка он тоже не упоминает.

По-видимому, в конце XVII в. в Москве были две школы, если их так можно назвать – пушкарская и пехотная. Сведения о пушкарской школе обрываются в 1699 г. Как полагает Д. П. Струков, это связано с тем, что 26 и 27 июля в Москве был большой пожар и здание школы на пушечном дворе сгорело [9]. По его мнению, эта школа была предназначена для подготовки артиллерийских кадров.

Более обстоятельную статью по истории артиллерийской и инженерной школы написал М. Денисьевский [10]. Он указывает, что специальные военные школы: инженерно-артиллерийская, Математических и навигацких наук – «служили рассадни-

ком военного образования в наших сухопутных и морских силах, положив впоследствии фундамент нашим военно-учебным заведениям». Основание специальной школы, в которой обучали «инженерному и артиллерийскому делу будущих офицеров военно-сухопутной армии», автор относит к 1701 г. Вместе с тем М. Денисьевский сообщает, что до 1712 г. самостоятельной инженерной школы не было, «инженерные офицеры готовились в "Верхней" пушкарской школе, которая составляла с инженерною школою одно учебное заведение», так как Петр I приказал «в школах пушкарской и инженерной вместо умершего учителя Яна Адлера назначить другого инженера». Существование артиллерийской и инженерной школы с 1701 г. М. Денисьевский обосновывает тем, что в 1712 г. вышел указ, по которому приказано было «школу инженерную умножить», т. е. выделить в самостоятельное учебное заведение. Других подтверждений для своих выводов М. Денисьевский не дает.

П. Ф. Каптерев образование артиллерийских и инженерных школ относит к 1712 г. [11] А. Прусак считает, что артиллерийская школа, основанная в 1701 г., была инженерной школой и в 1712 г. для нее искали мастера из русских [12]. О подготовке в школе артиллеристов А. Прусак ничего не сообщает. Д.Е. Козловский приводит текст указа Петра I о создании артиллерийской школы в 1701 г., но об общем и артиллерийском образовании говорит, что школы, учрежденные Петром I, не давали людей вполне подготовленных ни в артиллерийском, ни в общеобразовательном отношении. Да и окончивших школы было очень мало. Поэтому как при Петре I, так и после него практиковалась посылка молодых людей для обучения за границу [13].

А. И. Савельев утверждает, что император Петр I учредил в Москве в 1700 г. первую инженерную школу [14]. Далее в сноске он говорит, что существует свидетельство (Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. 1862 г.), в котором сказано, что школа Математических и навигацких наук также занималась подготовкой инженеров, но эта школа была образована только в 1701 г. Очевидно, А. И. Савельев тоже смешал две разные школы: пушкарскую и школу Математических и навигацких наук.

В 1951 г. в журнале «Советская педагогика» была помещена статья Н. В. Нечасва, в которой автор придерживается та-

кой же точки зрения, как и П. М. Парибок. Но, чтобы оправдать существование пушкарской школы при Иноземном приказе, рассказал об обучении в ней недорослей – волонтеров, ездивших в Западную Европу с посольством, а также детей пушкарских и гранатчиков [15].

Б. В. Золотарев образование школы для подготовки инженерных и артиллерийских кадров относит к 1698 г. Далее он говорит, что эта школа была сформирована на базе Бомбардирской роты Преображенского полка. В ней было организовано некое подобие учебного процесса: здесь изучали начальную математику, артиллерию, фортификацию и вели практические занятия. Но это было скорее учебное подразделение, а не военно-учебное заведение [16].

В Большой советской энциклопедии говорится, что первые военно-учебные заведения появились в конце XVII – начале XVIII вв.: в 1698 г. – военно-инженерная школа в Москве и в 1701 г. – школа Математических и навигацких наук в Петербурге [17], а в другом месте сказано, что школа Математических и навигацких наук основана Петром I в 1701 г. в Москве [18]. В то же время ничего не говорится о подготовке инженерных кадров в Московской инженерно-артиллерийской школе.

Даже Российская энциклопедия [19] не вносит ясности в эту проблему. В ней приводятся данные, что в 1698 г. были открыты артиллерийские школы – при Бомбардирской роте Преображенского полка для подготовки строевых артиллерийских кадров и при Московском пушечном дворе для подготовки технических кадров. В 1701 г. в Москве открыты новые военно-учебные заведения: школа Математических и навигацких наук, артиллерийская (при новом Пушечном дворе, построенном на месте сгоревшего в 1699 г.) и инженерная школы. Во время Северной войны в 1709 г. была создана инженерная школа в Москве. Здесь мы тоже видим неточности: в 1698 г. при Бомбардирской роте возникла одна из первых русских военно-технических школ, сыгравших важную роль в подготовке отечественных специалистов, хорошо образованных не только в области артиллерии, но и в военно-инженерном деле, а при Пушечном дворе в том же году была образована особая, больше похожая на светское учебное заведение, школа «цифири и землемерия, а также и словесных

наук: грамоты и письма». Затем в 1701 г. при новом Пушечном дворе (на месте сгоревшего) была образована одна школа – инженерно-артиллерийская, а не две разных. А о том, что в 1709 г. была образована инженерная школа, больше ни в одних источниках не упоминается.

Советская военная энциклопедия приводит более точные сведения. В ней говорится, что первые военно-учебные заведения возникли в конце XVII – начале XVIII вв. в период создания регулярной армии и военно-морского флота. В 1698 г. по инициативе Петра I были открыты артиллерийская и пехотные школы в Москве и мореходная в Азове, а в 1701 г. – артиллерийская и инженерная школы, школа Математических и навигацких наук в Москве. Во время Северной войны (1700-1721) возникли новые специальные средние военно-учебные заведения: артиллерийская (1712), инженерная (1719) школы в Петербурге, инженерная школа (1712) в Москве [20].

Таким образом, исследования по истории инженерных школ в России, опубликованные Н.Е. Бранденбургом, М. Денисьевским, П.М. Парибоком, А. Прусаком, Д.П. Струковым и другими исследователями, а также энциклопедические справочники содержат ряд неточностей и ошибочных положений и не дают нам точного представления о дате образования первого военно-инженерного учебного заведения, а также о работе и значении первых инженерных школ.

На основании анализа архивных и исторических документов можно сделать вывод, что почти одновременно возникли две специальные военные школы для подготовки кадров для регулярной армии и флота. По указам Петра I от 10 января 1701 г. – Московская пушкарская школа, или школа на Пушечном дворе, для обучения будущих офицеров военно-сухопутной службы инженерно-артиллерийскому делу; а также от 14 января 1701 г. – Московская «школа Математических и навигацких, то есть мореходных хитростей наук учение» в Сухаревой башне, которая «не токмо морскому ходу нужна, но и артиллерии и инженерству» – так определял ее назначение в 1708 г. Петр I в письме к Ф. М. Апраксину [21].

Кроме того, можно сделать заключение о том, что первая военно-инженерная школа была образована именно 10 января

1701 г. Так, в отчете Приказа артиллерии за 1701–1705 гг. полностью сохранилось содержание указа Петра I об основании этой школы и ее задачах. В отчете говорится: «В прошлом 1701 году января в 10 день по именному Великого государя указу, за поме-тою думного дьяка Андрея Винууса, велено на новом пушечном дворе построить деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей детей их словесной и письменной грамоте и цифири и иным инженерным наукам, и будучи им в тех школах учиться выше писанным наукам с прилежанием, а выучась, без указу с Москвы не съехать также в иной чин, кроме артиллерии, не отлучаться, и кормить, и поить их в выше писанных же школах; а на корм положено им по 2 деньги человеку на день и с тех денег с половины покупая хлеб и харч: в постные дни рыбу, а в скоромные мясо и варить кашу или щи, а по другой деньге – на обуви и на кафтанишки и на рубашонки. И учащим и переимчивым будет государево особое жалованье и дача смотря по учению» [22]. Школьным учителям: цифирному, словесным и письменным наукам – положено было по 6 денег на день, а учителям, назначенным из учеников, – по одной деньге на день. Можно представить, какое было мизерное содержание учеников и учителей, как бедствовали они, если принять во внимание, что среди них было немало женатых. Однако государство нуждалось в материальных средствах для войны, поэтому не могло должным образом обеспечить учащихся.

В указе отмечено, что в школе должны преподаваться, кроме общеобразовательных предметов, специальные инженерные науки, а окончившие школу должны служить в артиллерии (инженеры входили в состав артиллерии, т.к. инженерных войск в то время еще не было). Таким образом, можно с уверенностью предположить, что это была первая военная инженерно-артиллерийская школа.

Примечания

1. См.: Ключевский, В.О. Русская история [Текст]: полный курс лекций в 3-х кн. Кн. 3. – М., 1993. – С. 63.
2. См.: Лушников, А.М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.) [Текст]. – Ярославль, 1996. – С. 14–20.

3. См.: Мельницкий, Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства) [Текст]. – Т. 1. – СПб., 1857. – С. 2–3.
4. См.: Хмыров, М. Д. Главные начальники русской артиллерии [Текст] // Артиллерийский журнал. – 1866. – № 2. – С. 99–100.
5. См.: Бранденбург, Н.Е. Материалы для истории Артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1700–1720) [Текст]. – СПб., 1876. – С. 241–248.
6. См.: Струков, Д.П. Московская пушкарская школа [Текст] // Военный сборник. – 1892. – № 1. – С. 142–143.
7. См.: Парибок, П.М. Первая русская Пушкарская школа [Текст] // Советская педагогика. – 1943. – №5–6. – С. 44–45.
8. Прапорщик – первый военный офицерский чин 14 класса, низший обер-офицер.
9. См.: Струков, Д.П. Указ. соч. – С. 142–143.
10. См.: Денисьевский, М. Специальная школа инженерная и артиллерийская [Текст] // Инженерный журнал. – 1904. – № 6–7. – С. 1014–1019.
11. См.: Каптерев, П.Ф. История русской педагогики [Текст]. – СПб., 1909. – С. 112–117.
12. См.: Прусак, А. Инженерные школы при Петре I [Текст] // Военно-инженерный журнал. – 1940. – № 7. – С. 124–127.
13. См.: Козловский, Д. Е. Очерк развития артиллерийского образования в России [Текст] // Сборник материалов по истории Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского. Т. XXXI. – М., 1941. – С. 123–124.
14. См.: Савельев, А.И. Исторический очерк инженерного управления в России [Текст]. – Ч. 1. – СПб., 1879. – С. 45.
15. См.: Нечаев, Н.В. К 250-летию первых указов Петра I о школах [Текст] // Советская педагогика. – 1951. – № 6. – С. 17.
16. См.: Золотарев, Б.В. К вопросу о начале артиллерийского и военно-инженерного образования в России [Текст] // Проблемы истории феодальной России. – М., 1971. – С. 195–206.
17. См.: Большая советская энциклопедия (БСЭ) [Текст]. – Т. 5. – М., 1978. – С. 239.
18. См.: БСЭ. Т. 29. М., 1978. – С. 426.
19. См.: Отечественная история: энциклопедия [Текст]. – Т. 1. – М., 1994. – С. 426.
20. См.: Советская военная энциклопедия [Текст]. – Т. 2. – М., 1976. – С. 258.

21. РГВИА. – Ф. 351. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 48.

22. Архив ВИМАИВиВС. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4. – Лл. 977–980.

© В. Т. Анисков

Рецензия на книгу

Каратуева М.И., Фролова М.И. 1939–1945 гг.: взгляд из России и из Германии. – СПб.: «СПБ СРП» Павел, 2006. – 366 с.

Трудно назвать иную современную проблему по историографии и методологии, которая оказалась бы сравнимой по значимости с представленной в изданной монографии. В сущности, перед нами первое такого рода сопоставительное исследование российских и германских исторических взглядов на все важнейшие события Великой Отечественной и Второй мировой войн в целом. Фактически оно вылилось в краткую обобщающую работу энциклопедического характера, ставшую концентрированным результатом многолетних усилий хорошо известных авторов.

Нет узловых тем предвоенных и военных лет, не нашедших должного отражения в книге, причём на основе самой разносторонней фактологии архивного и библиографического происхождения с обеих сторон и за всё означенное время: от пакта ненападения до полного поражения гитлеровцев и их сателлитов. В том числе в виде встречных оценок и аргументов причин порождения обеих войн, вклада союзников в разгром агрессоров и источников победы Советского Союза.

В нашем кратком отклике, вовсе не претендующем на обобщающую рецензию, мы соприкоснемся лишь с одним заключительным сюжетом итоговой главы монографии, связанной с оценочными выводами о роли и заслугах И.В.Сталина в спасении человечества от фашизма. Авторы не только не скрывают, а и допустимо корректно приводят наиболее типичные высказывания на этот счет политических и военных деятелей, историков и политологов, лидеров и руководителей сражавшихся держав, причем не только положительные, но и явно противоположные.

При этом достоверно анализируются и тяжкие ошибки, которые привели к особым потерям в первый период Отечественной войны при всём разбросе мнений об их масштабности и

последствиях, равно как и дифференцированности в оценках личной вины Сталина. При той же очевидности, что все без исключения от Ставки Верховного Главнокомандования до рядового солдата на протяжении всей войны учились побеждать. Это относилось и к Сталину. «Его хорошая память, умение быстро вникать в суть вопроса, сильная воля и твердый характер, высокие организаторские качества, - подчеркивает генерал армии (ныне президент Академии военных наук) М.А.Гареев, - создали предпосылки для проявления военного искусства» (Новая и отечественная история. - 1995. - № 2. - С. 12-13).

Авторы книги выразили согласие и с известной оценкой И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего, высказанной Г.К. Жуковым в его мемуарах: «В руководстве вооруженной борьбой в целом, - писал он, - И. В. Сталину помогли его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить путь для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим». (Т. 2. С. 109). И это в итоге отмечал самый признанный советский маршал, приведший в своих воспоминаниях высказывание М. Шолохова в интервью в честь 25-летия Победы: «Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине». М. Каратуев и М. Фролов разделяют и мнение тех, кто считает, что изучение личности Сталина предполагает многомерные подходы, всесторонний анализ и обязательное следование принципам историзма.

Необходимо понимать и раскрывать атмосферу тех лет, следовать уровню общественного сознания и особенности психологии советских людей 40-х годов, а не подгонять их действия под современные оценки. Несомненно, что самая страшная война в истории человечества велась советским народом «вовсе не за Сталина», хотя и решающим образом, подчеркнем и мы, под его стратегическим руководством. Оттеним и то бесспорное положение, что особый личный вклад Иосифа Виссарионовича

вольно и невольно сливался с его ролью в качестве руководителя Государственного Комитета Оборона и правящей Коммунистической партии, что ныне, хотя и в разной мере, разделяет подавляющее большинство обществоведов России.

За Сталиным стояла новая общественная система, и потому не кратковременные факторы, а фундаментальные причины легли в основу безоговорочного разгрома фашистской Германии и вслед милитаристской Японии. При этом доказательно из книги Каратуева и Фролова следует вывод о том, что Сталин не только сохранил, но и еще выше поднял свой «имидж вождя», уверенного в победе. Из приводимых высказываний современников следует, что даже в своих немногочисленных речах он находил такие слова и аргументы, которые вызывали дальнейший прилив народного патриотизма. И всё же особое место в тех неповторимых событиях заняло выступление по радио 3 июля 1941 г. и его появление на трибуне Красной площади во время военного парада в честь 24-й годовщины Октября, оказавших «огромное влияние на готовность советского народа продолжать самоотверженную борьбу с врагом».

Наша искренняя признательность авторам монографии, приведшим на её 293 странице очень верные и столь же необходимые при современном фальсификаторском разгуле высказывания по этому поводу двух иностранных авторов о выступлении Сталина 3 июля. Первое принадлежит К.С. Каролу - молодому польскому беженцу в СССР: «Это самая замечательная из его речей, единственная, которая доходит прямо до сердца. Я решительно утверждаю, что эта речь была шедевром, еще лучше, чем речь Черчилля «Кровь и слёзы». Я видел собственными глазами, как она подняла настрой всей страны». «В этот день - 3 июля - пишет в свою очередь итальянский историк Джузеппе Боффа, - Сталин произнес самую сильную из речей за свою долгую политическую карьеру». Он затронул, как отмечали и другие, самые глубинные, патриотические струны народной души и сам стал необходимым объединяющим фактором в условиях, когда Отечество в опасности.

Автор этих заметок - не противник исторических аналогий, выходящих на современность, скорее наоборот. И у нас есть очень мощные единомышленники, имеется прежде всего в виду писатель

Александр Проханов. Еще вчера он был в оппозиции ельцинскому режиму. Ныне же он основной сторонник преобразования путинской России в так называемую Пятую империю как преемницу Четвертой - сталинской.

На фоне предвыборной кампании в Государственную думу пятого созыва, Проханов вместе с кремлёвской администрацией и «Единой Россией» развернули кампанию по превращению Путина в единого, несравненного и даже духовного лидера России. Именно в этот момент сработало, наконец, глубинное, достойное писателя-мыслителя восприятие происходящего, приведшее его к тем историческим аналогиям, а точнее к антианалогиям, о которых мы начали говорить выше. «Путина наделяют не властными, а духовными, мистическими полномочиями, превращая его в Отца Нации, в Духовного Лидера», - читаем мы в ноябрьском 46-м номере прохановского еженедельника.

«При этом забывают, что Духовный Лидер не фабрикуется, не назначается, а выплавляется огнедышащей историей. Таким Духовным Лидером был Сталин, когда народ под его водительством одержал мистическую победу. Другой источник божественного авторитета – «помазание»... Но «Путин - не царь, и превращение его в монарха потребует мучительной процедуры, связанной с воцерковлением народа и грандиозной церковной реформой. Путин не Сталин, ибо он еще не одержал...русскую Победу. Не выхватил «русскую цивилизацию» из «черной дыры» истории. Не запустил долгожданное развитие. Не нанес сокрушительный удар по коррупции - силы, что страшной троцкистско - бухаринского блока. Не мобилизовал унылый, больной, разучившийся верить народ на битву за Россию. Не сформулировал «русскую альтернативу» перед лицом падающего в пропасть мира».

Вот такие возникают аналогии, которые не имеют ничего общего с «панегириком Сталину».

Ноябрь 2007

Содержание

Виктору Тихоновичу Анискову – 80 лет	3
Воронцов С.Л. Формирование нравственности офицеров в армии дореволюционной России.....	9
Лушников А.М. Военно-учебные заведения Ярославля до начала 50-х гг. XX в.: краткий исторический очерк	15
Хаиров А.Р. Становление оборонной промышленности в 20-е годы	22
Малахов Д.Н. Медицинское обеспечение Красной Армии в 30-е гг. XX века.....	34
Осьмачко С.Г. Негативные идеологические стереотипы в идеологической работе в РККА (опыт 1929-1941 гг. и современность)	45
Жарков В.В. Реформирование политорганов накануне Великой Отечественной войны.....	61
Воронова Е.В. Формирование образа врага в действующей армии (опыт РККА 1929-1941 гг. и современность).....	72
Новиков М.В., Стяжкин С.В. Борьба с немецкой агентурой на территории Ярославской области в 1941-1942 году.....	76
Картавый С.Н. Провал гитлеровских планов стратегической обороны в годы Второй мировой войны.....	91
Анисков В.Т. Маршал Василевский о генералиссимусе Сталине (к 65-летию разгрома фашистов под Сталинградом).....	100
Киселев К.А. Контрудар 5-й танковой армии под Воронежем: уроки и выводы.....	112
Ласкин С.А. Характер действий Военно-Воздушных Сил СССР и Германии в начальный период Курской битвы 1943 г..	118
Киселев М.А. Опыт Великой Отечественной войны по ведению наступления в городе.....	127
Киселев А.А. Внезапность действий и введение противника в заблуждение как основа достижения победы в операции и бою.....	134
Фартунин М.Ю. Тактика действий бандформирований в Чеченской республике (1999-2000г.г.).....	140
Сазонов А. И. К вопросу об образовании первого военно-инженерного учебного заведения.....	149
Анисков В. Т. Рецензия на книгу Каратуева М.И., Фролова М.И. 1939-1945 гг.: взгляд из России и из Германии. – СПб.: «СПБ СРП» Павел, 2006. – 366 с.	158

Научное издание
Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук
Материалы научной конференции

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная вёрстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 30.07.08

Формат бумаги 60x92/16
10,25 печ.л., 8,6 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ 175

Издательство ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44